

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Ш Е К С П И Р А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

И. КЕТЧЕРА,

по, найденному Пэиъ Коззлеромъ, старому экземпляру
in folio 1632 года.

ЧАСТЬ 7.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ.

ГАМЛЕТЪ.

ТЩЕТНЫЙ ТРУДЪ ЛЮБВИ.

МЪРА ЗА МЪРУ.

Издание К. Солдатенкова.

ЦѢНА КАЖДОЙ ЧАСТИ 1 Р. СЕР.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.
1873.

ШЕКСПИРЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Ш Е К С П И Р А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Н. КЕТЧЕРА,

НО, НАЙДЕННОМУ ПѢИЪ КОЛЪБЕРОМЪ, СТАРОМУ ЭКЗЕМПЛЯРУ
in folio 1632 года.

ЧАСТЬ 7.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ.

ГАМЛЕТЪ.

ТЩЕТНЫЙ ТРУДЪ ЛЮБВИ.

МЪРА ЗА МЪРУ.

Изданіе К. Солдатенкова.

ЦѢНА КАЖДОЙ ЧАСТИ 1 Р. СЕР.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

1873.

ГАМЛЕТЪ,
ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Клавдій, король Даніи.

Гамлетъ, сынъ его предшественника и племянникъ ему.

Гораціо, другъ Гамлета.

Полоній, старшій-камергеръ.

Ласертъ, сынъ его.

Вольтимандъ,

Корнелій,

Розенкранцъ,

Гильденштернъ,

} придворные.

Осрикъ, придворный.

Другой придворный.

Священникъ.

Марцелло,

Бернардо,

} офицеры.

Франциско, солдатъ.

Рейнальдо, слуга Полонія.

Капитанъ.

Послы.

Духъ отца Гамлета.

ч. VII.

Фортинбрасъ, принцъ Норвежскій.

Кловны, могильщики.

Гертруда, королева Даніи и мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные, Офицеры, Солдаты, Актеры, Матросы, Вѣстники
и свита.

Дѣйствіе въ Эльзинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА 1.

Эльзиноръ. Терраса передъ замкомъ.

Франциско на стражѣ. *Входитъ* Бернардо.

Б Е Р. Кто здѣсь?

Ф Р А. Стой—отзывъ! и самъ скажи кто ты.

Б Е Р. Да здравствуетъ король!

Ф Р А. Бернардо?

Б Е Р. Онъ.

Ф Р А. Ты аккуратенъ—во время явился.

Б Е Р. Только что пробило двѣнадцать ¹⁾; ступай спать.

Ф Р А. Спасибо, что во время смѣнилъ. Холодъ страшный,
и нездоровится что-то.

Б Е Р. А покойна была твоя стража?

Ф Р А. Мышь не шевельнулась.

Б Е Р. И прекрасно; прощай же. Встрѣтишь Гораціо и Мар-
целло, товарищей моей стражи,—скажи, чтобъ шли скорѣе.

Входитъ Гораціо и Марцелло.

Ф Р А. Да вотъ, кажется, и они. Стой! кто идетъ?

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: 'T is now struck twelve... По Кольтеру: 'T is
new struck twelve...

г о р. Друзья отечества.

м а р. И вассалы короля Даниа.

ф р а. Спокойной же вамъ ночи.

м а р. Прощай; кто смѣнилъ тебя?

ф р а. Бернардо. Спокойной ночи. (*Уходитъ.*)

м а р. Эй, Бернардо!

б е р. Здѣсь. Съ тобой—Гораціо?

г о р. Часть его.

б е р. Милости просимъ, Гораціо! милости просимъ, добрый Марцелло.

г о р. Ну а то-то являлось въ эту ночь?

б е р. Ничего не видалъ еще.

м а р. Гораціо говоритъ, что все это игра воображенья, не даетъ никакой вѣры страшному явленью, дважды нами видѣнному—я и упросилъ его побыть эту ночь съ нами на стражѣ, чтобъ убѣдился, если призракъ снова явится, что наши глаза не обманули насъ, чтобъ поговорилъ съ нимъ.

г о р. Все это вздоръ—не явится.

б е р. Присядемъ пока; позволю еще разъ напасть на твой слухъ, такъ укрѣпленный противъ нашего разсказа о томъ, что два раза видѣли.

г о р. Присядемъ, послушаемъ что еще разскажетъ Бернардо.

б е р. Прошедшей ночью, когда вонъ та звѣзда, что на западѣ отъ полюса, загорѣлась на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ теперь горитъ, Марцелло и я—только что колоколъ ударилъ часъ—

м а р. Молчи!—вонъ—идетъ опять.

Входитъ Духъ.

б е р. Въ томъ же видѣ; точь въ точь покойный нашъ король.

м а р. Ты вѣдь ученый ¹⁾; заговори съ нимъ, Гораціо.

б е р. Похожъ на короля, Гораціо?

г о р. Какъ нельзя болѣе; — цѣпенѣю отъ ужаса и изумленья.

б е р. Онъ хочетъ, чтобъ заговорили съ нимъ.

м а р. Спроси его, Гораціо.

г о р. Что такое ты, злоупотребляющій этимъ часомъ ночи и прекрасными, военными доспѣхами, въ которыхъ ходило иногда величіе схороненнаго короля Даниа? Заклинаю тебя небомъ, говори!

м а р. Онъ оскорбился.

б е р. Уходить.

г о р. Стой! говори, говори! заклинаю, говори! (*Духъ уходитъ.*)

м а р. Ушелъ, отвѣчать не хочетъ.

б е р. Ну что, Гораціо? ты дрожишь, блѣденъ. Не болѣе это игры воображенья? Какъ ты объ этомъ думаешь?

г о р. Клянусь, никогда не повѣрилъ бы я этому безъ осязательнаго, несомнѣннаго свидѣтельства собственныхъ глазъ.

м а р. И похожъ вѣдь на короля?

г о р. Какъ ты на самого себя. Такія точно латы были на немъ, когда онъ дрался съ надменнымъ Норвежцемъ; такъ же точно свелъ онъ однажды брови, когда, въ ярыхъ переговорахъ, вышвырнулъ Поляка изъ саней его на ледъ. Странно.

м а р. Такъ и передъ этимъ два раза проходилъ онъ мимо насъ именно въ этотъ же глухой часъ и такой же воинственной походкой.

г о р. Что собственно это означаетъ—не знаю; вообще

¹⁾ Знающій латинскій языкъ, на которомъ, какъ на языкѣ богослуженія, духовенство совершало и заклинанія нечистаго.

же не могу не принять за предвѣстіе какихъ-либо необыкновенныхъ бѣдъ для нашего государства.

м а р. Да сядемте. Объясните мнѣ, кто знаетъ, зачѣмъ эта строга, бдительная стража по ночамъ—народу въ тягость? зачѣмъ это ежедневное литье пушекъ и закупка въ чужихъ краяхъ военныхъ снарядовъ? зачѣмъ эта насильственная сгонка рабочихъ на верфи, гдѣ не отличаютъ воскресенья отъ будней? что грозить намъ, что заставляетъ обливающуюся потомъ поспѣшность дѣлать ночь сотрудницею дня? Кто объяснить мнѣ это?

г о р. Я; поговариваютъ покрайней мѣрѣ вотъ что. Покойный король нашъ, котораго образъ сейчасъ намъ являлся, былъ, какъ вамъ извѣстно, вызванъ на единоборство Фортинбрасомъ норвежскимъ, подстрекнутымъ къ тому чрезмѣру завистливой гордыней. Въ единоборствѣ этомъ доблестный нашъ Гамлетъ—такимъ признанъ въдъ онъ всей этой стороною извѣстнаго намъ міра—убилъ этого Фортинбраса, и въ силу договора, снабженнаго печатами, скрѣпленнаго закономъ и геральдикой, всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, перешли, съ его смертию, къ побѣдителю. Точно такъ же и нашимъ королемъ была назначена соотвѣтствующая часть владѣній, которая перешла бы къ Фортинбрасу, если бъ онъ остался побѣдителемъ, какъ перешли, по тому же самому договору ¹⁾, его земли къ Гамлету. Теперь же, юный Фортинбрасъ, полный неопытной отваги, набралъ тамъ и сямъ по окраинамъ Норвегіи ватагу бездомныхъ сорванцевъ, готовыхъ, изъ хлѣба, на всякое хоть сколько-нибудь прибыльное предпріятіе; а предпріятіе это, какъ сдается нашему правительству, возвращеніе вооруженной рукой, силой упомянутыхъ, потерянныхъ его отцемъ земель. И вотъ,

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: by the same co-mart... По Коэльеру: by the same cov'nant...

какъ мнѣ кажется, главная причина всѣхъ этихъ приготовленій, вина усиленной стражи, попыховъ и суетни во всей странѣ.

в е р. Такъ оно, полагаю, и должно быть. Выходитъ и съ явленіемъ въ полномъ вооруженіи зловѣщаго призрака, такъ похожаго на короля, который былъ и есть причина этихъ войнъ.

г о р. Песчинка это, засоряющая глазъ пониманія. Въ великомъ, побѣдоносномъ Римѣ, незадолго до паденія могучаго Юлія, пустѣли могилы, и мертвецы въ саванахъ визжали и бормотали на улицахъ; являлись звѣзды съ огненными хвостами, падали кровавыя росы, покрывалось солнце пятнами и влажное, управляющее царствомъ Нептуна свѣтило ¹⁾ хворало почти до роковаго дня затменіемъ; такія же знаменія страшныхъ событій—всегдашнія предтечи судебъ, прологи грядущаго бѣдствія,—являютъ и небо и земля и въ нашей странѣ нашимъ соотечественникамъ—

Входитъ Духъ снова.

Вотъ! смотрите! идетъ опять. Заступлю ему дорогу, хотя бъ пришлось погибнуть.—Стой, призракъ! можешь издавать звуки, владѣешь голосомъ—говори. Могу сдѣлать что-нибудь доброе, тебѣ на успокоеніе, мнѣ на спасеніе — говори. Знаешь судьбу, грозящую странѣ твоей, можно твоимъ предвѣдніемъ отвратить ее—о, говори! Зарылъ вымогательствомъ при жизни скопленные сокровища въ нѣдра земли, за что, говорятъ, вы, духи, часто по смерти блуждаете (*За сценой раздаются пльіе птыуха*)—говори. Стой же, говори! — Останови его, Марцелло.

м а р. Не ткнуть ли копьемъ?

г о р. Ткни, если не остановится.

¹⁾ Мѣсяцъ.

Б Е Р. Вонъ онъ!

Г О Р. Вонъ! (*Духъ уходитъ.*)

М А Р. Ушелъ. Не хорошо что прибѣгли къ насилию. Онъ такъ величественъ и невредимъ, какъ воздухъ; бесполезные наши удары злая только насмѣшка.

Б Е Р. Онъ только что хотѣлъ заговорить, какъ закричалъ пѣтухъ.

Г О Р. И онъ вздрогнулъ, какъ виновный отъ страшнаго призыва. Слыхалъ я, что пѣтухъ, этотъ трубачъ утра, будить бога дня своей звонкой гортанью и что только раздастся предостерегающій крикъ его—блуждающій духъ, будь онъ въ морѣ, въ огнѣ, въ землѣ, или въ воздухѣ, спѣшитъ въ свои предѣлы; и вотъ, справедливость этого доказана теперь самимъ дѣломъ.

М А Р. Онъ исчезъ только что пѣтухъ крикнулъ. Говорятъ, что въ то время года, въ которое празднуется рожденіе нашего Спасителя, разсвѣтлая эта птица поетъ всегда всю ночь на пролетъ; и тогда, говорятъ, ни одинъ духъ не смѣетъ уже бродить, ночи для здоровья безвредны, не оказываютъ дурнаго дѣйствія и планеты, и всякое колдовство и всѣ вѣдьмы лишаются своей силы. Такъ свято и благодатно это время.

Г О Р. Слыхалъ это и я, и отчасти вѣрю тому. Посмотрите однакожъ, утро, завернувшись въ багряную свою мантию, грядетъ уже по росѣ вонъ того высокаго восточнаго холма. Кончимъ стражу; и мой совѣтъ: разсказать все, что мы въ эту ночь видѣли, молодому Гамлету; ручаюсь жизнью, что духъ, пѣмый съ нами—съ нимъ заговорить. Согласны вы сообщить ему все, какъ велятъ и любовь и долгъ?

М А Р. Разскажемъ; я знаю гдѣ сегодня утромъ всего лучше сойдтись съ нимъ.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА 2.

Тамъ же. Приемная во дворцѣ.

Трубы. Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаертъ, Вольтимандъ, Корнелій, Вельможи и Свита.

К О Р. (*Садясь на престолъ*). Хотя память о смерти дорогаго нашего брата и свѣжа еще; хотя и подобало бы, чтобъ сердца наши были погружены еще въ горе и все наше государство являло одно скорбное лице—борьба разсудка съ природой привела насъ однакожъ къ благоразумно грустному воспоминанію о немъ, памятуя и о себѣ. Потому, и нашу бывшую сестру, теперь нашу королеву, царственную владычицу вдовьяго участка въ воинственномъ нашемъ государствѣ, нарекли мы нашей супругой съ радостью какъ бы подавленной, съ веселіемъ въ одномъ глазу, съ слезой въ другомъ, съ ликованіемъ на похоронахъ, съ заукойною пѣснью на свадьбѣ, развѣсивъ по ровну восторгъ и горе; и въ этомъ дѣлѣ мы нисколько не стесняли вашей мудрости, свободно согласившейся съ нами—за что и благодаримъ васъ. За симъ, нужно вамъ знать, что юный Фортинбрасъ, считая насъ слишкомъ ужъ ничтожными, полагая, что со смертью дорогаго нашего брата государство наше расшаталось, вышло изъ пазовъ, увлекся этимъ призраккомъ благопріятныхъ для него обстоятельствъ и не преминулъ оскорбить насъ присылкой пословъ съ требованіемъ возврата земель, потерянныхъ его отцомъ, приобретенныхъ совершенно законно доблестнымъ нашимъ братомъ. Этого о немъ достаточно.—Теперь о насъ самихъ и о винѣ этого собранія. Дѣло вотъ въ чемъ: мы написали королю Норвегіи, дядѣ юнаго Фортинбраса, который, вслѣдствіе старческой немощности, не покидая постели, едва ли и знаетъ о замыслѣ племянника,—чтобы онъ остановилъ дальнѣйшее осуществле-

ніе его, тѣмъ болѣе что и наборъ людей и всѣ нужныя приготовленія производятся въ его владѣніяхъ. Тебѣ, любезный Корнелій, и тебѣ, Вольтимандъ, поручаемъ мы передать дряхлому королю нашъ привѣтъ и вести съ нимъ переговоры, не переходя за предѣлы статей подробно изложенныхъ въ этомъ наказѣ. (*Подаетъ ея имъ.*) Прощайте; докажите вашей посѣшностью ваше усердіе.

к о р н. и вол. Готовы доказать его какъ въ этомъ, такъ и во всемъ.

к о р. Не сомнѣваемся; прощайте. (*Вольтимандъ и Корнелій уходятъ.*) Теперь, что скажешь ты, Лаертъ? У тебя, ты говорилъ, есть какая-то до насъ просьба; какая же, Лаертъ? Дѣльная рѣчь съ королемъ Даніи не можетъ быть напрасной тратой голоса. Что можетъ попросить Лаертъ, что не сдѣлалось бы нашимъ предложеніемъ—не просьбой твоей? И голова не такъ близка сердцу, и рука не такъ услужлива рту, какъ престолъ Даніи твоему отцу. Чего жъ хотѣлось бы тебѣ, Лаертъ?

л а е р. Позволенія вашего величества возвратиться во Францію, откуда пріѣхалъ добровольно, считая присутствіе при вашей коронаціи священнѣйшимъ долгомъ. Теперь же, исполнивъ этотъ долгъ, признаюсь, и мысли и желанья опять влекутъ меня во Францію и молятъ васъ, чтобъ вы позволили.

к о р. А отецъ позволяет? Что скажетъ намъ Полоній?

п о л. Неотступными просьбами, государь, онъ вынудилъ у меня неохотное позволеніе, заставилъ наконецъ къ своему желанью приложить печать нелегкаго согласія. Прошу, отпустите его.

к о р. Пользуйся жъ счастливымъ для тебя, Лаертъ, мгновеніемъ. Располагай своимъ временемъ себѣ въ угоду; убивай его какъ знаешь.—А ты, племянникъ и сынъ мой Гамлетъ—

г а м. (*Про себя.*) Не много большій чѣмъ родня и менѣе всего радѣтель.

к о р. Все омраченъ печали облаками?

г а м. Напротивъ, государь, слишкомъ озаренъ солнцемъ. королев. Сбрось, добрый Гамлетъ, цвѣта ночи¹⁾ и взгляни дружественно на короля Даніи. Будетъ искать потупленными очами благороднаго твоего отца въ землѣ. Ты знаешь—общая вѣдь это участь: всему живущему суждено ужъ умирать, переходить изъ этого міра въ вѣчность.

г а м. Да, королева, общая это участь.

к о ролев. А если такъ, отчего же ты, кажется, такъ особенно пораженъ этимъ?

г а м. Кажется, королева? нѣтъ, такъ оно и есть; не знаю я никакого кажется.—Ни черная моя мантия, добрая матушка, ни обычныя траурныя одежды, ни вздохи стѣсненнаго дыханія, ни обильные потоки слезъ, ни унылое выраженіе лица, со всѣми формами, видами, знаками скорби не дадутъ еще вѣрнаго обо мнѣ понятія: все это дѣйствительно можетъ казаться, потому что можетъ быть поддѣльнымъ. Во мнѣ есть то, что выше всякаго показа; все же остальное только наряды, прикрасы скорби.

к о р. Прекрасно и похвально, Гамлетъ, что отдаешь долгъ сѣтованія отцу своему; долженъ однакожъ знать, что и твой отецъ потерялъ отца, что потерянный отецъ потерялъ своего. Оставшіеся въ живыхъ, по долгу сына, обязаны, конечно, нѣкоторое время оплакивать его; но постоянное, упорное сѣтованіе—дѣло нечестиваго упрямства; это скорбь недостойная мужа, обнаруживающая волю крайне небу непокорную, сердце далеко не твердое, духъ нетерпѣливый, разумъніе слабое

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: cast thy nighted colour off... По Кольтеру: cast thy nightlike colour off...

и необразованное. Къ чему, изъ вздорнаго упорства, принимать такъ близко къ сердцу то, что, знаемъ, должно быть и такъ обыкновенно, какъ самое обыкновенное изъ всего, что видимъ. Фи! Это грѣхъ передъ небомъ, грѣхъ передъ усопшими, грѣхъ передъ природой, безуміе передъ разсудкомъ, у котораго смерть отцевъ — обычная тема, который, отъ перваго трупа до нынѣ умершаго, постоянно провозглашалъ: „такъ должно быть“. Оставь же безплодное сѣтованіе и смотри на насъ, какъ на отца; пусть знаетъ свѣтъ, что ты ближайшій къ нашему престолу и любимъ нами такой любовью, какой только нѣжно любящій отецъ можетъ любить сына. Твое намѣреніе возвратиться въ Виттенбергскую школу совершенно противно нашимъ желаніямъ, и мы просимъ тебя остаться здѣсь, намъ на радость и утѣшеніе, какъ перваго изъ нашихъ придворныхъ, племянника и сына.

к о р о л е в ѣ. Не сдѣлай, Гамлетъ, и просьбъ матери напрасными. Прошу останься съ нами; не уѣзжай въ Виттенбергъ.

г а м. Готовъ отъ всей души вамъ повиноваться, королева.

к о р. Отвѣтъ любовный и прекрасный. Будь же въ Даніи, какъ мы сами. — Идемъ, королева; любезное, нисколько не вынужденное согласіе Гамлета улыбается нашему сердцу, и потому каждое веселое здоровье, которое выпьетъ нынче король Даніи, возвѣстится небесамъ большой пушкой, и небеса отгрянутъ кликъ заздравный короля, земные громы повторятъ. Идемъ. (*Уходитъ съ Королевой, Полоніемъ, Лаертомъ и свитой.*)

г а м. О, если бы это слишкомъ, слишкомъ крѣпкое тѣло растаяло, распустилось, разложилось въ росу! или, когда бы Предвѣчный не постановилъ закона противъ самоубійства! О, Боже, Боже! Какъ противно, черство, пошло и безплодно ка-

жется мнѣ все, что дѣлается въ этомъ мірѣ! Гадокъ онъ мнѣ! гадокъ! садъ онъ оскмняющійся безъ выпалыванія; грубое, вонючее природы заглушаетъ его совершенно. Зачѣмъ дошло до этого! Два только мѣсяца какъ умеръ! — нѣтъ, менѣе: и двухъ нѣтъ. И король такой прекрасный, передъ этимъ — Гиперіонъ передъ сатиромъ, такъ мать мою любившій, что и вѣтрамъ неба не позволялъ дуть слишкомъ сильно въ лице ея. Земля и небо! зачѣмъ долженъ я помнить? вѣдь и она такъ къ нему льнула, какъ будто страсть ея росла отъ того самого, что ее насыщало — и черезъ мѣсяць — лучше не думать объ этомъ. — Слабость — твое имя женщина! — Черезъ коротенькой какой-нибудь мѣсяць — прежде чѣмъ износились башмаки, въ которыхъ шла за трупомъ бѣднаго моего отца, вся въ слезахъ, какъ Ніобея; — и зачѣмъ же она, именно она — о, Боже! и звѣрь неразумный скорбѣлъ бы долѣе — она жена моего дяди, брата моего отца, столько же на моего отца похожаго, какъ я — на Геркулеса. Черезъ мѣсяць, прежде чѣмъ, отъ соли лживѣйшихъ слезъ, успѣли покрасѣть напухшія вѣки — она замужемъ. — Гнуснѣйшая нетерпѣливость такъ спѣшить на кровосмѣнительное ложе! Не приведетъ это, не можетъ привести къ добру; надрывайся же сердце — вѣдь языкъ я долженъ сдерживать!

Входятъ Гораціо, Бернардо и Марцелло.

г о р. Здравствуйте, принцъ.

г а м. Я радъ тебя видѣть. Гораціо — или и самого себя не помню.

г о р. Онъ самый, слуга вашъ всегдашній.

г а м. Нѣтъ, — добрый другъ мой; обмѣняемся съ тобой этимъ именемъ. Что вызвало тебя, Гораціо, изъ Виттенберга? — Марцелло?

и а р. Принцъ —

г а м. Очень радъ и тебя видѣть; здравствуй.—Что же, въ самомъ дѣлѣ, вызвало тебя изъ Виттенберга?

г о р. Лѣнь, любезный принцъ.

г а м. Не хотѣлъ бы это слышать и отъ врага твоего; и ты не заставишь мое ухо вѣрить твоей собственной клеветѣ на себя. Я знаю, ты не лѣнивъ. Что за дѣла у тебя въ Эльзинорѣ? — Мы научимъ тебя, прежде чѣмъ уѣдишь, пить мертвую.

г о р. Принцъ, я пріѣхалъ на похороны отца вашего.

г а м. Прошу, не смѣйся же надо мной, школьный товарищъ; скажи: на свадьбу матери.

г о р. Дѣйствительно, принцъ, она скоро за тѣмъ послѣдовала.

г а м. Разсечетъ, разсечетъ, Гораціо; остатки похороннаго обѣда пошли, холодные, на свадебный. Лучше бы я встрѣтилъ злѣйшаго врага моего на небѣ прежде, чѣмъ дожилъ до этого дня, Гораціо!—Мой отецъ—мнѣ кажется я вижу моего отца.

г о р. Гдѣ, принцъ?

г а м. Въ глазахъ моей души, Гораціо.

г о р. Видалъ и я его; прекрасный былъ король.

г а м. Человѣкъ онъ былъ, былъ все во всемъ. Не видать уже мнѣ подобнаго.

г о р. Принцъ, мнѣ кажется, я видѣлъ его вчера ночью.

г а м. Видѣлъ? кого?

г о р. Короля, отца вашего.

г а м. Короля, отца моего?

г о р. Умѣрьте на минуту ваше изумленіе и выслушайте внимательно что разскажу объ этомъ чудѣ, опираясь, вотъ и на ихъ свидѣтельство.

г а м. Разсказывай же, ради Бога.

г о р. Двѣ ночи сряду господа эти, Марцелло и Бернардо, находясь вмѣстѣ на стражѣ, видятъ въ глухой полночный часъ

вотъ что: является вдругъ передъ ними фигура, похожая на вашего отца, въ полномъ отъ головы до ногъ вооруженіи, и тихо, торжественно проходить мимо; проходить три раза передъ ихъ испуганными глазами на разстояніи небольшомъ жезла, который держала въ рукѣ, между тѣмъ какъ они, обращенные страхомъ чуть не въ студень ¹⁾, стоятъ онѣмелые и не заговариваютъ съ ней. Они передали это мнѣ съ страшной таинственностью, и на третью ночь я пошелъ вмѣстѣ съ ними на стражу, гдѣ все что они разсказывали, каждое слово ихъ подтвердилось; въ тотъ же часъ и въ томъ же видѣ призракъ явился. Я зналъ вашего отца; и эти руки не болѣе похожи одна на другую.

г а м. Гдѣ же это было?

м а р. На террасѣ, принцъ; тамъ гдѣ стояли стражей.

г а м. Говорили вы съ нимъ?

г о р. Я говорилъ, но онъ молчалъ; разъ только поднялъ голову и, судя по движенію, казалось, хотѣлъ заговорить; но тутъ громко крикнулъ пѣтухъ, и при этомъ звукѣ быстро понесся онъ прочь и исчезъ изъ виду.

г а м. Странно.

г о р. Все это такъ истинно, какъ то, что живу; и мы сочли долгомъ передать это вамъ.

г а м. Такъ, такъ, господа; но это такъ сильно смущаетъ меня. Пойдете вы и въ эту ночь на стражу?

в с ѣ. Пойдемъ, принцъ.

г а м. Вооруженъ, говорите вы?

в с ѣ. Вооруженъ.

г а м. Отъ головы до пятокъ?

в с ѣ. Отъ головы до пятокъ.

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: whilst they, *distill'd* almost to jelly... По Коэльеру: whilst they, *bechill'd* almost to jelly.

г а м. Лица вы, стало, не видали?
 г о р. Видѣли, принцъ; забрало шлема было поднято.
 г а м. Смотрѣлъ онъ гнѣвно?
 г о р. Лице его было не столько грозно, сколько скорбно.
 г а м. Блѣдно, или красно?
 г о р. Очень блѣдно.
 г а м. И взоры были устремлены на васъ?
 г о р. Постоянно.
 г а м. Зачѣмъ не былъ я съ вами!
 г о р. Онъ ужаснулъ бы васъ.
 г а м. Весьма, весьма вѣроятно. Долго онъ оставался?
 г о р. Не долѣе того времени какое нужно, чтобъ, не спѣша, счесть до ста.
 в е р. и м а р. Долѣе, долѣе.
 г о р. Не тогда, какъ я его видѣлъ.
 г а м. А борода сѣдоватая?
 г о р. Такая жъ какъ при жизни—черная съ простѣдью.
 г а м. Приду и я къ вамъ въ эту ночь на стражу. Можетъ быть онъ опять явится.
 г о р. Ручаюсь, явится.
 г а м. Приметь онъ опять образъ моего отца—я заговорю съ нимъ, хотя бы и самый адъ разверзъ пасть свою и повелѣлъ молчать. Прошу васъ всѣхъ, хранили вы до сихъ поръ видѣніе это въ тайнѣ, храните и за симъ тройное о немъ молчаніе, и что бы ни случилось въ эту ночь, давайте всему смыслъ, но языка не давайте. Я вознагражу любовь вашу. Прощайте. Между одиннадцатью и двѣнадцатымъ явлюсь къ вамъ на террасу.

в с ѣ. Свидѣтельствуемъ вамъ, принцъ, наше почтеніе—

г а м. Нѣтъ, любовь, какъ и я мою къ вамъ. Прощайте. *(Горацио, Марцелло и Бернардо уходятъ.)* Духъ моего отца въ полномъ вооруженіи! не все тутъ ладно; есть, подозрѣ-

ваю, что-то нечистое; когда бъ скорѣе ночь настала! Будь же пока покоенъ духъ мой. Гнусныя дѣла выступать на свѣтъ, хотя бъ и всей землей ихъ завалили! *(Уходитъ.)*

СЦЕНА 3.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаертъ и Офелія.

л а е р. Всѣ мои дорожныя вещи на кораблѣ ужъ; прощай. Смотри же, сестра, подуетъ попутный вѣтеръ, выдетъ благоприятный случай—не спи, шли о себѣ вѣсточку.

о ф е л. Не пришло, думаешь?

л а е р. Чтожъ касается до Гамлета и здоровъ его любви, смотри на нихъ какъ на свѣтскую любезность, игру крови, какъ на фіалку роскошной юности природы—раннюю, но не прочную, прекрасную, но не долговѣчную,—благоуханіе, услада это минуты, не болѣе.

о ф е л. Не болѣе?

л а е р. Вѣрь, не болѣе; потому что развитіе нашей природы не ограничивается развитіемъ только мышцъ и тѣла; потому что вмѣстѣ съ возрастаніемъ храма разрастается и внутреннее священнодѣйствіе души и разума. Можетъ быть теперь онъ и любить тебя дѣйствительно, и никакая черная мысль, никакая хитрость не пятнають его помысловъ; но ты должна бояться, сообразивъ его высокій санъ, что онъ въ себѣ не властенъ, потому что самъ подданный своего рожденія. Не можетъ онъ, какъ простые смертные, самъ устроять свою судьбу, потому что отъ его выбора зависить спокойствіе и благоденствіе цѣлаго государства; отчего выборъ его и ограничивается волей и требованіями тѣла, котораго онъ глава. По тому самому, станетъ онъ увѣрять тебя въ любви—благоразуміе велитъ вѣрить ей лишь на столько, на сколько,

по званію и силѣ, онъ можетъ обратить слова въ дѣло; а это—на сколько будетъ согласна съ тѣмъ вся Данія. Подумай только, какъ поэтому можетъ пострадать твоя честь, будешь слишкомъ довѣрчивымъ ухомъ слушать его напѣвы; утратишь сердце, или сдѣлаешь цѣломудренное твое сокровище доступнымъ его неукротимой навязчивости. Бойся этого, Офелія, бойся, милая сестра моя; держись подалѣе отъ страсти, виѣ выстрѣловъ опасныхъ увлеченій. И осторожнѣйшая дѣва неосторожна, разоблачая красы свои передъ мѣсяцемъ. И сама добродѣтель не избѣгаетъ царящихъ клеветы; и какъ часто дѣтей весны подѣлаетъ червь прежде, чѣмъ успѣютъ развернуть почку; на росистой зарѣ юности заразные порывы вѣтра опаснѣй, чѣмъ когда. Будь же осторожна; страхъ—лучшая охрана; достаточно у юности борьбы и съ самой собою, безъ всякихъ другихъ враговъ.

о ф е л. Прекрасный этотъ урокъ будетъ стражемъ моего сердца. Но и ты, добрый братъ, смотриже, не дѣлай того, что дѣлаютъ иные строгіе проповѣдники: указывая мнѣ крутой, тернистый путь къ небу, не совращайся самъ, подобно легкомысленному, беззаботному вертопраху, на цвѣтистую стезю волокитства, наперекоръ своимъ урокамъ.

л а е р. За меня не бойся. Но я замешкался—

Входитъ Полоній.

Вотъ и отецъ идетъ сюда. — Двойное благословеніе — двойное счастье; случай улыбнулся второму прощанію.

п о л. Ты здѣсь еще, Лаертъ? Стыдись! скорѣй, скорѣй на корабль! Вѣтеръ надулъ ужъ паруса—тебя ждутъ. (*Кладя руку на голову Лаерта*) Да пребудетъ съ тобой мое благословеніе, а вотъ эти немногія правила запиши въ свою память. Не давай языка мыслямъ и никакой необдуманной мысли не приводи въ исполненіе. Будь со всѣми обходителенъ, но ни-

какъ не за панибрата. Другей испытанныхъ прикрѣпи къ сердцу стальными обручами, но не мозоль руки, подавая ее каждому только что вылупившемуся, еще не оперившемуся знакомцу. Избѣгай ссоръ, а поссорившись, держись такъ чтобы противникъ тебя боялся. Слушай всякаго, говоря съ немногими; принимай мнѣніе каждаго, удерживая свое собственное. Одѣвайся такъ богато, какъ только позволить кошелькъ, но не причудливо; богато, но не изысканно; платье часто опредѣляетъ челоуѣка, и во Франціи высшія сословія въ этомъ отношеніи весьма свѣдущи и разборчивы ¹⁾. Не занимай и не давай въ займы, потому что ссудой, вмѣстѣ съ нею, нерѣдко утрачивается и другъ, а займомъ притупляется остріе разсчета. Главное же, будь вѣренъ самому себѣ, изъ чего неминуемо, какъ день за ночью, послѣдуетъ и то, что ни съ кѣмъ не будешь лживъ. Прощай; все это да укрѣпить въ тебѣ мое благословеніе.

л а е р. Прощаюсь, какъ покорнѣйшій изъ сыновей.

п о л. Время не терпѣть; ступай—слуги ждутъ тебя.

л а е р. Прощай, Офелія; не забывай же что говорилъ тебѣ.

о ф е л. Все замкнула въ моей памяти и ключъ отъ нея вѣряю тебѣ.

л а е р. Прощай. (*Уходитъ.*)

п о л. Что это онъ говорилъ тебѣ, Офелія?

о ф е л. Кое-что, касающееся принца Гамлета.

п о л. А! какъ нельзя ксати. Слышалъ я, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ часто бываетъ съ тобой наединѣ и что ты сама стала какъ-то падка, таровата на эти свиданья. Если это такъ—такъ покрайней мѣрѣ предостерегали меня, — я долженъ сказать тебѣ, что ты далеко не такъ ясно понимаешь

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: of a most select and generous *chief*... По Коэльеру: of a most select and generous *choice*...

себя, какъ подобало бы моей дочери, какъ требуетъ твоя честь. Что у васъ такое? скажи мнѣ всю правду.

о ф е л. Онъ недавно увѣрялъ меня въ любви—

п о л. Любви? Дичь! ты говоришь, какъ глухая, неопытная въ такомъ опасномъ дѣлѣ дѣвченка. Вѣришь ты этимъ увѣреніямъ?

о ф е л. Я, право, не знаю что думать—

п о л. А вотъ, скажу: думай что ты ребенокъ, если приняла эти увѣренія за чистую монету, тогда какъ они ничего не стоятъ. Ставь себя дороже, или—благо пришлось къ слову—поставишь и меня въ дураки.

о ф е л. Онъ говорилъ о своей любви такъ прилично—

п о л. Скажи лучше: такъ ловко. Поди, поди!

о ф е л. Подкрѣплялъ свои слова священнѣйшими клятвами.

п о л. Силки для куропатокъ. Знаю, когда кипитъ кровь, какъ расточительно сердце снабжаетъ языкъ клятвами; эти всышки, дочь моя, въ которыхъ больше блеска, чѣмъ тепла, утрачивающія и то и другое во время самыхъ обѣщаній—не слѣдуетъ тебѣ принимать за настоящій огонь. Отнынѣ будь поскупи на твое дѣвичье присутствіе, дорожи своей бесѣдой поболѣ—не удостойвай ея каждаго желающаго. Чтожъ касается до принца Гамлета—вѣрь лишь тому, что онъ молодъ и гуляетъ на привязи гораздо длиннѣйшей, чѣмъ твоя. Коротко, Офелія, не вѣрь его клятвамъ—онѣ сводчицы, совсѣмъ не то, чѣмъ представляются: чистѣйшія молеельницы нечистаго, прикрывающіяся святостію, чтобы лучше обмануть. Однажды навсегда—хочу, чтобы отнынѣ ты не тратила ни минуты твоего досуга ¹⁾ на болтовню съ Гамлетомъ. Слышишь—я требую этого; можешь теперь идти.

о ф е л. Повинуюсь. (*Уходитъ.*)

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: *so slander...* По Кольтеру: *so squander...*

СЦЕНА 4.

ТЕРРАСА.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

г а м. Воздухъ порядкомъ пощипываетъ. Холодно.

г о р. Да, свѣжо.

г а м. Который-то часъ теперь?

г о р. Двѣнадцати, я думаю, вѣтъ еще.

м а р. Било ужь.

г о р. Въ самомъ дѣлѣ? я не слыхалъ; близко, стало, и время, когда духъ обыкновенно является. (*За сценой раздаются звуки трубъ и пушечный выстрѣлъ.*) Это что такое, принцъ?

г а м. Король эту ночь бодрствуетъ—пируетъ, бражничаютъ. Хвастливый выскочка шатается ужь, а трубы и литавры, при каждомъ его глоткѣ рейнскаго, все гремятъ еще его побѣду надъ отвѣтнымъ кубкомъ.

г о р. Чтожъ—такой ужь это обычай?

г а м. Да; но по моему—хоть я и родился здѣсь и привыкъ къ нему—нарушеніе этого обычая похвальнѣй соблюденія. Отуманивающіе голову ночные кутежи эти приобрѣли худую намъ славу у всѣхъ народовъ и Востока и Запада: они зовутъ насъ пьяницами, срамятъ гадкими прозвищами; и въ самомъ дѣлѣ это лишаетъ наши дѣянія, какъ бы они велики ни были, дѣйствительно заслуженнаго довѣрія. То же бываетъ нерѣдко и съ отдельнымъ лицомъ, когда оно одержимо: или какимъ-нибудь природнымъ недостаткомъ, напримѣръ, чрезмѣрнымъ развитіемъ при рожденіи какой-либо склонности, ломающей палисady и оплоты разума—въ чемъ оно нисколько не виновато, потому что рождающееся въ выборѣ качествъ не

властно, — или какой-нибудь привычкой, через чуръ ужь переквашивающей обычные приемы; — въ такомъ, говорю, лицѣ, отмѣченномъ природнымъ или случайнымъ недостаткомъ, частный этотъ недостатокъ затемняетъ, въ общемъ мнѣніи, все присущія добродѣтели — будь онъ такъ же чистъ, какъ сама благодать, такъ велики, какъ только въ смертномъ возможно. Какая-нибудь драхма зла уничтожаетъ часто своимъ позоромъ всю доблестную сущность.

Входитъ Духъ.

г о р. Смотрите, принцъ, идеть!

г а м. Ангелы, силы неба, защитите насъ! (*Молчаніе.*) Духъ ты благости, или проклятый демонъ, несешь ли вѣяніе неба, иль вихри ада, гибельны, иль благодатны твои умыслы, ты являешься въ такомъ вызывающемъ видѣ, что я долженъ говорить съ тобой; готовъ назвать Гамлетомъ, королемъ, отцемъ, властелиномъ Даніи, — о, отвѣчай же мнѣ, не оставляй въ убійственномъ невѣдѣніи! скажи, зачѣмъ твои святые кости, схороненныя смертию, разорвали свой саванъ? зачѣмъ могила, въ которой мы видѣли тебя такъ покойно лежащимъ, разверзла свои тяжелыя, мраморныя челюсти, чтобъ извергнуть тебя? Что можетъ это значить, что ты, безжизненный трупъ, снова, въ полномъ вооруженіи, озаряешься лучами мѣсяца, наполняешь ночь ужасами и насъ, глухихъ смертныхъ, потрясаетъ такъ страшно недоступнымъ нашему разумѣнію? Скажи, зачѣмъ это? для чего? что должны мы дѣлать?

г о р. Онъ дѣлаетъ знакъ чтобъ вы шли за нимъ, какъ будто что-то хочетъ сообщить вамъ однимъ.

м а р. Смотрите, какъ онъ привѣтно манитъ васъ въ мѣсто болѣе уединенное; но вы не ходите за нимъ.

г о р. Низачто.

г а м. Здѣсь говорить онъ не хочетъ; пойду.

г о р. Не ходите, принцъ.

г а м. Почему же, чего бояться? Жизнь для меня не дороже булавки; а душѣ — что можетъ онъ сдѣлать: вѣдь она такъ же безсмертна, какъ и онъ. Манитъ опять. — Иду.

г о р. Но что, если онъ заведетъ васъ въ море, или на страшную вершину скалы надъ нимъ нависшей и тамъ, принявъ другой, чудовищный образъ, лишитъ васъ владѣнія разсудкомъ, обезумитъ? подумайте объ этомъ. То мѣсто и само ужь собой, безъ всякаго другаго повода, возбуждаетъ помыслы отчаянія въ мозгу каждаго, кто только взглянетъ съ него на чертящее такъ далеко внизу море, услышать ревъ его.

г а м. Онъ все манитъ. — Или, я слѣдую.

м а р. Вы не пойдете, принцъ.

г а м. Прочь руки!

г о р. Послушайтесь; мы не пустимъ. (*Удерживаютъ его.*)

г а м. Судьба моя зоветъ, и каждую малѣйшую жилку этого тѣла дѣлаетъ такъ же мощной, какъ мышцы льва немейскаго. (*Духъ манитъ.*) Все зоветъ. — Пустите, господа. (*Вырвался.*) Клянусь небомъ, я слѣбую призракомъ и того, кто станетъ еще удерживать. Прочь! — Или, я слѣдую. (*Уходитъ за Духомъ.*)

г о р. Призракъ совсѣмъ обезумилъ его.

м а р. Пойдемъ за нимъ; повиноваться ему въ этомъ намъ не слѣдуетъ.

г о р. Пойдемъ. — Чѣмъ все это кончится?

м а р. Есть какая-нибудь гниль въ Даніи.

г о р. Господь укажетъ.

м а р. Идемъ же.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА 5.

ДРУГАЯ, ОТДАЛЕННАЯ ЧАСТЬ ТЕРРАСЫ.

Входят Духъ и Гамлетъ.

Г А М. Куда ведешь ты меня? говори, не пойду я далѣе.

Д У Х. Слушай.

Г А М. Готовъ.

Д У Х. Близокъ уже часъ, въ который я долженъ возвратиться въ сѣрный, мучительный пламень.

Г А М. Бѣдный духъ!

Д У Х. Не жалѣй, а слушай внимательно что повѣдаю тебѣ.

Г А М. Говори; я долженъ выслушать тебя.

Д У Х. И отомстить, выслушавъ.

Г А М. Какъ?

Д У Х. Духъ я твоего отца, осужденный до извѣстной поры бродить ночью, а днемъ томиться въ неугасаемомъ пламени ¹⁾, пока не выгорятъ, не уничтожатся все гнусныя грѣхи земной жизни. Не будь запрета рассказывать тайны моей тѣмницы, и легчайшее слово моего разсказа растерзало бы твою душу, заморозило бы юную кровь твою, заставило бы оба глаза высокочить, подобно звѣздамъ изъ сферъ своихъ, растрепало бы волнистыя кудри, поставило бы каждый волосъ дыбомъ, какъ иглы сердитаго дикобраза; но вѣчныя эти тайны не для ушей изъ тѣла и крови.—Слушай, слушай, о, слушай!—Если, ты когда-нибудь любилъ твоего отца—

Г А М. О, Боже!

Д У Х. Отмсти гнусное, неслыханное убійство его.

Г А М. Убійство?

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: confin'd to fast in fires... По Коэльеру: confin'd to lasting fires...

Д У Х. Гнуснѣйшее.—Гнусно и всякое; но это гнуснѣе, неслыханнѣе, противоестественнѣе всехъ возможныхъ.

Г А М. Рассказывай же скорѣе, и на крылахъ быстрыхъ, какъ мысль, какъ помыслы любви, полечу я къ мести.

Д У Х. Вижу твою готовность; безчувственнѣй былъ бы ты и жирныхъ плевелъ, гниющихъ отъ покоя на берегахъ Леты, если бы и это не расшевелило тебя. Слушай же, Гамлетъ. Распущенъ слухъ, что я, заснувъ въ саду, былъ уязвленъ змѣей, и этой выдуманной причиной моей смерти коварно обманута вся Данія. Знай, благородный юноша—гадъ, уязвившій отца твоего на смерть, величается теперь въ его коронѣ.

Г А М. О, предчувствіе! дядя?

Д У Х. Чарами ума, предательскихъ дарованій—проклятіе уму и дарованьямъ, способнымъ на такое обольщеніе!—кровосмѣсительное, прелюбоудѣльное животное это подчинило позорной своей похоти мою королеву, казавшуюся такъ добродѣтельной. О, Гамлетъ, какое это было паденіе! Отъ меня—тогда какъ моя любовь была такъ истинна, что постоянно шла рука объ руку съ клятвой, данной въ день брака,—унизиться до негодя, такъ бѣднаго передо мной природными дарами! Но, какъ добродѣтель никогда не уступаетъ распутству—прими оно даже обликъ неба, такъ похоть, соединишься она и съ лучезарнымъ ангеломъ, насытившись райскимъ ложемъ, бросается и на требуху. Но вотъ пахнуло, кажется, утромъ. Сокращу разсказъ мой.—Въ то время, какъ я, по обыкновенію, спалъ послѣ обѣда въ саду, твой дядя, пользуясь моимъ сномъ, подкрался ко мнѣ со стлянкой сока проклятой бѣлены и влилъ въ отверстіе моего уха ядовитую эту жидкость, такъ враждебную человѣческой крови: проникая съ быстротой ртути во все естественныя отверстія и каналы тѣла, она заставляетъ жидкую, здоровую кровь свертываться, сѣдаться, какъ молоко, когда прильешь въ него что-нибудь кислое. Сѣлась и моя, и

проказа покрыла тотчасъ же все мое тѣло, какъ у Лазаря, корой гадкихъ, отвратительныхъ струпеевъ. Такъ, сонный, рукой брата былъ я разомъ лишенъ ¹⁾ и жизни, и короны и королевы; срѣзанъ въ цвѣту грѣха, не приготовленный, не причащенный, не соборованный; отправленъ къ отчету прежде, чѣмъ успѣлъ свести счеты—со всеми моими недостатками. О, страшно, страшно, страшно! Не выродился ты совершенно—ты не оставишь этого такъ, не потерпишь чтобы царственное ложе Даніи было ложемъ разврата, мерзостнаго кровосмѣшенія; но, преслѣдуя гнусное это дѣло, не обременяй души своей, не предпринимай ничего противъ матери; предоставь ее небу и терніямъ, скрытымъ въ груди ея—пусть они терзаютъ ее. Прощай, Свѣтлякъ возвѣщаетъ уже близость утра: блѣднѣетъ холодный блескъ его. Прощай, прощай, Гамлетъ! помни обо мнѣ. (*Уходитъ.*)

г а м. О, воинство, все воинство неба! О, земля! Что еще? Призвать и адъ?—О, нѣтъ!—Тише сердце; а вы, мышцы, не дряхлѣйте тотчасъ же; поддерживайте меня какъ можно упорнѣе.—Помни обо мнѣ! Не забуду, бѣдный духъ, пока будетъ память въ отуманенномъ этомъ черепѣ. Помни! Сотру съ скрижалей памяти все пустыя, вздорныя замѣтки, все книжныя поученія, все впечатлѣнія прошедшаго, начертанныя на нихъ юностью и наблюденіемъ,—и только твой завѣтъ, безъ всякой низшей примѣси, будетъ жить въ мозгу моемъ; клянусь небомъ! О, коварная, вѣроломная женщина! О, гнусный, гнусный, улыбающійся извергъ! Гдѣ мои таблички?—надо записать, что можно улыбаться, улыбаться и быть извергомъ; по крайней мѣрѣ въ Даніи, увѣренъ, это возможно. (*Записывается.*) Ну, дядя, тутъ ты. Теперь его слова: „прощай, прощай! помни обо мнѣ“. Покаялся, что не забуду.

¹⁾ По Коляеру, вмѣсто *at once dispatch'd*,—*at once despoil'd*...

г о р. (*За сценой*). Принцъ, принцъ!
м а р. (*За сценой*). Принцъ Гамлетъ!
г о р. (*За сценой*). Спаси его Боже!
м а р. (*За сценой*). Спаси!
г о р. (*За сценой*). Принцъ, принцъ!
г а м. Сюда, сюда, соколики!

Входятъ Горацио и Марцелло.

м а р. Что, принцъ?
г о р. Что было съ вами?
г а м. О, чудо!
г о р. Расскажите жъ.
г а м. Нѣтъ; вы разболтаете.
г о р. Я? Низачто, клянусь.
м а р. И я.
г а м. Представьте же себѣ—и кто бы могъ подумать?—Но вы сохраните это въ тайнѣ.
г о р. и м а р. Клянемся, принцъ.
г а м. Нѣтъ во всей Даніи негодяя, который не былъ бы въ тоже время и безсовѣстѣйшимъ бездѣльникомъ.
г о р. Принцъ, для такого сообщенія не стоило выходить изъ могилы.
г а м. Правда; ты правъ; и потому, безъ дальнихъ разговоровъ, пожмемъ другъ другу руки и разойдемся: вы, куда васъ поведутъ дѣла и желанья—вѣдь у всякаго есть какія-нибудь дѣла и желанья,—а я, я пойду молиться.
г о р. Все это, принцъ, слова безъ смысла и связи.
г а м. И они оскорбляютъ тебя; жалѣю, искренно жалѣю.
г о р. Оскорбленія тутъ нѣтъ никакого.
г а м. Есть, клянусь святымъ Патрикомъ; есть, Горацио, и большое. О духъ—могу вамъ сказать, что духъ это честный; желаніе жъ узнать, что у меня съ нимъ было—вы ужъ

какъ-нибудь превозмогите. За тѣмъ, добрые друзья мои, какъ друзья, какъ товарищи по ученью, какъ братья по оружію, общайте исполнить одну, небольшую просьбу.

г о р. Какую, принцъ?

м а р. Готовы.

г а м. Не говорить никому о томъ, что въ эту ночь видѣли.

г о р. Не скажемъ никому.

г а м. Поклянитесь.

г о р. Клянуся, принцъ.

м а р. Клянусь и я.

г а м. Поклянитесь на мечѣ моемъ.

м а р. Да мы вѣдь поклялись ужъ.

г а м. Нѣтъ, на мечѣ, на мечѣ моемъ.

д у х. (*Подъ землей*). Клянитесь.

г а м. А! ты здѣсь, дружище? и ты требуешь того же? Ну же, — слышите молодца въ подвалѣ—клянитесь.

г о р. Говорите въ чемъ.

г а м. Никакъ не рассказывать того, что видѣли. Клянитесь мечемъ моимъ.

д у х. (*Подъ землей*). Клянитесь.

г а м. *Nic et ubique* ¹⁾? Перемѣнимъ мѣсто. Сюда, господи, кладите снова ваши руки на мечъ мой. Никакъ не говорить о томъ, что слышали—клянитесь мечемъ моимъ.

д у х. (*Подъ землей*). Клянитесь.

г а м. Славно, старый кротъ! Какъ быстро ты тамъ работаешь—лихой ты землекопъ!—Перейдемъ, друзья, еще разъ.

г о р. Клянусь и днемъ и ночью, все это изумительно странно.

г а м. А потому и прими это странное, какъ странника. Есть, Горацио, и на землѣ и на небѣ много такого, о чемъ и

¹⁾ Здѣсь и всюду.

не снислось вашей философіи. Но перейдемте же;—клянитесь здѣсь, какъ прежде, никакъ, какъ бы странно я ни велъ себя—можетъ быть я найду нужнымъ прикинуться даже и сумасшедшимъ,—ни разводя вѣтъ такъ руками, ни покачивая головой, ни такими фразами, какъ: „хорошо, хорошо, мы знаемъ“, „мы могли бы, если бъ хотѣли“, „если бъ была охота говорить“, „если бъ смѣли“, и никакимъ другимъ намекомъ не давать знать, что вы что-нибудь обо мнѣ знаете.—Клянитесь, какъ Господь да не оставитъ васъ въ крайности своимъ милосердіемъ и помощью, никогда ничего такого не дѣлать.

д у х. (*Подъ землей*). Клянитесь.

г а м. Успокойся, успокойся возмущенный духъ!—Итакъ, господа, со всей моей любовью поручаю я себя вамъ. И все, что такой бѣднякъ, какъ Гамлетъ, чтобъ доказать свою любовь и дружбу, можетъ для васъ сдѣлать — будетъ, Богъ дастъ, сдѣлано. Пойдемте жъ вмѣстѣ, и перестовъ отъ устъ—еще прошу—никакъ не отнимайте.—Время вышло изъ пазовъ; о, проклятіе судьбы, что родился на то, чтобъ спланивать его!—Идемъ, идемъ, господа! (*Уходятъ*.)

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА 1.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнольдъ.

п о л. Эти деньги и бумаги ты отдашь ему.

р е й. Слушаю.

п о л. Было бъ весьма умно, любезный Рейнольдъ, если бы ты, прежде, чѣмъ явишься къ нему, поразвѣдалъ о его поведеніи.

р е й. Я такъ и предполагалъ.

п о л. Хорошо, очень хорошо. Прежде всего ты узнай кто теперь изъ Датчанъ въ Парижъ, зачѣмъ, какъ и гдѣ живутъ, съ кѣмъ знаются и много ль проживаютъ. Добьешься этими побочными разспросами, что сынъ мой имъ извѣстенъ—приступай къ дальнѣйшему, но все таки не прямо; намекни, что ты, такъ стороной, имѣешь кой-какія о немъ свѣдѣнія; скажи, напримѣръ: „знаю его отца и друзей, отчасти и его“. Понимаешь?

р е й. Понимаю.

п о л. „Отчасти и его, но“—можешь прибавить—„плохо; впрочемъ, если это тотъ самый, такъ это извѣстный повѣса, преданный тому и тому“. И тутъ ты можешь вводить на него, что хочешь; не такое однакожъ, что безчестило бы—этого ты берегись, —а обыкновенные недостатки пылкости и легкомыслія, извѣстно, такъ свойственные предоставленной самой себѣ молодости.

р е й. Игру, напримѣръ?

п о л. Пожалуй, или кутѣжъ, страсть къ дуелямъ, клясть, сварливость, блудъ—все это можно.

р е й. Но вѣдь и это безчестило бы его.

п о л. Нисколько, если все какъ слѣдуетъ приправить. Тебѣ не нужно позорить его, представляя совершенно распутнымъ—совѣтъ не того хочу я,—ты говори о его недостаткахъ такъ, чтобы они казались только брызгами свободы, вспышками, взрывами пылакаго характера, бурливостью необузданной крови, какъ это бываетъ и со всеми.

р е й. Но, добрый господинъ мой—

п о л. Для чего же все это нужно?

р е й. Именно; хотѣлось бы знать.

п о л. А вотъ для чего—вотъ мой расчесть, и, полагаю, вполне вѣрный. Когда ты взведешь на моего сына легкіе эти

недостатки, представишь что онъ въ дѣлахъ своихъ немного позапутался, тотъ—замѣть это—съ кѣмъ ты разговариваешь, кого хочешь выпытать, если только знаетъ за нимъ какой-нибудь изъ поименованныхъ пороковъ, будь увѣренъ, непременно согласится съ тобой такой рѣчью: „Милостивый государь“, скажетъ онъ; или „мой другъ“, или „любезнѣйшій“ — какъ тамъ у нихъ, смотря по человѣку, принято.

р е й. Прекрасно.

п о л. И тогда, согласится онъ—онъ—Что же хотѣлъ я сказать?—Я, право, что-то хотѣлъ сказать;—на чемъ я остановился?

р е й. На томъ, что согласится со мной, скажетъ: „мой другъ“, или „любезнѣйшій“.

п о л. На томъ что согласится, — ну, и согласится такъ: „Знаю я, скажетъ онъ, этого господина; видѣлъ его вчера, или въ какой-нибудь другой день, тогда или тогда; съ тѣмъ или другимъ; и тамъ, какъ вы говорите, онъ велъ большую игру; тамъ, въ попойкѣ, хватилъ черезъ край; тамъ, играя въ мячи, поссорился“; и можетъ быть, прибавитъ еще: „видѣлъ его входящимъ въ домъ весьма зазорный, въ домъ, videlicet, разврата“, и такъ далѣе. Такъ, приманкой лжи ты тотчасъ же подцѣпишь карна правды; такъ, мы — люди благоразумные, смѣтливые—хитростію, изворотливостію доходимъ и околицами прямо къ цѣли; такъ и ты, слѣдуя моимъ наставленіямъ и совѣтамъ, все узнаешь о моемъ сынѣ. Понялъ ты меня? понялъ?

р е й. Совершенно.

п о л. Господь же съ тобою. Прощай.

р е й. Добрый господинъ мой—

п о л. Понаблюдай за нимъ и самъ.

р е й. Непремѣнно.

п о л. Да скажи, чтобы поприлежнѣе занимался музыкой.

Р Е Й. Слушаю. (*Уходитъ.*)

Входитъ Офелія.

п о л. Прощай!—Что ты, Офелія? что тебѣ?

о ф е. Ахъ, я такъ перепугалась!

п о л. Чего же, Богъ съ тобой?

о ф е. Сажу я и шью въ моей комнатѣ, вдругъ входитъ принцъ Гамлетъ—верхнее платье совѣмъ разстегнуто; безъ шляпы на головѣ; чулки, грязные, неподвязанные, спустились до щиколокъ; блѣдный, какъ полотно рубашки; колѣна колотятся одно объ другое; выраженіе глазъ такое жалостное, какъ будто только что выпустили изъ ада рассказывать ужасы.

п о л. Спятъ ли отъ любви къ тебѣ?

о ф е. Не знаю; но я, право, боюсь этого.

п о л. Что же говорилъ?

о ф е. Крѣпко взявъ меня за руку, отступилъ на всю длину своей и, приложивъ ладонь другой, вотъ такъ, къ бровямъ, принялся разглядывать мое лицо, какъ будто хотѣлъ писать его. Долго стоялъ онъ такъ; наконецъ—пожавъ слегка мою руку, качнувъ раза три, вотъ такъ, сверху внизъ головой,—вдохнулъ такъ тяжело и глубоко, что, казалось, разорвется тѣло и жизнь окончится. За тѣмъ онъ выпустилъ мою руку, пошелъ къ дверямъ, обернувъ голову назадъ, ко мнѣ, и вышелъ совѣмъ безъ помощи глазъ, потому что до конца не спускалъ ихъ съ меня.

п о л. Пойдемъ со мной. Я отыщу короля. Это явное безуміе любви; она губитъ себя своей же собственной силой, доводитъ до отчаянныхъ дѣйствій такъ же часто, какъ и всякая другая изъ земныхъ страстей, свойственныхъ нашей природѣ. Жалко, — не наговорила ли ты ему чего-нибудь слишкомъ ужъ жестокаго?

о ф е. Нѣтъ; я только, какъ вы приказали, не принимала писемъ, не допускала къ себѣ.

п о л. Вотъ это и свело его съ ума. Мнѣ, право, жаль, что судилъ о немъ слишкомъ неосмотрительно, опрометчиво: я боялся, что онъ только потѣшается, замышляетъ погубить тебя; проклятая подозрительность! Видно перехватываніе въ расчетахъ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ такъ же свойственно нашимъ лѣтамъ, какъ неразсчетливость—юности. Идемъ, идемъ къ королю. Необходимо сообщить это ему; утайкою можно нажить болѣе бѣды, чѣмъ ненависти—огласкою любви.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА 2.

Комната во дворцѣ.

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и Свита.

к о р. Милости просимъ, любезные Розенкранцъ и Гильденштернъ! Помимо того, что мы давно желали васъ видѣть, и надобность заставила насъ вызвать васъ такъ поспѣшно. Вѣроятно вы ужъ слышали о преobraженіи Гамлета; такъ называю я это, потому что и вѣншній и внутренній человѣкъ совѣмъ уже не тотъ что былъ. Что еще, кромѣ смерти отца, могло довести его до такой утраты самосознанія—не могу придумать; и потому прошу васъ, такъ-какъ вы съ малыхъ лѣтъ росли съ нимъ, близки къ нему и по лѣтамъ и по склонностямъ, побыть нѣсколько времени при нашемъ дворѣ: вашимъ сообществомъ вы постараетесь расположить его снова къ удовольствіямъ и вывѣдать, какъ только представится случай, что такое, намъ неизвѣстное, такъ его разстроиваетъ;—зная это, мы, безъ сомнѣнія, нашли бы средство помочь ему.

королева. Онъ много говорилъ объ вась, и я увѣрена, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ еще двухъ человѣкъ, къ которымъ бы онъ былъ такъ привязанъ. Будете такъ добры, докажете ваше расположеніе къ намъ радушиемъ согласіемъ побыть нѣкоторое время при нашемъ дворѣ, чтобы помочь осуществленію надеждъ нашихъ—мы отблагодаримъ, какъ подобаетъ царской признательности.

р о з. Царственная власть вашихъ величествъ надъ нами можетъ, и не прося, прямо повелѣтъ намъ.

г и л. И мы оба повинемся; и тутъ же съ полнѣйшей готовностью повергаемъ къ вашимъ стопамъ посильныя наши услуги—располагайте нами.

к о р. Благодаримъ васъ, Розенкранцъ, и васъ, любезный Гильденштернъ.

королева. Благодаримъ васъ, Гильденштернъ, и васъ любезный Розенкранцъ, и просимъ сейчасъ же навѣстить нашего, такъ страшно измѣнившагося, сына.—Проводите, кто-нибудь, господъ этихъ къ Гамлету.

г и л. Дай Богъ, чтобы нашъ пріѣздъ и наши старанія были пріятны и полезны ему!

королева. Аминь. (*Гильденштернъ и Розенкранцъ уходятъ съ некоторыми изъ свиты.*)

Входитъ Полоній.

п о л. Послы наши къ королю Норвегіи возвратились, ваше величество, и съ пріятной вѣстью.

к о р. Ты всегда бывалъ отцомъ вѣстей хорошихъ.

п о л. Бывалъ, государь? Вѣрте, мой повелитель, я такъ же радъ о своемъ долгѣ, какъ и о душѣ, объ обоихъ въ отношеніи къ Господу и о первомъ въ отношеніи къ моему доброму государю; и потому полагаю—или мой мозгъ не попадаетъ уже на стезю догадливости такъ вѣрно, какъ бывало,—

полагаю что отыскалъ настоящую причину помѣшательства Гамлета.

к о р. О, говори же—я такъ давно жажду узнать ее.

п о л. Примите прежде пословъ; мое открытіе будетъ десертномъ этой роскошной трапезы.

к о р. Почти же ихъ—введи самъ. (*Полоній уходитъ.*) Онъ говоритъ, дорогая королева, что нашелъ вину, источникъ разстройства твоего сына.

королева. Боюсь, нѣтъ другого, кромѣ смерти отца и нашего слишкомъ поспѣшнаго брака.

к о р. Постараемся все вывѣдать.

Входятъ Полоній, Вольтимандъ и Корнелій.

Привѣтствую васъ, друзья мои. Скажи, Вольтимандъ, что шлетъ намъ нашъ братъ, король Данія.

в о л. Радущійшій возвратъ привѣтствій и желаній всего хорошаго. По первому нашему заявленію, онъ тотчасъ же послалъ остановить всѣ приготовленія племянника, которыя, полагалъ, предпринимались противъ Польши. Развѣдавъ тщательно, убѣдившись, что замыслили дѣйствительно противъ вашего величества, онъ сильно огорчился такимъ злоупотребленіемъ его преклонныхъ лѣтъ, недуговъ и немощности, и послалъ Фортиnbrасу строжайшее повеленіе немедленно къ нему явиться. Фортиnbrасъ не замедлялъ явиться, выслушалъ жесточайшій выговоръ и поклялся наконецъ, что никогда не пойдетъ войной противъ вашего величества. За симъ старый король, чрезвычайно этимъ обрадованный, назначилъ ему три тысячи кронъ ежегоднаго содержанія и разрѣшилъ идти съ набраннымъ уже войскомъ на Польшу. По этому поводу онъ обращается къ вашему величеству съ просьбою (*Подалъ ему бумагу*)—подробно здѣсь изложенною,—чтобы вы позволили этому войску пройти черезъ ваши владѣнія на оз-

наченныхъ въ его письмѣ условіяхъ обезпеченія и вознагражденія.

к о р. Мы выполнѣ этимъ довольны; и когда удосужимся прочесть, обсудимъ и дадимъ отвѣтъ; а пока, благодаримъ васъ за успѣшное исполненіе порученія. Ступайте, отдохните; ночью мы попируемъ съ вами. Искреннѣйшій привѣтъ вамъ на родинѣ! (*Волтимандъ и Корнелій уходятъ.*)

п о л. Вотъ это дѣло и покончено какъ нельзя лучше. — Всемиловѣйшій повелитель мой и вы, королева, распространяйтесь о томъ, что такое царственность, что—долгъ, почему день—день, ночь—ночь, а время—время, значило бѣ убивать и день, и ночь, и время. И потому, такъ какъ краткость—душа ума, а растянутасть, разчлененіе—внѣшнія только прикрасы его, буду кратокъ. Вашъ благородный сынъ помѣшался. Говорю помѣшался; потому что, что же такое истинное помѣшательство какъ не помѣшательство; но оставимъ это.

королева. Скорѣе къ дѣлу и безъ всѣхъ этихъ тонкостей краснорѣчія.

п о л. Клянусь, королева, я и не думалъ прибѣгать къ нимъ. Что онъ помѣшанъ—это правда; правда и то, что это жалко, а жалко потому что правда; глупая фигура; ну, да Богъ съ ней—не хочу прибѣгать къ тонкостямъ краснорѣчія. Допустивъ что онъ помѣшанъ, намъ остается отыскать причину этого эффекта, или, вѣрнѣе дефекта; потому что и дефектный эффектъ этотъ не безъ причины же. Итакъ вотъ что намъ осталось, а остатокъ сей таковъ. Взвѣсьте же все хорошенько. У меня есть дочь—есть, потому что эта дочь моя, — и эта дочь, по долгу и повиновенію—замѣтьте—передала мнѣ вотъ это. — Судите теперь сами. (*Читаетъ*) „Небесной, идола души моей, всѣми прелестями изукрашенной Офеліи“—плохая это фраза, пошлая фраза; „всѣми прелестями изукрашенная“—

пошлая фраза; слушайте однакожь далѣе. „На дивную, бѣлоснѣжную грудь ея ¹⁾ эти“—и прочее.

королева. И это пишетъ къ ней Гамлетъ?

п о л. Потерпите, королева; все передамъ. (*Читаетъ*):

„Сомнѣвайся что блеситъ огонь въ звѣздахъ,
Сомнѣвайся въ томъ, что ходитъ солнце въ небесахъ,
Сомнѣвайся въ правдѣ истины самой,
Не сомнѣвайся въ томъ лишь, что любима мной.

„О милая Офелія, не даются мнѣ стихи. Не умѣю я приводить мои стопы въ извѣстную мѣру; но что люблю тебя, люблю истинно—вѣрь этому. Прощай. — Твой, безцѣнная, навсегда, пока это тѣло принадлежитъ еще ему, Гамлетъ“. — Послушная дочь моя, показавъ мнѣ это, сообщила, кромѣ того, всѣ подробности его домогательствъ: какъ, гдѣ и когда они происходили.

к о р. Какъ же приняла она любовь его?

п о л. А какъ вы, государь, обо мнѣ думаете?

к о р. Какъ о человѣкѣ выполнѣ мнѣ преданномъ и благородномъ.

п о л. Вотъ это-то и хотѣлось бы мнѣ доказать вамъ. Что подумали бѣ вы, если бы я, видя разгаръ этой любви—а я, надо вамъ сказать, замѣтилъ ее, еще прежде, чѣмъ услышалъ отъ дочери,—что подумали бѣ вы, или ея величество, ваша королева, если бы я ограничился при этомъ ролью кукорки или записной книжки; или, прищурясь, оставался бы глухъ и немъ; или смотрѣлъ бы на эту любовь совершенно равнодушно,—что подумали бѣ вы? Нѣтъ, я прямо приступилъ къ дѣлу, предупредилъ мою дочь такой рѣчью: „Гамлетъ—принцъ, не твоей сферы; не надо этого“; и за тѣмъ внушилъ, чтобъ она

¹⁾ На передней части корсета женскихъ платьевъ временъ Елизаветы и позже, дѣлали небольшой карманъ, въ который прятали не только любовныя записки, но и деньги.

замкнулась отъ его посѣщеній, не допускала къ себѣ никакихъ посланцевъ, не принимала подарковъ. Она послушалась моихъ совѣтовъ, и онъ, отверженный — не стану слишкомъ распространяться,—впалъ въ уныніе, утратилъ за тѣмъ аппетитъ, за тѣмъ сонъ, за тѣмъ умственные способности, за тѣмъ сознательность, и такъ, все понижаясь, дошелъ наконецъ и до помѣшательства, въ которомъ теперь, къ крайнему нашему прискорбію, сумасбродствуетъ.

к о р. И ты думаешь, отъ этого?

королева. Весьма возможно, очень на то похоже.

п о л. Извѣстенъ вамъ—желалъ бы я знать—хоть одинъ случай, что я положительно сказалъ: „это такъ“, а на дѣлѣ вышло иначе?

к о р. Нѣтъ.

п о л. (*Показывая на голову и на плечи*). Снимите это съ этого, если не такъ и это. Навели меня обстоятельства на слѣдъ—отыщу истину, хотя бы она тамъ и въ самый центръ земли запряталась.

к о р. Но какъ же намъ исполнѣ въ этомъ удостовѣриться?

п о л. Вы знаете, онъ иногда часа четыре сряду прохаживается по этой залѣ.

королева. Дѣйствительно, онъ часто это дѣлаетъ.

п о л. Во время такого прохаживанія я выпущу къ нему дочь мою; вы же спрячетесь, вмѣстѣ со мною, за обои и посмотрите ихъ встрѣчу. Не любить онъ ее, не отъ этого онъ помѣшался—снимите съ меня санъ государственнаго сановника, пошлите управлять мызой, вощиками.

к о р. Попробуемъ.

Входитъ Гамлетъ, читая.

королева. Посмотрите, бѣдный идетъ сюда, читая; и какой печальный!

п о л. Уйдите же! прошу уйдите оба!—Я сейчасъ же приступлю къ нему.—Дайте возможность!— (*Король, Королева и свита уходятъ.*) Какъ ваше здоровье, любезный принцъ Гамлетъ?

г а м. Славу Богу, не дурно.

п о л. Вы вѣдь знаете меня, принцъ?

г а м. Какъ нельзя лучше—ты рыбникъ.

п о л. Нѣтъ, принцъ.

г а м. Такъ желалъ бы, чтобъ ты былъ такимъ же честнымъ человѣкомъ.

п о л. Честнымъ, принцъ?

г а м. Да; быть въ нашъ вѣкъ честнымъ—быть вѣдь избранникомъ изъ десятка тысячъ.

п о л. Вѣрно, весьма вѣрно, принцъ.

г а м. Если и самое солнце зараждаетъ червей въ издохшей собакѣ, если и оно, бывши божествомъ, лобызаетъ падаль—Есть у тебя дочь?

п о л. Есть, принцъ.

г а м. Не пускай ее гулять на солнцѣ; зачатіе — благодарно; но не такое, какому можетъ подвергнуться дочь твоя. Береги ее, дружище.

п о л. Что хотите вы сказать этимъ? (*Про себя*) Все о моей дочери; сначала однакожъ не узналъ меня; сказалъ что я рыбникъ. Далеко, далеко зашелъ онъ; чтожъ, вѣдь въ юности и я не мало страдалъ отъ любви—былъ близокъ къ тому же. Заговорю съ нимъ опять.—Что вы это читаете, принцъ?

г а м. Слова, слова, слова.

п о л. О чемъ собственно тутъ рѣчь, принцъ?

г а м. Съ кѣмъ?

п о л. Я спрашиваю, принцъ, о содержаніи того, что читаете.

г а м. Злословіе, почтеннѣйшій. Представь, насмѣшливый

бездѣльникъ говорить, что у стариковъ бороды сѣдыя, что лица у нихъ сморщены, что глаза ихъ точатъ густую амбру, камедь сливного дерева; что сверхъ того они одержимы еще полнѣйшимъ отсутствіемъ остроумія при чрезвычайной слабости поджалокъ. Всеу этому я долженъ конечно вѣрить, исполнѣ вѣрить; но писать это все-таки, полагаю, крайне неприлично, потому что вѣдь и ты самъ состарѣлся бы какъ я, еслибъ только могъ, какъ ракъ, пятиться назадъ.

п о л. (*Про себя.*) Сумасшествіе, а послѣдовательно. (*Громко*) Вы бы сошли, принцъ, со сквознаго вѣтра.

г а м. Въ могилу?

п о л. Ну это совсѣмъ ужъ съ вѣтру. (*Про себя.*) Какъ ловки иногда его возраженія! сумасшествіе часто далеко находчивѣй и самаго здраваго ума. Пойду устрою его свиданіе съ моею дочерью. (*Громко*) Принцъ, беру смѣлость оставить ваше высочество.

г а м. Изъ всего, что ты, почтеннѣйшій, можешь взять у меня, ни съ чѣмъ не разстанусь я такъ охотно, какъ съ жизнью, какъ съ жизнью.

п о л. Прощайте, принцъ.

г а м. (*Про себя.*) Какъ скучны старые эти дурни!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

п о л. Вы ищете, конечно, принца; вонъ онъ.

р о з. (*Полонію*). Очень вамъ благодарны. (*Полоній уходитъ.*)

г и л. Принцъ!

р о з. Любезнѣйшій принцъ!

г а м. Добрѣйшіе друзья мои! Какъ поживаешь, Гильденштернъ? Ахъ, и ты, Розенкранцъ! Какъ же вы оба поживаете?

р о з. Какъ только можно такимъ неважнымъ сынамъ земли.

г и л. Счастливы и тѣмъ, что не черезъ-чуръ ужъ счастливы; не самая мы верхушка шапки Фортуны.

г а м. Но и не подошвы же башмаковъ ея?

р о з. И не подошвы, принцъ.

г а м. Витаете, стало, около ея чреслъ, въ сямомъ средоточіи ея благосклонностей?

г и л. Дѣйствительно мы пользуемся ими.

г а м. Тайными прелестями Фортуны? Такъ оно и должно быть; вѣдь она извѣстная блудница. Что же новаго?

р о з. Ничего, принцъ, кромѣ развѣ того, что свѣтъ слѣдался честнѣе.

г а м. Близокъ, стало, день страшнаго суда; но ваша новость—вздоръ. Позвольте пораспросить васъ подробнѣе: чѣмъ провинились вы, добрые друзья мои, передъ Фортуной, что она прислала васъ сюда, въ тюрьму.

г и л. Въ тюрьму, принцъ?

г а м. Ну да; Данія тюрьма.

р о з. Въ такомъ случаѣ и весь свѣтъ тюрьма.

г а м. И превосходная, со множествомъ отдѣленій, застѣнковъ, темницъ—Данія одна изъ сквернѣйшихъ.

р о з. Мы не такъ о ней, принцъ, думаемъ.

г а м. Такъ она и не тюрьма для васъ; потому что и дурное и хорошее—таково по нашему только о немъ мнѣнію. Для меня она тюрьма.

р о з. Оттого, можетъ быть, что слишкомъ она тѣсна для вашего честолюбія.

г а м. О, Боже! я и въ скорлупѣ орѣха считалъ бы себя властелиномъ необъятнаго пространства, еслибъ только не злые сны.

г и л. А эти сны—честолюбіе; потому что самая сущность честолюбца только тѣнь сна.

г а м. Но вѣдь и самый сонъ то же тѣнь.

р о з. Вѣрно; и честолюбіе такъ воздушно, такъ неумовимо, что я считаю его только тѣнью тѣни.

г а м. Такимъ образомъ наши нищіе — тѣла, а наши монархи, наши пресловутые герои — тѣни нищихъ. Не пойдете ли намъ лучше ко двору? я, право, совѣтъ не могу разсуждать.

р о з. и гил. Какъ вамъ угодно, мы къ вашимъ услугамъ.

г а м. Не говорите этого. Не хочу я смѣшивать васъ съ толпой моихъ прислужниковъ, потому что, скажу вамъ, какъ честный человѣкъ, они услуживаютъ мнѣ ужасно. Возвратися на торную дорогу дружбы; скажите, зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

р о з. Чтобы повидаться съ вами, принцъ; ни для чего другаго.

г а м. Нищій, я нищъ и самой благодарностью, и все-таки благодарю васъ, друзья мои, предупреждая однакожь, что моя благодарность даже и полупенса не стоитъ. А не посылали за вами? Пріѣхали вы по собственному своему, добровольному желанію? Отвѣчайте же; будьте чистосердечны со мной; ну же, ну! говорите!

г и л. Что же сказать вамъ, принцъ?

г а м. Да что-нибудь, только къ дѣлу идущее. За вами посылали; въ вашихъ глазахъ видѣется нѣчто въ родѣ признанія, чего не сдумѣла скрыть ваша скромность. Я знаю, добрый король и королева посылали за вами.

р о з. Для чего же, принцъ?

г а м. Вотъ это-то вы и должны мнѣ повѣдать. Заклинаю васъ правами товарищества, созвучіемъ юныхъ нашихъ лѣтъ, обязанностями неизмѣнной нашей дружбы и всеѣмъ еще болѣе дорогимъ, чѣмъ только можетъ заклинять человѣкъ болѣе меня краенорѣчивый — будьте честны и чистосердечны со мной: скажите: посылали, или не посылали за вами?

р о з. (*Гильденстерну.*) Что ты скажешь?

г а м. (*Про себя*) О, вижу я васъ насквозь! (*Громко*) Не скрывайте ничего, если только любите меня.

г и л. Посылали, принцъ.

г а м. И я самъ скажу вамъ зачѣмъ; избавлю такимъ образомъ вашу вѣрность отъ необходимости измѣнить королю и королевѣ — не выронить она ни перушка. Съ недавнихъ поръ, и самъ незнаю отчего, я утратилъ всю мою веселость, бросилъ все мои занятія; на душѣ стало, въ самомъ дѣлѣ, такъ мрачно, что и земля — роскошное это созданіе, кажется мнѣ безплодной скалой, и небо — превосходный этотъ наметъ, дивный этотъ навесъ, великолѣпный этотъ сводъ, убранный золотистыми огоньками, представляется мнѣ гадкимъ, заразительнымъ сгущеніемъ паровъ. Какое образцовое произведеніе человѣкъ! какъ благороденъ умомъ! какъ безконечно разнообразенъ способностями! какъ изумительно изященъ и видомъ и движеніями! какъ подобенъ дѣяніями ангеламъ, а пониманіемъ — самому Богу! онъ — краса міра! вѣнецъ творенія! И при всемъ этомъ, что же для меня эта квинтэссенція праха? не нравится мнѣ человѣкъ; (*Розенкранцъ улыбается*) ни даже женщина, хотя ты, судя по твоей улыбкѣ, и сомнѣваешься въ этомъ.

р о з. И не думалъ, принцъ.

г а м. Зачѣмъ же улыбнулся, когда я сказалъ, что человѣкъ мнѣ не нравится?

р о з. Мнѣ пришло въ голову — не нравится вамъ человѣкъ, какой же холодный пріемъ ждетъ ѣдущихъ къ вамъ актеровъ, которыхъ мы обогнали на дорогѣ сюда.

г а м. Играющаго царей мы примемъ съ удовольствіемъ: отдадимъ его величеству подобающую ему честь; странствующій рыцарь найдетъ дѣло и мечу и щиту своему; любовнику не вздыхать даромъ; брюзга мирно доведетъ свою роль до конца; шутъ разсмѣшитъ людей съ щекотливыми легкими, и

героиня свободно выскажетъ свою душу, хотя бы бѣлому стиху и пришлось хромать отъ этого. Что же это за актеры?

Р о з. Тѣ самые, которые такъ много доставляли вамъ удовольствія—городскіе трагики.

Г а м. Что же побудило ихъ къ странствованію? Пребываніе на одномъ мѣстѣ далеко вѣдь выгоднѣй какъ для славы, такъ и для кармана.

Р о з. Последнія, я думаю, нововвѣденія.

Г а м. Были они такъ же любимы, какъ въ то время когда я былъ въ городѣ? Посѣщались такъ же?

Р о з. Далеко не такъ.

Г а м. Отчего же? Начали баловаться?

Р о з. Нѣтъ, были по прежнему старательны; но явился выводокъ дѣтей—безперыхъ птенцовъ, крикливый пискъ которыхъ вызываетъ громы рукоплесканій ¹⁾. Теперь они въ модѣ, и такъ кричатъ противъ простонародныхъ театровъ—такъ называютъ они всѣ другіе,—что многіе и изъ носящихъ мечъ, убоясь гусиныхъ перьевъ, почти совсѣмъ не посѣщаютъ последнихъ.

Г а м. Какъ! дѣти? Кто же содержитъ ихъ? что же имъ платять? Покинуть они это искусство какъ только утратятъ способность пѣть дискантомъ? не скажутъ они послѣ, когда вырастутъ до обыкновенныхъ актеровъ—а это весьма вѣроятно, если не найдутъ лучшихъ средствъ къ существованію,—что ихъ писатели сдѣлали имъ большое зло, заставивъ декламировать противъ своей собственной будущности.

Р о з. Была страшная съ обѣихъ сторонъ перепалка, и само общество не считало за грѣхъ ихъ стравливать; нѣкоторое время ни одна піеса не давала даже сбора, если авторъ и

¹⁾ Намекъ на состоявшій изъ мальчиковъ хоръ Елизаветинской капеллы, который въ 1569 году получилъ отъ нея позволеніе давать въ церкви Св. Павла представленія свѣтскаго содержанія.

актеры не дѣлали въ ней какихъ нибудь по этому поводу выходовъ.

Г а м. Возможно ли?

Г и л. И чѣмъ тутъ не перебрасывались.

Г а м. И дѣти одержали побѣду?

Р о з. И надъ Геркулесомъ, и надъ его ношей ¹⁾.

Г а м. И не удивительно; вѣдь мой дядя—король Даніи, и корчившіе ему, при жизни моего отца, рожи даютъ теперь двадцать, сорокъ, пятьдесятъ, сто дукатовъ за крохотный портретъ его. Во всемъ этомъ есть, право, что-то сверхъ-естественное, до чего философіи не мѣшало бы добраться. (*Трубы за сценой.*)

Г и л. Это актеры.

Г а м. Господа, душевно радъ видѣть васъ въ Эльзинорѣ. Ваши руки. Ну же; привѣтъ—часто одна только церемонія, вѣжливость; привѣтствую васъ такимъ образомъ, чтобы примѣ актеровъ—которыхъ, скажу вамъ, приму какъ нельзя лучше,—не показался гораздо радушѣе. Очень, очень вамъ радъ; но мой дядя-отецъ и тетка-мать ошибаются.

Г и л. Въ чемъ же, принцъ?

Г а м. Помѣшанъ я только при сѣверо-сѣверо-западномъ вѣтрѣ; при южномъ же съумѣю отличить кукушку отъ ястреба ²⁾.

Входитъ Полоній.

П о л. Всего вамъ прекраснаго, господа.

Г а м. Послушай, Гильденштернъ;—и ты;—на каждое ухо по слушателяю; большой этотъ младенецъ и до сихъ поръ не вышелъ еще изъ пеленокъ.

¹⁾ На вывѣскѣ театра Globe былъ изображенъ Геркулесъ, несущій земной шаръ (globe).

²⁾ Въ подлинникѣ: сокола отъ цапли.

р о з. Попалъ въ нихъ, можетъ быть, въ другой разъ; старость, говорятъ, второе дѣтство.

г а м. Предсказываю, онъ пришелъ возвѣстить прїѣздъ актеровъ; увидите.—Вы правы; это было въ понедѣльникъ утромъ; да, именно.

п о л. Скажу вамъ, принцъ, новость.

г а м. Скажу вамъ, почтеннѣйшій, новость. Когда Россій былъ актеромъ въ Римѣ—

п о л. Актеры, принцъ, и прїѣхали.

г а м. Вздоръ!

п о л. Клянусь честью.

г а м. Каждый, стало, на своемъ ослѣ—

п о л. И такіе актеры, лучше которыхъ не сыскать и въ цѣломъ мірѣ какъ для трагедій, такъ и для комедій, историческихкихъ представлений, пасторалей, пасторалей комическихкихъ, историческихкихъ пасторалей, трагико-историческихкихъ, трагико-комико-историческихкихъ пасторалей, пьесъ безъ раздѣленія или неограниченныхъ. И Сенека не будетъ для нихъ слишкомъ мраченъ и Плавтъ—слишкомъ забавенъ. Какъ для сочиненій строго-правильныхъ, такъ и для свободныхъ, не стесняющихся правилами—нѣтъ подобныхъ.

г а м. О, Ефта, судія Израйля, какое имѣлъ ты сокровище!

п о л. Какое же имѣлъ онъ, принцъ, сокровище?

г а м. Какое?

Имѣлъ одну онъ дочь прекрасную.
И любилъ онъ эту дочь отъменно.

п о л. (*Про себя*). Все о моей дочери.

г а м. Не правъ я, старый Ефта?

п о л. Если вы, принцъ, меня называете Ефтой—у меня дѣйствительно есть дочь, и я весьма люблю ее.

г а м. Нисколько этого изъ того не слѣдуетъ.

п о л. Что же, принцъ слѣдуетъ?

г а м. Что?

Случайно, Богъ вѣдаетъ какъ,

а тамъ, ты знаешь—

Сбылось, что вѣроятно такъ было;

остальное доскажетъ тебѣ первая строфа святочной пѣсни ¹⁾; а же—

Входятъ четыре или пять Актеровъ.

видишь вину перерыва.—Милости просимъ, господа; милости просимъ. Очень радъ, что вижу васъ всѣхъ здоровыми; милости просимъ, добрые друзья мои.—А у тебя, старый дружище, съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, лице-то окаямилось; являешься ты въ Данію, чтобы подразнить меня бородкой ²⁾? Да и ты, юная дѣва, клянусь Пресвятой дѣвой, поднялась съ тѣхъ поръ къ небу, чуть ли не на цѣлый венеціанскій башмакъ ³⁾. Молю Бога, чтобы твой голосъ не надтреснулъ до ободка, какъ старая, вышедшая изъ употребленія золотая монета ⁴⁾.—Очень, очень радъ вамъ.—Мы тотчасъ же

¹⁾ Pious song—святочные пѣсни, въ родѣ колядокъ, которыми простой народъ пѣлъ, ходя по улицамъ и собирая при этомъ подаянія.

²⁾ Тутъ игра значеніями слова beard—борода и издѣваться, храбриться.

³⁾ Chörine. Въ Венеціи была у дамъ мода, выходя изъ дома надѣвать родъ деревянныхъ калошъ, обтянутыхъ кожей съ такими высокими лабугами, что онѣ могли ходить только съ поддержкой.

⁴⁾ Женскія роли исполнялись въ то время мальчиками; мальчикъ, въ которому обращается Гамлетъ, выросъ значительно и потому онъ желаетъ, чтобы возмужалость, испортивъ его голосъ, не сдѣлала его неспособнымъ для этихъ ролей. Монеты же того времени легко трескались и если трещина или другая подобная порча ея переходила за ободокъ, окружавшій голову короля или королевы—монета почиталась негодною, утрачивала свою цѣну.

и приступимъ къ дѣлу; какъ французскіе сокольники мы напускаемъ на все что ни завидимъ: намъ тотчасъ же и давай монологъ. Ну же, покажи намъ свое искусство; живо, какой-нибудь страстный монологъ.

1. акт. Какой же, принцъ?

Г а м. Какъ-то ты читалъ мнѣ одинъ — его никогда не произносили на сценѣ; или, если и произносили, такъ развѣ только разъ, потому что пѣса — припоминаю теперь — большинству не понравилась: была икрой для толпы ¹⁾; но мнѣ и другимъ, болѣе меня въ этомъ дѣлѣ смыслящимъ, она казалась превосходной: сцены распределены въ ней чрезвычайно обдуманно, а изложеніе столько же просто, сколько и искусно. Помню кто-то сказалъ, что ни въ стихахъ нѣтъ соли ²⁾ для приправы содержанія, ни въ слогѣ ничего такого, что бы обличало автора въ аффектаціи, и что это самая лучшая манера, такъ же здоровая, какъ и пріятная, безъ прикрасть прекрасная. Одинъ монологъ въ этой пѣсѣ особенно мнѣ нравился; это рассказъ Энея Дидонѣ, и всего болѣе съ того мѣста, гдѣ говоритъ объ убіеніи Пріама. Если ты не забылъ его, начни со стиха — постой, дай вспомнить —

Свирѣпый Пирръ, какъ звѣрь Гирканскій —

Нѣтъ не такъ; а начинается съ Пирра.

Свирѣпый Пирръ, въ доспѣхахъ бывший черныхъ,
Черныхъ какъ замыселъ его, какъ ночь,
Когда въ концѣ онъ гибельномъ лежалъ,
Смѣнилъ уже ихъ грозный черный цвѣтъ
Другимъ, ужаснѣйшимъ еще стократъ:
Отъ головы до ногъ онъ сталъ багрянь,
Убравшись страшно кровію отцевъ

¹⁾ Икра была въ то время рѣдкостью, невѣдомой для простонародья.

²⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: there were no *sallets* in the lines... Но Кольеру: there were no *salt* in the lines...

И матерей, сыновъ и дочерей,
Сгущенною, засушенной на немъ
Жгучимъ пылавшихъ улицъ огнемъ,
Такъ предательски подло свѣтившимъ
Гнуснымъ, вѣтрскимъ убійствамъ на нихъ.
Распаленный гнѣвомъ и пожаромъ,
Съ подобными карбункуламъ глазами,
Ищетъ Пріама Пирръ кровожадный —

Продолжай.

п о л. Вы, клануса, принцъ, прочли превосходно — съ чувствомъ, съ толкомъ.

1 акт.

И вскорѣ находить въ тщетныхъ усиліяхъ
Грековъ отбить: рукъ непокорный
Мечъ его древній, вѣленью послушный,
Куды палъ — тамъ и лежитъ. Противникъ
Неравный, къ Пріаму ринулся Пирръ;
Яро взмахнулъ мечемъ безпощаднымъ,
И ужъ отъ свиста, отъ размаха его
Палъ мой дряхлый, истощенный отецъ.
Тутъ и Иліонъ самъ, безчувственный,
Какъ бы почувствовавъ паденье его,
Рухнулъ къ подножью вершиной пылавшей.
Трескомъ ужаснымъ полонилъ онъ слухъ Пирра,
И мечъ, угрожавшій млечно-бѣлой
Старца Пріама главѣ, сталъ въ воздухъ.
Стоитъ и Пирръ, какъ на картинѣ злодѣй,
Стоитъ, межъ волей и дѣломъ въ раздумьи,
Недвиженъ. Но какъ предъ бурей бываетъ:
Тихо все въ небѣ, тучи недвижны,
Бойкіе вѣтры безгласны, какъ смерть
Въ дольнемъ покойно все міръ, — и вотъ,
Страшные громы раздираютъ вдругъ твердь;
Такъ и тутъ — за раздумьемъ минутнымъ,
Пробудившейся местью подвигся
Пирръ снова къ ярой работѣ своей.
И никогда даже молотъ Циклоповъ,
Несокрушимыя Марсу ковавшихъ
Доспѣхи, не наносилъ ударовъ

Столь жестокихъ какъ тѣ, кои теперь
Наносить мечъ Пирра Пріаму.
Позоръ, позоръ тебѣ, постудная
Фортуна! О боги! всѣмъ соборомъ
Лишите вы власти ея; колеса
Коварной сломайте ободъ и спицы
И круглую ступицу съ выси небесъ
Скатите вы въ глубь ада.

п о л. Ну, слишкомъ ужъ это длинно.

г а м. Отправимъ вмѣстѣ съ бородой твоей къ брадобрѣю.
Прошу, продолжай; онъ вѣдь отъ всего, кромѣ шутовскихъ пѣ-
сень, да непристойныхъ разсказовъ, засыпаетъ. Продолжай;
переходи къ Гекубѣ.

1 акт.

Но если бы, о, если бы кто тутъ
Полублаченную царицу зрѣлъ—

г а м. Полублаченную царицу?

п о л. Чтожъ, недурно; полублаченную царицу—весьма
недурно.

1 акт.

Какъ босая, съ тряпичей на главѣ,
Увѣчанной за нѣсколько часовъ
Короной, и вмѣсто платья въ простынѣ,
Вкругъ истощенныхъ чреслъ обернутой,
Въ испугѣ, она по улицамъ металась,
Гроза потокомъ слезъ пожару—
Языкомъ облитымъ злѣйшимъ ядомъ
Корнѣль бы тотъ Фортуны въроломство
Безпощадно. И самые боги—
Если не чужды смертныхъ страданьямъ—
Услышавъ страшный взрывъ воплей ея,
Когда узрѣла какъ Пирръ, надѣваясь,
Крошить члены супруга мечемъ,—
Заставили бѣ плакать и горящіи
Очи небесъ; рыдали бѣ и сами.

п о л. Посмотрите, и поблѣднѣлъ, и слезы на глазахъ!
Будетъ, прошу, будетъ.

г а м. Хорошо; конецъ ты дочтешь мнѣ послѣ. — Поза-
боться же, почтеннѣйшій Полоній, принять ихъ хорошенько.
Слышишь — хорошенько; вѣдь они синьки, краткія лѣтописи
современности, а для тебя и самая скверная эпитафія по смер-
ти будетъ лучше дурнаго ихъ отзыва при жизни.

п о л. Приму ихъ, принцъ, по заслугамъ.

г а м. Сохрани тебя Боже—гораздо лучше; если бѣ вся-
каго принимали по заслугамъ—кто же избѣжалъ бы розогъ?
Прими ихъ соотвѣтственно своему сану и достоинству; чѣмъ
менѣе они того стоятъ, тѣмъ болѣе чести добротѣ твоей. Про-
води же ихъ.

п о л. Пойдемте, господа.

г а м. Ступайте, друзья, за нимъ; завтра вы что-нибудь
намъ сыграете. (*Полоній и нѣсколько актеровъ уходятъ.*
Обращаясь къ 1 актеру) Скажи, старый другъ, можете вы
сыграть убійство Гонзаго?

1 акт. Можемъ, принцъ.

г а м. Такъ завтра же вечеромъ вы и сыграете его. Мо-
жете также, если понадобится, выучить стиховъ двѣнадцать
или шестнадцать, которые хотѣлось бы мнѣ написать и вклю-
чить въ эту піесу—можете?

1. акт. Можемъ, принцъ.

г а м. Прекрасно.—Ступай же за тѣмъ господиномъ; да
смотри, не издѣвайся надъ нимъ. (*Актеръ уходитъ. Обра-
щаясь къ Розенкранцу и Гильденштерну*) Добрые друзья
мои, прощаюсь съ вами до вечера; очень радъ видѣть васъ въ
Эльзинорѣ.

р о з. Любезнѣйшій принцъ—

г а м. Да, радъ; прощайте. (*Гильденштернъ и Розен-
кранцъ уходятъ.*) Наконецъ я одинъ. О, какой же подлый,

презрѣнный рабъ я! Не изумительно ли что актеръ—въ мыслѣ, въ грезахъ только страсти—до того можетъ подчинять свою душу чисто воображаемому, что лице, отъ волненій ея, блѣднѣетъ, глаза увлажняются слезами, черты дышатъ ужасомъ, голосъ надрывается и все въ немъ вполне соответствуетъ его представленію? и все это ни изъ чего! Изъ-за Гекубы! Что ему Гекуба, или онъ Гекубѣ, что плачетъ о ней? Что же сдѣлалъ бы онъ, если бъ имѣлъ такой же какъ я поводъ, такое жъ побужденіе къ страсти? Затопилъ бы всю сцену слезами, растерзалъ бы страшной рѣчью слухъ всего собранія, свелъ бы съ ума виновнаго, ужаснулъ бы невиннаго, смутилъ бы ничего не вѣдающаго, ошеломилъ бы самыя способности ушей и глазъ. А я—вялый, безчувственный негодай, изнываю, какъ жалкій мечтатель, неспособный къ дѣлу ничего и сказать не могу; ни даже за короля, такъ гнусно лишеннаго и владѣній и драгоценной жизни. Что же, трусь я? Кто назоветъ меня подлецомъ? раскроить мнѣ черепъ? вырветъ клочъ изъ бороды моей и швырнетъ мнѣ въ лицо? дернетъ за носъ? вобьетъ мнѣ слово лжець въ самыя легкія? Кто посмѣетъ это?—А вѣдь я и это снесъ бы—вѣдь у меня печень голубя, безъ желчи для обиды ¹⁾; иначе давно напичкалъ бы врановъ всей страны мертвечиной мерзавца. О гнусный, кровожадный бездѣльникъ! подлый, безсовѣстный, коварный, распутный, безчеловѣчный бездѣльникъ!—Что же это? Какой же оселъ я! Удивительная храбрость; я—сынъ дорогаго убитаго, призываемый и небомъ и адомъ ко мщенью—облегчаю сердце, какъ непотребная дѣвка, словами, раздражаюсь ругательствами, какъ истая торговка, судомойка. Какъ это гадко! фу! — Къ дѣлу, мозгъ мой!—Слыхалъ я, что преступные, сидя въ театрѣ, такъ

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: To make *oppression* bitter... По Коальеру: To make *transgression* bitter...

иногда поражались искуснымъ представленіемъ, что тутъ же оглашали свои злодѣйства; убійство, хоть и не имѣетъ языка, скажется другимъ, необыкновеннымъ органомъ. Заставлю актеровъ сыграть передъ дядей нѣчто подобное убійству моего отца, а самъ вопьюсь въ него глазами, проникну въ самую глубь души его. Вздогнѣи онъ только—знаю что дѣлать. Видѣнный же мною духъ можетъ быть и дьяволъ; дьяволъ можетъ принять и самый обольстительный образъ; можетъ быть, разсчитывая на мое слабодушіе, на мою удрученность—особенно могучій надъ такими—онъ хочетъ обмануть меня, чтобы обречь на вѣчное мученье. Нѣтъ, мнѣ нужны доводы сильнѣе этого; представленіемъ я уловлю совѣтъ короля.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА 1.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розен-гранцъ и Гильденштернъ.

К О Р. И вы никакимъ образомъ не могли добиться для чего напускаетъ онъ на себя это разстройство, такъ жестоко возмущающее миръ души его бурнымъ и опаснымъ безуміемъ?

Р О З. Онъ сознается что чувствуетъ себя умственно разстроеннымъ, но отчего—никакъ сказать не хочетъ.

г и л. И мы не видимъ никакой возможности что-нибудь у него выведать; хитростью безумія онъ отклонялъ всякую нашу попытку довести его до какого нибудь признанія касательно настоящего его состоянія.

королева. А принялъ онъ васъ хорошо?

р о з. Какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку.

г и л. Но съ большимъ насиліемъ своему расположенію.

р о з. Скупый на вопросы, отвѣчалъ однакожь на наши весьма свободно.

королева. Уговаривали чѣмъ нибудь развлечься?

р о з. На дорогѣ сюда мы обогнали трупъ актеровъ; мы сообщили это принцу, и онъ какъ будто обрадовался имъ. Они пріѣхали и, если не ошибаюсь, получили уже отъ него приказаніе сыграть что-то нынѣшнимъ вечеромъ.

п о л. Это вѣрно; и мнѣ поручилъ онъ просить и ваши величества посмотреть и послушать ихъ.

к о р. Съ величайшимъ удовольствіемъ; эта склонность его весьма меня радуетъ. Прошу васъ, господа, постарайтесь усилить ее, расположить его еще болѣе къ этой забавѣ.

р о з. Постараемся, государь. (*Уходитъ съ Гильденштерномъ.*)

к о р. Любезная Гертруда, оставь и ты насъ. Мы въ тайнѣ устроили такъ что Гамлетъ придетъ сюда и, какъ бы случайно, встрѣтится съ Офеліей; ея отецъ и я—законные шпионы—займемъ такое мѣсто откуда, не бывши видимымъ, можно будетъ видѣть ихъ встрѣчу и по тому, какъ онъ будетъ вести себя, рѣшить любовь ли вина его разстройства.

королева. Уйду.—Желаю, милая Офелія, чтобы дѣйствительно красота твоя была счастливой причиной помѣшательства Гамлета; это дало бы мнѣ возможность надѣяться, что твоя добродѣтель, къ чести обоихъ, и возвратитъ его на прежній, обычный путь.

о ф е л. Желаю, королева, чтобъ могла. (*Королева уходитъ.*)

п о л. Ты ходи здѣсь, Офелія.—А мы, угодно вашему величеству, спрячемся.—Читай книгу, чтобъ видомъ этого занятія прикрыть вину твоей уединенности.—Насъ часто можно бранить за это; извѣстно—набожнымъ видомъ, дѣлами благочестія мы нерѣдко обсахариваемъ и самого даже дьявола.

к о р. (*Про себя*) О, какъ справедливо!—Какъ жестоко бичуютъ эти слова мою совѣсть! И щеки распутной дѣвки, украшенныя подмалевкой, не такъ гадки въ сравненіи съ тѣмъ, что украшаетъ ихъ, какъ мое дѣло въ сравненіи съ самой разукрашенной моей рѣчью. О, тяжкое бремя!

п о л. Онъ идетъ; спрячемтесь, государь. (*Уходитъ съ королевъ. Офелія, читая остается въ глубинѣ сцены.*)

Входитъ Гамлетъ.

г а м. Быть, или не быть! Вопросъ въ томъ, что благороднѣе ¹⁾: сносить ли пращи и стрѣлы злобствующей судьбины, или возстать противъ моря бѣдствій и, сопротивляясь, покончить ихъ.—Умереть,—заснуть—не больше; и зная, что сномъ этимъ мы кончаемъ всѣ скорби, тысячи естественныхъ, унаслѣдованныхъ тѣломъ противностей—конецъ желаннѣйшій. Умереть,—заснуть,—заснуть! но можетъ быть и сны видѣть?—вотъ препона; какія могутъ быть сновидѣнья въ этомъ смертномъ снѣ, за тѣмъ какъ страхнемъ съ себя земныя тревоги, вотъ что останавливаетъ насъ. Вотъ что дѣлаетъ бѣдствія такъ долговѣчными; иначе кто же сталъ бы сносить бичеванье, издѣвки современности, гнѣтъ властолюбцевъ,

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: To be, or not to be, that is the question: Wether 'tis nobler... По Колъеру: To be, or not to be! That is the question, Wether 'tis nobler...

обиды горделивыхъ, муки любви отвергнутой, законовъ бездѣйствіе, судовъ своеволие, ляганье, которымъ терпѣливое достоинство угощается недостойными, когда самъ однимъ ударомъ книжала можетъ отъ всего этого избавиться? Кто, крехъ и потя, несъ бы бремя тягостной жизни, если бы страхъ чего-то по смерти, безвѣстная страна, изъ-за предѣловъ которой не возвращался еще ни одинъ изъ странниковъ, не смущали воли, не заставляли скорѣй сносить удручающія насъ бѣдствія, чѣмъ бѣжать къ другимъ, невѣдомымъ? Такъ всѣхъ насъ совѣсть дѣлаетъ трусами; такъ блекнетъ естественный румянецъ рѣшимости отъ тусклаго напора размышленья, и замыслы великой важности совращаются съ пути, утрачиваютъ названіе дѣяній.—А, Офелія!—О, нимфа, помани меня въ своихъ молитвахъ.

о фел. (*Подходя къ нему*) Какъ ваше здоровье, принцъ?

г а м. Покорѣйше благодарю; хорошо, хорошо.

о фел. У меня, многоуважаемый принцъ есть отъ васъ подарки, которые давно хотѣлось возвратитъ вамъ; прошу возьмите ихъ теперь.

г а м. Ни за что; я никогда никакихъ не дѣлалъ вамъ подарковъ.

о фел. Вы очень хорошо, принцъ, знаете, что дѣлали, и сопровождая словами такъ пріятными, что подарки ваши становились еще драгоценнѣе; благоуханіе ихъ исчезло—возьмите жъ ихъ назадъ; для души благородной и богатѣйшіе дары, съ утратой расположенія дающаго, теряютъ всякую цѣну. Вотъ, возьмите, принцъ.

г а м. А!—Скажи ты цѣломудренна?

о фел. Принцъ!

г а м. Прекрасна ты?

о фел. Что хотите вы сказать, принцъ?

г а м. А то: если ты и цѣломудренна и прекрасна—твое-

му цѣломудрію слѣдовало бы избѣгать всякихъ сношеній съ красотой твоей.

о фел. Какое жъ сообщество, принцъ, можетъ быть для красоты лучше цѣломудрія?

г а м. Да, дѣйствительно; скверно только то, что скорѣй красота преобразуетъ цѣломудріе въ сводню, чѣмъ цѣломудріе уподобитъ красоту себѣ. Это считалось прежде парадоксомъ—теперь исполнѣ доказано. Я нѣкогда любилъ тебя.

о фел. Дѣйствительно, принцъ, вы заставили меня вѣрить этому.

г а м. Тебѣ не слѣдовало вѣрить мнѣ; потому что добродѣтель, прививаясь къ старому нашему пню, не можетъ слѣлать того, чтобъ онъ совѣмъ ужъ не отзывался въ насъ. Я не любилъ тебя.

о фел. Тѣмъ больше была я обманута.

г а м. Ступай въ монастырь; зачѣмъ рождать тебѣ грѣшниковъ? Я самъ, довольно честный, могъ бы обвинить себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы моей матери и не рождать меня. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, навьюченъ такимъ множествомъ недостатковъ ¹⁾, что и мысли не вмѣстить, и воображенію не представить, и времени не осуществить ихъ. Зачѣмъ ползаютъ такіе негодяи, какъ я, между небомъ и землею? Всѣ мы отъявленные бездѣльники; не вѣрь никому изъ насъ. Ступай въ монастырь. Гдѣ твой отецъ?

о фел. Дома, принцъ.

г а м. Запри жъ за нимъ двери, чтобъ онъ разыгрывалъ дурака только дома. Прощай.

о фел. О, помоги ему, Господи!

г а м. Выдешь замужъ—дамъ тебѣ въ приданое такую кару: будь ты цѣломудренна какъ ледъ, чиста какъ снѣгъ—не

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: at my beck... По Колльеру: at my back...

избѣжать тебѣ клеветы. Ступай въ монастырь; прощай. А хочешь непременно выйти замужъ—выходи за дурака, потому что умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ вы чудовищъ изъ нихъ дѣлаете. Ступай въ монастырь, и скорѣе. Прощай.

о фел. Изцѣлите его, благія силы неба!

г а м. Наслушался я и болтовни вашей—вдоволь наслушался. Богъ далъ вамъ походку ¹⁾, а вы сочиняете себѣ другую; вы припрыгиваете, сѣмните ногами; вы перешептываетесь, даете ругательныя прозвища божьимъ твореніямъ и оправдываете легкомысліе свое невѣдніемъ. Поди! не нужно мнѣ болѣе этого; это-то и свело меня съума. Говорю: не будетъ у насъ браковъ; тѣ, которые женились ужъ—всѣ, кромѣ одного—пусть живутъ себѣ; остальные останутся какъ были. Ступай, ступай въ монастырь! (*Уходитъ.*)

о фел. О, какой великій погубленъ въ немъ духъ! Глазъ, языкъ, мечъ воина, придворнаго, ученаго, надежда, цвѣтъ государства, зеркало модъ, форма, въ которую всѣ отливались, единственный предметъ наблюденій всѣхъ наблюдателей—все, все погибло! И я, изъ всѣхъ женщинъ ничтожнѣйшая и нещастнѣйшая, всасывавшая медъ его гармоническихъ обѣтовъ, должна теперь видѣть благородный, всеобъемлющій умъ этотъ въ разладѣ, разногласящимъ, какъ разстроенная игра благозвучныхъ колокольчиковъ; дивный этотъ образъ, черты цвѣтущей юности искаженными безуміемъ! О, горе мнѣ, что видѣла что видѣла, вижу что вижу!

Входятъ Король и Полоній.

к о р. Любовь! нѣтъ не она уручаетъ его; и то, что онъ говорилъ, хоть и не совсѣмъ связно, не походило на безуміе.

¹⁾ Въ изданіи in quarto: I have heard of your *paintings* too... God hath given you one *face*... По Коллеру какъ и въ infolio: I have heard of your *prattlings* too... God hath given you one *pace*...

Есть въ его душѣ что-то, высиживаемое его скорбью, и высиживаетъ она, боюсь, что-нибудь недоброе. Въ предупрежденіе этого, вотъ что, на скоро, рѣшилъ я: онъ немедленно отправится въ Англію съ требованіемъ не выплаченной намъ дани. Можетъ быть море, новая страна, разнообразіе предметовъ вытѣснятъ это засѣвшее въ его сердцѣ что-то, ломая надъ которымъ постоянно голову, онъ сталъ совсѣмъ не похожъ на себя. Какъ ты объ этомъ думаешь?

п о л. Весьма полагаю полезнымъ, и все таки остаюсь при мнѣніи, что настоящая причина его разстройства—любовь нераздѣляемая.—Ну, Офелія?—впрочемъ, ты можешь и не рассказывать что говорилъ принцъ Гамлетъ; мы все слышали.—Дѣйствуйте, ваше величество, какъ вамъ угодно; не найдете ли однакожъ пригоднымъ, чтобы королева-мать, послѣ представленія, на единѣ попросила его высказать ей свое горе; пусть поговоритъ съ нимъ откровенно, а я, если позволите, помѣшусь такъ что все услышу. Не выскажется онъ и ей—посылайте его въ Англію, или въ заключеніе, куда разсудитъ ваша мудрость.

к о р. Быть по твоему. Безумія людей высокопоставленныхъ нельзя оставлять безъ надзора. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 2.

Зала тамъ же.

Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ.

г а м. Прошу, говори монологъ, какъ я прочелъ его тебѣ, плавно; начнешь выкрикивать, какъ это дѣлаютъ многіе изъ вашей братии—такъ произнесъ бы мои стихи и городской глашатай. Да не разсѣкай черезъ чуръ и воздуха рукою, вотъ такъ; пользуйся всѣмъ прилично, потому что и въ самомъ по-

токѣ, въ самой бурѣ, въ самомъ, можно сказать, вихрѣ страсти ты долженъ сохранять смягчающую умѣренность. Меня всегда глубоко оскорбляетъ, когда слышу какъ дюжій парень въ парикѣ рветъ страсть на части, въ клочки, чтобъ растерзать уши нискарей ¹⁾, большею частью неспособныхъ что-нибудь понимать, кромѣ развѣ необъяснимыхъ мимическихъ представлений ²⁾ да крика. Такъ бы вотъ и выдралъ этого негодая за такое перебиваніе Термаганта, за эти усилія переигрывать и самого Ирода ³⁾; прошу, избѣгай этого.

1 акт. За себя я ручаюсь, принцъ.

г а м. Не будь и слишкомъ вялъ; тутъ твое собственное благоразуміе должно быть твоимъ наставникомъ; согласуй движеніе со словомъ, слово съ движеніемъ, но никакъ не переступая за предѣлы естественной простоты; потому что всякая чрезмѣрность противна самоу представленію, цѣль котораго, какъ первоначально такъ и теперь, была и будетъ—быть какъ бы зеркаломъ природы, показывать добродѣтели ея собственное лицо, пороку—его собственный образъ, а самому возрасту, самой плоти времени—ихъ видъ и выраженіе. Все это преувеличенное, или слишкомъ слабо переданное, хоть и смѣшить несвѣдущихъ, не можетъ не оскорблять свѣдущихъ; а сужденіе и одного изъ послѣднихъ, для васъ, должно перевѣшивать и цѣлый театръ первыхъ. Видалъ я актеровъ, кото-

¹⁾ Groundlings.—Въ Шекспирово время мѣсто для простаго народа находилось внизу, было безъ пола и скамей и называлось Ground, а отсюда и занимавшіе это мѣсто зрители назывались Groundlings. Настоящее значеніе послѣдняго слова—нискарей.

²⁾ Dumb shows—мимическія представленія, предшествовавшіе иногда драмѣ, а иногда каждому акту и даже нѣкоторымъ сценкамъ, или для объясненія самой драмы, или для пополненія промежутка, когда мѣсто дѣйствія переносилось въ другія страны.

³⁾ Термагантъ, собственно Тривиганте—бурливое сарацинское божество древнихъ романсовъ. Иродъ—всегда свирѣпое лице старыхъ мистерій.

рыхъ превозносили и превозносили чуть не до небесъ, а они, безъ всякаго преувеличенія, не походя ни говоромъ, ни движеніями не только на Христіанъ, но даже и на язычниковъ, вообще на людей,—такъ пыжились и лаяли, что не было никакой возможности не подумать, что людей сотворилъ какой-нибудь поденщикъ природы, и сотворилъ прескверно; такъ гнусно подражали они человѣчеству

1 акт. Мы, надѣюсь, достаточно поотстали отъ этого.

г а м. Совсѣмъ отстаньте. Да смотри, чтобъ играющіе клоуновъ, говорили только то, что для нихъ написано; многіе изъ нихъ, чтобъ заставить невѣжественную толпу смѣяться, хохочутъ сами въ то время, когда вниманіе зрителей должно быть обращено на какое нибудь важное мѣсто самой пьесы. Это гадко, показываетъ только жалкое честолюбіе глупца. Ступайте же, готовьтесь. (*Актеры уходятъ.*)

Входятъ Полоній, Розекранцъ и Гильденштернъ.

Ну что, почтеннѣйшій? Угодно королю посмотреть пьесу?

п о л. И королевѣ, и сейчасъ же!

г а м. Такъ скажите жъ актерамъ, чтобъ торопились. (*Полоній уходитъ*) Не угодно ли и вамъ поторопить ихъ?

г и л. и роз. Съ удовольствіемъ, принцъ. (*Уходитъ.*)

г а м. Гораціо! гдѣ же ты?

Входитъ Гораціо.

г о р. Здѣсь, принцъ, къ вашимъ услугамъ.

г а м. Гораціо, ты изъ всѣхъ людей, съ которыми мнѣ случалось сходиться, честнѣйшій.

г о р. Любезный принцъ—

г а м. Не думай что я лщу: какой прибыли могу я ждать отъ тебя, не имѣющаго никакого достоинства, кромѣ свѣтлаго ума, который и кормитъ и одѣваетъ тебя? Къ чему льстить бѣдняку? Нѣтъ; пусть лижетъ себѣ осажаренный языкъ глу-

пое богатство, пусть гнутся гибкія колѣна тамъ, гдѣ ползанье можетъ принести выгоду. Вѣрь, съ тѣхъ поръ, какъ душа моя сдѣлалась властной въ выборѣ, приобрѣла способность различать людей, она сдѣлала тебя своимъ избранникомъ; потому что ты, терпя такъ много, не терпѣлъ, казалось, нисколько; принималъ съ равной благодарностью и пиньки и дары счастья. Благословенъ тотъ, въ комъ кровь и сужденіе соединены такъ благодатно, что не дѣлается онъ дудкой счастья, не издаетъ какихъ ей вздумается звуковъ. Дай мнѣ человѣка, способнаго не быть рабомъ страстей, и я вытѣрю его въ глубь моего сердца, въ самое сердце сердца, какъ тебя. Но довольно объ этомъ.—Король сейчасъ явится на представленіе; одна сцена въ піесѣ передаетъ довольно близко то, что я рассказалъ тебѣ о смерти моего отца; прошу тебя, когда дойдетъ до этого, напруги все силы души и смотри на дядю; не выскажется его темное преступленіе и при одной изъ тирадъ—духъ, нами видѣнный, демонъ и подозрѣнія мои черны, какъ наковальня Вулкана. Наблюдай за нимъ тщательно, и я прикую мои глаза къ лицу его, и за тѣмъ обсудимъ вмѣстѣ что увидимъ.

г о р. Готовъ, принцъ; если онъ хоть что-нибудь скрадетъ во время представленія и тѣмъ помѣшаетъ открытію—плачу за украденное.

г а м. Идутъ. Мнѣ надо казаться беззаботнымъ. Займи мѣсто по лучше.

Трубы. Датскій маршъ. Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розекранцъ, Гильдештернъ и другіе.

к о р. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

г а м. Превосходно; кормлюсь пищей хамелеона; тѣмъ воздухъ, начиненный обѣщаніями. Вамъ и каплуновъ не откормить такъ.

к о р. Отвѣтъ этотъ, Гамлетъ, совсѣмъ нейдетъ ко мнѣ; не мои это слова.

г а м. Нѣтъ, да теперь и не мои ужъ. Почтеннѣйшій Полоній, вы какъ-то рассказывали, что и вы игравали въ университетѣ?

п о л. Игралъ, принцъ; и хорошимъ считался актеромъ.

г а м. Что жъ играли вы?

п о л. Игралъ Юлія Цезаря и былъ убитъ въ Капитоліѣ; Брутъ убилъ меня.

г а м. И воистинѣ заслужилъ свое названіе ¹⁾, убивши въ немъ такого капитальнаго тельца.—Что жъ, готовы актеры?

р о з. Готовы, принцъ; ждутъ вашихъ приказаній.

королева. Поди сюда, любезный Гамлетъ; сядь подлѣ меня.

г а м. Нѣтъ, любезная матушка; здѣсь есть металлъ сильнѣе притягивающій.

п о л. А! Слышите, ваше величество?

г а м. (*Дожсая къ ногамъ Офеліи*). Позвольте, прекрасная, прилечь къ вамъ?

о ф е л. Нѣтъ, принцъ.

г а м. Прислонить только голову къ колѣнамъ?

о ф е л. Извольте, принцъ.

г а м. А вы думали что-нибудь другое?

о ф е л. Я ничего не думала, принцъ.

г а м. Чтожъ, и мысль полежать съ дѣвой прекрасна.

о ф е л. Что такое, принцъ?

г а м. Ничего.

о ф е л. Вы въ веселомъ расположеніи.

г а м. Кто, я?

о ф е л. Вы, принцъ.

¹⁾ Brutus—скотскій, глухой, безумный.

Г а м. О Боже! вашъ только забавникъ. Что жъ впрочемъ людямъ и дѣлать какъ не веселиться? посмотрите какъ весела моя мать, а мой отецъ нѣтъ и двухъ часовъ какъ умеръ.

о ф е л. Дважды ужъ два мѣсяца, принцъ.

Г а м. Такъ давно! Пусть же самъ чертъ носить трауръ, я же наряжусь въ соболя. О Боже! два мѣсяца какъ умеръ, и не забыть еще? Есть стало надежда что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его покрайней мѣрѣ цѣлымъ полугодіемъ; но для этого, клянусь пресвятой дѣвой, ему надо настроить церковей, иначе и онъ подвергнется забвенію, какъ конекъ, эпитафія которагогласитъ: „Но ахъ! но ахъ! конекъ забыть“¹⁾.

(Трубы. Начинается мимическое представленіе. Выходятъ Король и Королева весьма любовно; Королева цѣлуетъ его, становится на колѣни и дѣлаетъ жесты упреній. Онъ поднимаетъ ее и склоняетъ голову на ея плечо; ложится потомъ на дерюговую скамью; она, увидавъ что онъ заснулъ, удаляется. Вслѣдъ за тѣмъ входитъ нѣкто, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ лѣвъ въ ухо Короля и уходитъ. Королева возвращается, находитъ Короля мертвымъ и выражаетъ страстными жестами печаль свою. Отравитель приходитъ опять съ двумя или тремя недѣйствующими лицами и притворяется спяющимъ влѣсть въ нею. Умершаго уносятъ. Отравитель предлагаетъ Королевы дари и любовь свою; она сначала обнаруживаетъ какъ бы отвращеніе, несогласіе; но наконецъ принимаетъ и то и другое. За симъ они уходятъ.)

о ф е л. Что жъ это значить, принцъ?

¹⁾ См. Тщетный трудъ любви. Дѣй. III. Сц. I. Прим.

Г а м. Темныя, безъ всякаго сомнѣнія, продѣлки; что-то, значитъ, недоброе.

о ф е л. Вѣрно это содержаніе піесы.

Входитъ Прологъ.

Г а м. А вотъ, узнаемъ отъ этого малаго; актеры не могутъ хранить тайны—все выболтаютъ.

о ф е л. Онъ объяснитъ намъ что значить эта пантомима?

Г а м. Эту и всякую, даже вашу: не постыдитесь что-нибудь представить ему, и онъ не постыдится сказать вамъ что это значить.

о ф е л. Вы злы, злы. Буду лучше слушать піесу.

Прологъ.

Для насъ и нашего представленія,
Полагаясь на ваше снисхожденіе,
Просимъ вниманья и терпѣнія.

Г а м. Что же это—прологъ, или надписъ колечка?

о ф е л. Коротко что-то.

Г а м. Какъ любовь женщины.

Входятъ театральные Король и Королева.

Т. Король.

Ужъ тридцать разъ объѣхалъ Фебъ златой
Вокругъ земли и влаги соляной;
Ужъ тридцать разъ, съ заемными лучами,
Дѣвнадцать лунъ по тридцати ночей
Своей чредой являлися надъ нами—
Какъ связали намъ, святѣйшей изъ связей,
Сердца—любовь, а руки—Гименей.

Т. Королева.

Еслибъ столько жъ разъ еще луна и солнце вновь
Свой путь при насъ прошли—наша не прошла бъ любовь.

Но, горе мнѣ! ты столько уже дней такъ хворѣ,
 Такъ чуждѣ веселія и довольства прежнихъ порѣ,
 Что страшно мнѣ. Но пусть мнѣ страшно, ты, мой другъ,
 Нисколько не тревожься: то, можетъ, страхъ пустой;
 Вѣдь женская боязнь любви соразмѣрна,
 Какъ любовь она ничтожна, или безмѣрна.
 Мою любовь тебѣ ужъ доказала я,
 И мой страхъ таковъ же точно какъ любовь моя.
 Гдѣ велика любовь—страшить и тѣнь сомнѣнья,
 Тамъ велика любовь, растутъ гдѣ опасенья.

Т. Король.

Да, милая, покинуть долженъ я тебя,
 И скоро—быстро гаснуть силы у меня;
 Ты же и за тѣмъ будешь жить, мой другъ,
 Любимая, въ почетъ; можетъ и супругъ,
 Тебя достойный—

Т. Королева.

О, не говори!
 Измѣной было бъ то, невѣрностью любви.
 Проклятіемъ да будетъ мнѣ супругъ другой;
 Только перваго убившей нуженъ мужъ второй.

г а м. (*Про себя*). Полюнь, полюнь.

Т. Королева.

Приводить новый бракъ разсчитать ужъ, не любовь;
 Супруга мертвого убила бы я вновь,
 Когда бъ другаго я на ложѣ обнимала.

Т. Король.

Я вѣрю: ты теперь что думаешь сказала,
 Но намѣренью мы часто невѣрны. Оно
 Рабъ памяти всегда; съ рожденія сильно,
 Затѣмъ слабѣетъ скоро; такъ плодъ—неспѣлый
 На деревѣ виситъ и валится созрѣлый.
 Забываемъ мы невольно что себѣ должны:
 Всѣ наши обѣщанья, коль страстью рождены,
 Какъ только страсть прошла, не знаютъ исполненья:

Горя ль, радости ль чрезмѣрность всѣ ихъ замышленья,
 Да и ихъ самихъ всегда готова извращать;
 Гдѣ радость ликовать, а горе удручать,
 Казалось, пуще бы должны—глядишь, отъ вздора
 Омрачилась радость, веселится горе.
 Не вѣченъ самый міръ—чему же удивляться,
 Что съ судьбою можетъ и любовь мѣняться?
 Досель еще никто, никакъ не рѣшено:
 Любовь ли счастію подвластна, или ей оно.
 Падетъ великій мужъ—льстецы какъ разъ отпрянутъ;
 Возвысится бѣднякъ—враги друзьями станутъ;
 Такъ объ руку любовь со счастіемъ идутъ:
 Будь только не въ нуждѣ—друзья не отойдутъ,
 А кто въ нуждѣ позвать къ себѣ захочетъ друга
 Найдеть ужъ въ немъ врага. Такъ, добрая подруга,
 Кончу тѣмъ, чѣмъ началъ: наши помыслы съ судьбой
 Въ такомъ находятся разладѣ межъ собой,
 Что рушатся всегда всѣ наши замышленья;
 Мысль-то наша, да не наше исполненье.
 И твоя такъ мысль въ другой бракъ не вступать ужъ
 Умретъ—умри лишь только первый мужъ.

Т. Королева.

Пусть съ голода умру, погаснетъ свѣтъ очей,
 Покой бѣжить меня и днемъ и въ тмѣ ночей,
 Отчаянье замѣнить сладость упованья,
 И будетъ жизнь моя жилища тюрьмы страданья!
 Пусть все, что радости туманитъ свѣтлый взоръ,
 Моимъ желаніямъ идетъ наперекоръ!
 Пускай проклятіе вездѣ идетъ за мною,
 Когда, разъ овдовѣвъ, вновь сдѣлаюсь женою!

г а м. Что, если она нарушить клятву—

Т. Король.

Клятва страшная!—Теперь оставь меня,
 Мой другъ; я утомленъ, и сномъ желалъ бы я
 День длинный обмануть.

(Засыпаетъ.)

Т. Королева.

Пусть сонъ тебя лелѣетъ
И несчастіе подкрасться къ намъ да не посмѣетъ.

(Уходитъ.)

г а м. Какъ вамъ нравится піеса, матушка?
королева Королева, кажется, слишкомъ ужъ много общается.

г а м. О, она сдержитъ свое слово.

к о р. Ты знаешь піесу? Нѣтъ ли въ ней чего-нибудь непристойнаго?

г а м. Нѣтъ, нѣтъ; они шутятъ только, шутя отравляютъ; ни малѣйшей непристойности.

к о р. А какъ называется эта піеса?

г а м. Мышеловкой; впрочемъ, въ переносномъ только смыслѣ. Піеса эта воспроизводитъ убійство, совершенное въ Вѣнѣ. Имя герцога Гонзаго, а жены его Баптиста. Вы сейчасъ увидите; дѣло гнуснѣйшее, но намъ-то что до этого? вашего величества и насъ, чистыхъ совѣстью, оно нисколько не касается; лягай себѣ кляча ободранная—наши крестцы здоровехоньки.

Входитъ Луціанъ.

Это нѣкто Луціанъ, племянникъ короля.

о ф е л. Вы отличный Хоръ, принцъ ¹⁾.

г а м. О, я могъ бы быть посредникомъ и между вами и вашимъ возлюбленнымъ, имѣй я только въ виду эту кукольную комедію.

о ф е л. Вы колки, принцъ.

г а м. Одинъ вашъ вздохъ—и моя колкость притуплена.

¹⁾ Во времена Шекспира Хоръ выводился въ піесахъ для поясненія темныхъ мѣстъ и для пополненія промежутковъ дѣйствія.

о ф е л. Часъ отъ часу не легче.

г а м. Бываетъ мужьямъ вашимъ ¹⁾.—Начинай же, убійца; брось глупое кривлянье, начинай.—Ну!—Черный вранъ каркаетъ ужъ о мщеніи.

Л У Ц І А Н Ъ .

Въ душѣ черно, готовы руки, готовъ и ядъ,
Благопріятенъ мигъ; ни чей не узрять взглядъ.
Ты, влага травъ, въ часы полночи набранныхъ,
Гекатой трижды зараженныхъ, заклятыхъ,
Кончай же все своею силой отравлять
И жизнь здоровую въ минуту прекращать.

(Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго.)

г а м. Онъ отравляетъ его въ саду, чтобъ завладѣть его престоломъ. Имя его Гонзаго; повѣсть объ этомъ сохранилась, написана отличнымъ итальянскимъ языкомъ. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца вкрался въ любовь жены Гонзаго.

о ф е л. Король встаетъ.

г а м. Какъ! испуганъ ложною тревогой?

королева. Что съ тобой, мой другъ?

п о л. Прекратите представленіе.

к о р. Посвѣтите!—идемъ!

в с ъ. Огня, огня, огня! (Уходятъ все, кромѣ Гамлета и Горацио.)

г а м.

Пусть, стоная, раненный олень бѣжитъ,

Здоровый веселится;

Одинъ вѣдь долженъ спать, пока другой не спитъ:

На этомъ сѣтъ вертится.

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: So you *mistake* your husbands... По Колъеру: So you *must take* your husbands...

А вѣдь этимъ, съ лѣсомъ перьевъ на головѣ—если ужъ ничто другое не повезетъ мнѣ, — да съ двумя еще провенсальскими розами на башмакахъ, снабженныхъ высокими каблуками ¹⁾, я могъ бы добиться приѣма въ любую труппу актеровъ.

г о р. На половинную долю ²⁾.

г а м. На полную.

Потому что тебѣ, любезный мой Дамонъ,
Извѣстно вѣдь, что симъ царствомъ прежде
Самъ Юпитеръ правилъ, а оставилъ тронъ
Сущему, сущему—павлину.

г о р. Могли бы и сриемовать, принцъ ³⁾.

г а м. О, добрый Гораціо, теперь каждое слово Духа тысяча для меня червонцевъ. Замѣтилъ ты?

г о р. Какъ нельзя лучше.

г а м. Во время рѣчи объ отравленіи—

г о р. Я не спускалъ глазъ съ него.

г а м. А! Хорошо; музыку сюда! флейщиковъ!

Когда король комедіи не любитъ,
Тогда—клянуси, онъ ее не любитъ.

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Ну же! музыку сюда!

г и л. Принцъ, позвольте мнѣ сказать вамъ слова два.

г а м. Хоть цѣлую исторію.

г и л. Король—

¹⁾ Въ оригиналѣ—на осла, въ переводѣ—на невѣжду.

²⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: on my raised shoes... По Коаллеру: on my raised shoes... Актеры въ то время, чтобъ казаться выше, надѣвали башмаки съ высокими каблуками и бантами въ видѣ розъ, а шапки украшали большимъ количествомъ перьевъ.

³⁾ Они получали не жалованье, а долю сбора.

г а м. Ну; что же онъ?

г и л. Въ своей комнатѣ и чрезвычайно разстроены.

г а м. Виномъ?

г и л. Нѣтъ, принцъ, желчью.

г а м. Ваша мудрость оказалась бы несравненно большею, еслибъ вы уведомили объ этомъ его врача; потому что, пропиши ему я очистительное — можетъ быть, оно еще болѣе расшевелило бы желчь его.

г и л. Любезный принцъ, приведите ваши рѣчи въ какой-нибудь порядокъ, не отскакивайте такъ дико отъ предмета разговора.

г а м. Смирюсь; повѣствуйте.

г и л. Королева, ваша матушка, глубоко огорченная, прислала меня къ вамъ —

г а м. Милости просимъ.

г и л. Нѣтъ, любезный принцъ, привѣтъ этотъ нисколько не искрененъ. Угодно вамъ дать мнѣ здравый отвѣтъ—я исполню порученіе вашей матушки; нѣтъ—просьба извинить и удаленіе будутъ концемъ моего дѣла.

г а м. Не могу, любезнѣйшій.

г и л. Чего же, принцъ?

г а м. Дать вамъ здравый отвѣтъ; умъ мой болѣитъ; но такой отвѣтъ, какой могу—къ вашимъ, или вѣрите, какъ вы говорите, къ услугамъ моей матери, и потому довольно объ этомъ; къ дѣлу. Моя мать, говорите вы—

р о з. Говорить, что ваше поведеніе крайне удивило, поразило ее.

г а м. Дивный сынъ, если могъ такъ удивить мать свою!—Не слѣдуетъ ли, однакожъ, по пятамъ за этимъ материнскимъ удивленіемъ еще что-нибудь?

р о з. Она желаетъ, прежде чѣмъ пойдете почивать, поговорить съ вами въ своей комнатѣ.

г а м. Повинуемся, будь она хоть десять разъ нашей матерью. Имѣете еще что передать намъ?

р о з. Принцъ, вы нѣкогда любили меня.

г а м. Люблю и теперь, клянусь этими ворами, этими карманниками ¹⁾.

р о з. Что могло васъ такъ разстроить? вы сами добровольно запираете вашу свободу, скрывая ваши неудовольствія отъ друзей вашихъ.

г а м. Жажда, любезный, возвышенія.

р о з. Какъ же это возможно, когда самъ король назначилъ васъ наследникомъ престола Дани.

г а м. Такъ, но „покуда травка подрастаетъ“ ²⁾—пословица эта немного позаплесневѣла.

Входитъ Музыкантъ съ флейтою.

А! флейщикъ! — дай-ка мнѣ свою флейту. — Послушайте, по секрету—что вы все вокругъ меня вертитесь, какъ бы выслѣживая, чтобъ загнать въ тенета?

г и л. Принцъ, смѣлъ мой долгъ чрезмѣру — невѣжлива, конечно, и моя любовь къ вамъ.

г а м. Я что-то плохо понимаю это. Сыграй, пожалуйста, что-нибудь на этой дудкѣ.

г и л. Не могу, принцъ.

г а м. Прошу.

г и л. Повѣрьте, не могу.

г а м. Сдѣлай милость.

¹⁾ By these pickers and stealers—то есть, этими пальцами; фраза эта порождена вѣроятно тогдашнимъ англійскимъ катехизисомъ, въ которомъ, между прочими обязанностями въ отношеніи къ своему ближнему, предписывалось воздерживать руки отъ карманныхъ выгрузокъ и воровства—from picking and stealing.

²⁾ Гамлетъ не договариваетъ конца этой старой поговорки; вотъ онъ: «часто конь ужъ издыхаетъ».

г и л. Да я ни одной не знаю хватки.

г а м. Полно, вѣдь это такъ же легко, какъ и лгать. За-крывай и открывай только пальцами эти отверстія, дуй въ это, и раздастся прекраснѣйшая музыка. Вотъ всѣ приемы.

г и л. И я все-таки не извлеку изъ нея никакой гармоніи; не сдѣлаю.

г а м. Какой же, послѣ этого, жалкой ничтожностью считаете вы меня. Вы хотите играть на мнѣ; хотите показать что знаете какъ взяться за меня; хотите извлечь изъ меня душу моей тайны; хотите чтобъ я издавалъ всѣ звуки отъ самаго низкаго до самаго высокаго; а тутъ, въ этомъ маленькомъ инструментѣ, столько музыки, такое благозвучіе, и вы ничего не можете извлечь изъ него. Скажите жъ, чертъ возьми! неужли вы думаете, что на мнѣ играть легче, чѣмъ на этой дудкѣ?—Назовите меня какимъ угодно инструментомъ—разстроить меня вы можете, но играть на мнѣ не можете.

Входитъ Полоній.

Да благословитъ васъ Господь, почтеннѣйшій.

п о л. Принцъ, королева желала бы поговорить съ вами, и сейчасъ же.

г а м. Видите вонъ то облако, такъ похожее на верблюда?

п о л. Вижу; дѣйствительно оно похоже на верблюда.

г а м. Кажется, болѣе на ластку.

п о л. Спина точно какъ у ластки.

г а м. Или у кита?

п о л. Совершенно, какъ у кита.

г а м. Хорошо; приду сейчасъ же.—Я совѣмъ съ ними одурѣю.—Приду сейчасъ же.

п о л. Такъ и доложу. (*Входитъ.*)

г а м. Сказать: сейчасъ—не трудно. — Оставьте меня, друзья мои. (*Всѣ уходятъ.*) Теперь самое чародѣйственное

время ночи, когда кладбища зѣваютъ и самъ адъ навѣваетъ на міръ заразы; теперь я могъ бы ушиться горячей кровью, свершить дѣла такъ страшныя, что день содрогся бы, увидавъ ихъ. Сдержись! прежде къ матери.—О, сердце, не измѣняй своей природѣ; не впускай души Перона въ эту грудь; пусть буду жестокъ, но не чудовищентъ; сдѣлаю мои слова кинжалами, но кинжала не коснусь; лицомъ рѣте языкъ и сердце; какъ бы ни были страшны мои ей рѣчи, душа, не допускай завершить ихъ дѣломъ! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 3.

Комната тамъ же.

Входятъ Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

к о р. Недоволенъ я имъ; да и не безопасно для насъ давать волю его сумасшествію. Будьте жъ потому готовы. Я сейчасъ подпишу мои вамъ порученія, и онъ отправится вмѣстѣ съ вами въ Англію. Обязанности нашего сана не дозволяютъ намъ допускать опасныя случайности, которыми ежечасно грозить его помѣшательство.

г и л. Мы будемъ готовы. Законна, свята заботливость о безопасности такого множества живущихъ вашимъ величествомъ.

р о з. И частный человѣкъ обязанъ всѣми силами ума ограждать свою жизнь отъ всего вреднаго; тѣмъ болѣе тотъ, отъ кого зависятъ жизнь и спокойствіе тысячей. Монархъ умираетъ не одинъ: какъ водоворотъ онъ увлекаетъ за собой все близкое; это громадное, стоящее на вершинѣ высочайшей горы колесо, къ огромнымъ зубцамъ котораго прилажены, прикрѣплены тысячи меньшихъ предметовъ; пало оно—гибнетъ и все что съ нимъ соединялось, каждый малѣйшій придатокъ.

Вздохъ короля никогда не бываетъ одинокъ, всегда сопровождается стономъ всего народа.

к о р. Поспѣшите жъ, прошу, сборами къ этому скорому отъѣзду, и мы надѣнемъ оковы на этотъ страхъ, бродящій слишкомъ ужъ свободно.

р о з. и г и л. Не замедлимъ. (*Уходятъ.*)

Входитъ Полоній.

п о л. Принцъ, ваше величество, сейчасъ придетъ къ своей родительницѣ, и я, спрятавшись за ковры ¹⁾, все услышу. Ручаюсь, она проберетъ его; но, какъ вы сказали и сказали весьма разумно, дѣйствительно—для большей вѣрности—необходимо чтобъ кто-нибудь еще, кромѣ матери, отъ природы пристрастной, слышалъ его бесѣду съ ней. Прощайте же, мой повелитель; явлюсь еще къ вамъ до вашего отхода ко сну и сообщу все, что услышу.

к о р. Благодарю, любезный Полоній. (*Полоній уходитъ.*) О, гнусно мое злодѣяніе, смрадъ его доходитъ до самаго неба; первое, древнѣйшее на немъ проклятiе—проклятiе братоубійства! Не могу и молиться, хотя и расположеніе такъ же сильно, какъ желанье; громадность преступленія превозмогаетъ силу желанья, и я, какъ человѣкъ, обязанный свершить два дѣла, колеблюсь съ чего начать и ничего не дѣлаю. Неужли же, еслибъ кровь брата покрывала проклятую эту руку слоємъ, толстѣйшимъ даже ея самой, у благихъ небесъ не хватить на столько дожда, чтобъ вымыть ее до бѣлизны снѣга? Къ чему же милосердіе какъ не для противопоставленія грѣху? Къ чему и двойная сила молитвы, какъ не для предотвращения паденія, не для прощенья, когда ужъ палъ?—Подни-

¹⁾ Ковры замѣняли прежде обои; чтобъ охранить отъ сырости, ихъ вѣшали такъ далеко отъ стѣны, что за ними легко могъ спрятаться человѣкъ.

му же взоры къ небу; грѣхъ мой прошедшій. Но, Боже, какая же молитва можетъ помочь мнѣ? Прости мнѣ гнусное мое убійство? — Невозможно; вѣдь я владѣю еще всѣмъ изъ-за чего сдѣлалъ его: и короной, и почестью, и королевой. Можно ли простить тому, кто пользуется еще плодами преступленья? Въ развратномъ этомъ мѣрѣ позлащенная рука преступления можетъ, конечно, отстранять правосудіе; часто самимъ преступнымъ стяжаніемъ ¹⁾ законъ и подкупается; но тамъ не такъ. Тамъ увертки невозможны; дѣяніе является тамъ самимъ собою, и мы сами, противопоставленные грѣхамъ нашимъ, должны дать полнѣйшій отчетъ въ нихъ. Что же? что же остается мнѣ? Попробовать что можетъ сдѣлать раскаяніе; чего же оно не можетъ? Но что жъ можетъ оно, когда не можешь раскаяться? О, страшное это состояніе! Грудь черна, какъ смерть! Погрязшая душа силится освободиться, и вязнетъ еще болѣе! Помогите же, ангелы неба! попробуй! гни- тесь упрямые колѣна! и ты, сердце желѣзное, будь мягко, какъ мышцы младенца; все, можетъ, загладится! (*Становится на колѣни.*)

Входитъ Гамлетъ и останавливается съ обнаженнымъ мечемъ позади.

Г а м. Теперь легко могъ бы я свершить—онъ погруженъ въ молитву; и я свершу теперь же;—и онъ отправится на небо, и это будетъ мщеніе? Сообразимъ. Бездѣльникъ умертвилъ моего отца, и за это, я, единственный сынъ, отправляю этого самого бездѣльника на небо. Да это плата, награда, а не мщеніе. Онъ умертвилъ моего отца неприготовленного, въ пресыщеніи, въ полномъ майскомъ разцвѣтѣ грѣха, и каково

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: the wicked prize itself Buys out the law... По Коальеру: the wicked purse itself Buys out the law...

отцу давать теперь отчетъ знаетъ только Богъ; по нашему же крайнему разумѣнію — страхъ какъ трудно; отищу ли, если убью этого изверга во время очищенія души, когда онъ приготовленъ къ переходу въ вѣчность? Нѣтъ. Въ ножны, мой мечъ; избири страшнѣйшее мгновенье. Срази пьяного, во снѣ, въ бѣснованьи, въ наслажденіяхъ кровосмѣсительнымъ ложемъ, въ игрѣ, въ буйствѣ, въ занятіяхъ чуждыхъ всего душевспасительнаго, чтобъ летѣлъ стремглавъ, пятами къ небу, въ кромешный адъ, съ душой, какъ онъ, проклятой, черной. Мать ждетъ; это лѣкарство затягиваетъ только хворь твою. (*Уходитъ.*)

к о р. (*Вставая.*) Слова возносятся, а мысли на землѣ; слова безъ мыслей никогда до неба не доходятъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 4.

Другая комната тамъ же.

Входятъ Королева и Полоній.

п о л. Сейчасъ явится. Будьте же съ нимъ построже; скажите, что его выходки слишкомъ ужъ дерзки, чтобы переносить ихъ; что ваше величество, чтобъ защитить его, должны были стать между имъ и сильнымъ гнѣвомъ. Я же спрячусь вотъ здѣсь ¹⁾. Будьте же, прошу, построже.

королева. Не беспокойтесь; можете вполне положиться на меня; удалитесь же — слышу, онъ идетъ. (*Полоній прячется за ковра.*)

Входитъ Гамлетъ.

Г а м. Что вамъ, матушка, угодно?

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: I'll silence me e'en here... По Коальеру: I'll conceal me e'en here...

королева. Гамлетъ, ты сильно оскорбилъ отца твоего.

г а м. Матушка, вы сильно оскорбили отца моего.

королева. Полно, полно; ты языкомъ безумья отвѣчаешь.

г а м. А вы-то, вы вѣдь языкомъ грѣха спрашиваете.

королева. Это что такое?

г а м. Что же вамъ угодно?

королева. Забылъ ты кто я?

г а м. Нѣтъ, клануся, нѣтъ. Вы королева, жена брата вашего супруга и—о, зачѣмъ это такъ!—вы мать моя.

королева. Если такъ—я пришлю умѣющихъ говорить съ тобою.

г а м. Нѣтъ, нѣтъ, садитесь; вы не тронетесь съ мѣста, не выйдете отсюда, пока не покажу вамъ зеркала, въ которомъ увидите сокровеннѣйшіе изгибы души вашей.

королева. Что хочешь ты? убить меня? О, помогите, помогите!

п о л. (*За коврами*). Помогите, помогите, помогите!

г а м. А! мышъ? (*Пронзаетъ коверъ мечемъ.*) Мертва, червонецъ объ закладъ, мертва.

п о л. (*За коврами*). О, убить—(*Падаютъ и умираютъ.*)

королева. О горе мнѣ! что сдѣлалъ ты?

г а м. Незнаю. Король? (*Поднимаетъ коверъ и вытаскиваетъ Полонія.*)

королева. Какое безумное, кровавое дѣло!

г а м. Да, кровавое; такъ же почти гадкое, добрая моя матушка, какъ и убить короля, и выйти за тѣмъ — за его брата.

королева. Какъ и убить короля?

г а м. Да, королева, я сказалъ это. (*Обращаясь къ трупу Полонія*) Ну, жалкій, суетливый, навязчивый глупецъ, прощай! Я принялъ тебя за другаго, позначительнѣй тебя; види свою судьбу; видишь, излишнее усердіе не советѣмъ безопас-

но.—Да перестаньте же ломать руки. Успокойтесь! присядьте, предоставьте мнѣ сломить ваше сердце, и я сломаю его, если только оно изъ вещества проникаемаго, если преступная привычка не закалила его до того, что сдѣлалось совершенно недоступнымъ для чувства.

королева. Что же такое сдѣлала я, что ты такъ жестоко нападаешь на меня?

г а м. Такое дѣло, которое уничтожаетъ прелесть и красоту стыда скромности, называетъ добродѣтель лицемеріемъ, срываетъ розы съ чела любви невинной и замѣняетъ ихъ прыщами, дѣлаетъ брачныя клятвы лживыми, какъ клятвы игрока; о, такое дѣло, которое лишаетъ сущность брака души его, обращаетъ сладостный обрядъ въ пустой наборъ лишь словъ. Рдѣютъ небеса, и даже сама земля, сложная эта масса, печальная, какъ передъ страшнымъ судомъ, скорбитъ, помышляя объ этомъ дѣлѣ.

королева. О, Боже! какое жъ это дѣло, такъ страшно вопиющее, вызывающее громы при одномъ уже упоминаніи о немъ?

г а м. Смотри сюда, на эту картину, и на эту, на эти изображенія двухъ братьевъ. Смотри, какой красой отличался этотъ: кудри Гиперіона, чело самого Юпитера, взоръ Марса—грозный и повелительный, осанка вѣстника боговъ, Меркурія, только что взлетѣвшаго на лобызающую небо вершину; совокупность, созданье это, къ которому каждый изъ боговъ приложилъ, казалось, печать свою, какъ ручательство міру, что человекъ это. Это былъ твой мужъ; смотри же, что за тѣмъ. Вотъ твой теперешній, какъ ржавый колосъ, пожравшій здороваго брата ¹⁾. Есть глаза у тебя? Какъ могла ты промѣнять питаніе на прекрасной этой высотѣ на жирѣнье въ этомъ бо-

¹⁾ Сонъ Фараона.

лотъ? О, есть ли глаза у тебя? Ты не можешь назвать это любовью; въ твои лѣта кровь не бурлитъ ужь, смиренна, покорна сужденью; какое жь сужденіе захочетъ перескочить отъ этого къ этому ¹⁾? Смыслъ же непременно есть въ тебѣ, не имѣла бы иначе и помысленій; но онъ навѣрное парализованъ; потому что и само безуміе не ошиблось бы тутъ, да сумасшествіе никогда и не подавляло еще смысла до такой степени, чтобъ не осталось хоть крошки его для выбора при такомъ различіи. Какой же демонъ одурилъ тебя въ этой игрѣ въ жмурки? И глаза безъ осязанія, осязаніе безъ зрѣнія, уши безъ рукъ или глазъ, обоняніе безъ всего этого, даже больная часть какого-нибудь здороваго чувства не могли бы такъ промахнуться. О, стыдъ! гдѣ же твоя краска? Адъ коварный, если ты можешь бунтовать и въ костяхъ пожилой женщины, отчего же и добродѣтели пламенной юности не быть воскомъ, যে таятъ отъ собственнаго огня; не зови же позоромъ разгула подстрекающаго пыла, когда и самый морозъ пламенѣетъ и разсудокъ сводничаеетъ волю.

королева. О, Гамлетъ, ни слова болѣе: ты обратилъ взоры мои въ самую глубь души моей, и я вижу въ ней такіа пятна, такъ въѣвшіяся, что не свести ихъ.

г а м. Дыша смраднымъ потомъ засаленнаго ложа, парясь въ развратѣ, любезничая, потѣшаясь любовью въ грязномъ свиномъ хлѣву.

королева. О, ни слова болѣе! какъ кинжалы вонзаются слова твои въ мой слухъ; ни слова болѣе, любезный Гамлетъ.

г а м. Убійца и бездѣльникъ; гнуснякъ, не стоящій и двадцатой частички десятой доли твоего перваго мужа; король-

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: And what judgment would *step* from this to this?... По Колльеру: And what judgment would *stoop* from this to this?...

шутъ ¹⁾; воришка царства и правленія, съ полки стянувшій драгоцѣнную корону и запрятавшій ее въ карманъ свой.
королева. Довольно!

Входитъ Духъ въ домашнее платье.

г а м. Король изъ лохмотьевъ и заплатъ—О, защитите, осяните меня крылами своими ангелы-хранители!—Чего хочешь ты, дивный образъ?

королева. Боже, онъ совсѣмъ помѣшался.

г а м. Явился ты съ укоромъ твоему мѣшкотному сыну, что, обуреваемый гнѣвомъ и страстью ²⁾, медлишь совершить страшное твое велѣніе? О, скажи!

д у х. Не забывай. Явился я, чтобъ оживить твою почти угасшую рѣшимость. Но посмотри, мать въ ужасѣ. О, стань же между ею и борьбой ея души; сильнѣй чѣмъ въ комъ работаетъ воображеніе въ слабыхъ. Говори съ ней, Гамлетъ.

г а м. Что съ вами, матушка?

королева. Увы! что съ тобою, что вперяешь взоры въ пустоту, ведешь рѣчи съ безтѣлеснымъ воздухомъ? Глаза твои сверкаютъ дико, и приглаженные волосы, словно живые, поднимаются, какъ сияющіе солдаты при тревогѣ, и стоятъ дыбомъ. О, милый сынъ, ороси пылъ и пламя твоего недуга прохладнымъ терпѣніемъ. На что смотришь ты?

г а м. На него, на него!—Смотри, какъ онъ блѣденъ! Видъ и дѣло его тронули бы самые камни.—О, не смотри на меня такъ; скорбнымъ этимъ взоромъ ты уничтожишь суровую мою рѣшимость, и то, что предстоитъ мнѣ сдѣлать утратить

¹⁾ A vice of Kings. Vice—комическое лице старыхъ комедій въ длинной курткѣ, въ дурацкой шапкѣ съ ослиными ушами, и съ тонкими деревяннымъ книжалою.

²⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: laps'd in *time* and passion... По Колльеру: laps'd in *time* and passion...

настоящее свое значение; оболюсь, можетъ-быть, слезами вмѣсто крови.

королева. Кому говоришь ты это?

г а м. Не видишь ничего тамъ?

королева. Ничего; но все, что есть, я вижу.

г а м. Ничего и не слыхала?

королева. Ничего, кромѣ нашихъ собственныхъ рѣчей.

г а м. Да смотри жъ туда! смотри—онъ, отецъ мой, въ своей одеждѣ, какъ при жизни, удаляется! Смотри, вонъ онъ идетъ—выходитъ въ двери! (*Духъ уходитъ.*)

королева. Все это только порождение мозга. Разстройство его удивительно какъ искусно создавать такіе безтѣлесные образы.

г а м. Разстройство! но пульсъ мой, такъ же, какъ и твой, бьется ровно, въ тактъ, такъ же здорово-музыкаленъ. Нѣтъ, не безумье говорило мной; подвергни меня испытанью, и я повторю все до слова—безумье же сбилось бы. Ради самого спасенья, матушка, не прикладывай къ душѣ лстящей мази: будто говорить не твой проступокъ, а мое безумье; она только замажетъ, затянеть язву, и воючій гной, роясь внутри, заразитъ тебя всю незримо. Исповѣдайся небу; раскайся въ прошломъ, избѣгай въ грядущемъ, и не удобряй земли для пущаго разростанія плевелъ. Прости мнѣ эту добродѣтель мою; въ наше ожирѣвшее, удушливое время и сама вѣдь добродѣтель должна просить прощенья у порока; кланяться, молить даже, чтобъ позволилъ помочь ему.

королева. О Гамлетъ, ты на двое разорвалъ мнѣ сердце.

г а м. О, брось же худшую часть его, и живи, чистая, другой половиной. Покойной ночи; но на ложе дяди не ходи; нѣтъ добродѣтели совсѣмъ—хоть накинь ее на себя. Чудовище, всякій смыслъ пожирающая привычка—обыкновенно демонъ—ангелъ тѣмъ, что и для хорошихъ, добрыхъ дѣлъ даетъ легко

надѣвающуюся одежду; воздержись въ эту ночь, и это облегчить тебѣ воздержанье въ другую; слѣдующее за тѣмъ будетъ еще легче, потому что навѣкъ можетъ совсѣмъ почти измѣнить штемпель природы и пересилить демона, даже выбросить его дивною своей силой. Еще разъ, покойной ночи; желаешь самой себѣ благословенья—благослови, прошу, меня.—(*Показывая на Полонія*) Что жъ до этого господина, мнѣ жалъ его; но такъ угодно было небу: чтобъ былъ я имъ, онъ мной наказанъ, оно сдѣлало меня и бичемъ и исполнителемъ своимъ. Я приберу его, отвѣчу и за смерть его. Еще, покойной ночи. Я долженъ быть жестокъ, чтобъ быть добрымъ. Начало это золь — страшнѣйшее назади еще. Еще одно слово, королева.

королева. Что жъ дѣлать мнѣ?

г а м. Никакъ не то о чемъ просилъ; пусть пухлый король заманитъ васъ опять на ложе, сладострастно щиплетъ ваши щеки, зоветъ своимъ мышенкомъ; пусть парой грязныхъ поцѣлуевъ, или щекоча проклятыми перстами вашу шею, заставить васъ открыть ему все, что между нами было, что, въ сущности, я нисколько не помѣшаю, что сумасшедшимъ только притворяюсь. Все это вамъ не худо передать ему; потому что кто же, бывши прекрасной, скромной, умной королевой, скрылъ бы отъ этой жабы, летучей мыши, отъ этого кота, такъ важныя для него обстоятельства? Кто же поступилъ бы такъ? Нѣтъ, на перекорь уму и тайнѣ, откройте корзину на вершинѣ кровли, выпустите птицъ, влѣзьте зъ нее для пробы, подобно извѣстной обезьянѣ, и сломайте себѣ шею.

королева. Вѣрь, когда слова—дыханье, а дыханье—жизнь, нѣтъ жизни у меня, чтобъ выдохнуть что говорилъ ты мнѣ.

г а м. Я долженъ ѣхать въ Англію; извѣстно это вамъ?

королева. Ахъ, да—забыла—такъ рѣшили.

Г а м. Письма запечатаны и поручены двумъ школьнымъ моимъ товарищамъ, которымъ вѣрю, какъ зубастымъ ехиднамъ; они должны разметать мнѣ дорогу, вести меня прямо въ пасть измѣны. Пусть работаютъ; потѣшно вѣдь поднять инженера его же орудіемъ на воздухъ, и будетъ особенное ужъ несчастье, если не подведу подъ ихъ подкопъ, какимъ нибудь аршиномъ ниже, другой и не взорву ихъ къ мѣсяцу. Наслажденіе, когда двѣ хитрости такъ сталкиваются. — А этого господина придется навьючить на себя. Я стащу эту требуху въ сосѣдную комнату. — Покойной ночи, матушка. — Какъ же, однакожъ, тихъ, скрытенъ и важенъ сталъ этотъ совѣтникъ, бывшій при жизни глупѣйшимъ болтуномъ. Идемъ, почтеннѣйшій, надо покончить съ тобой. — Покойной ночи, матушка. (*Уходитъ; Гамлетъ, взваливши Половія на плечи.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА 1.

Тамъ же.

Входятъ Король и Королева.

К о р. Есть же тяжкимъ этимъ вздохамъ причина, и ты должна сообщить ее; намъ не худо знать ее. Гдѣ сынъ твой?

Королева. Ахъ, мой другъ, что я въ эту ночь видѣла!

К о р. Что жъ, Гертруда? Что Гамлетъ?

Королева. Бѣснуется, какъ вѣтръ и море въ спорѣ кто сильнѣй. Въ дикомъ припадкѣ своемъ, услышавъ шорохъ за коврами, онъ выхватилъ вдругъ мечъ, вскрикнулъ: „Мышь!

мышь!“ и закололъ, въ безумномъ заблужденіи, добраго, спрятавшагося старика.

К о р. О, какое страшное дѣло! То же было бы и съ нами, находишь ты тамъ же. Грозитъ бѣдой его свобода всѣмъ: тебѣ самой, и намъ и всякому другому. Какъ объяснимъ мы кровавое это дѣло? Обвинять непременно и насъ; наша предусмотрительность должна была подвергнуть строгому надзору, обуздать, удалить отъ всякаго сообщества молодого безумца; а мы, увлекшись любовью, пренебрегли необходимымъ и, какъ больной сквернымъ недугомъ, скрывали его, дали ему возможность исполнѣ развиваться. Куда же пошелъ онъ?

Королева. Понесъ куда-то убитаго; и тутъ самое безуміе его, какъ зерно золота въ рудѣ низшихъ металловъ, оказалось чистымъ; онъ горько оплакивалъ случившееся.

К о р. О, Гертруда, пойдемъ! Прежде чѣмъ солнце коснется вершины горъ — онъ будетъ уже на кораблѣ; гадкое же это дѣло намъ надо, употребивъ всю нашу власть и все наше искусство, какъ-нибудь извинить и загладить. — Гильденштернъ!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Друзья мои, ступайте возьмите кого-нибудь еще на помощь. Гамлетъ убитъ, въ безумьи, Половія и куда-то унесъ его изъ комнаты своей матери. Ступайте, отыщите его; говорите съ нимъ какъ можно вкрадчивѣе, трупъ же отнесите въ часовню. Прошу, поспѣшите. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.*) Идемъ, Гертруда, созовемъ мудрѣйшихъ изъ нашихъ друзей и сообщимъ имъ что думаемъ сдѣлать и что, къ несчастью, уже сдѣлано. Такимъ образомъ, клевета — ядовитый шепотъ которой и черезъ весь міръ попадаетъ въ цѣль такъ же вѣрно, какъ пушка, — можетъ быть, и не коснется нашего имени, разразится въ неранимый воздухъ. — О, идемъ! душа полна разлада, страховъ. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 2.

ДРУГАЯ КОМНАТА ТАМЪ ЖЕ.

Входитъ Гамлетъ.

г а м. Прибранъ какъ нельзя лучше.

р о з. и гил. (*За сценой*). Гамлетъ! принцъ Гамлетъ!

г а м. Тихе! что это за крики?—Кто зоветъ Гамлета? А! идутъ сюда.

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

р о з. Что съѣзжали вы, принцъ, съ трупомъ?

г а м. Предалъ праху, которому сродни вѣдь онъ.

р о з. Скажите же гдѣ, чтобъ мы могли перенести его въ часовню.

г а м. Не думайте.

р о з. Чего же?

г а м. Чтобы я, умѣя хранить вашу тайну, не съумѣлъ сохранить своей. Кромѣ того, что же и отвѣчать королевскому сыну на вопросъ губки?

р о з. Принимаете вы меня за губку, принцъ?

г а м. Да, любезнѣйшій, за губку, всасывающую въ себя милости, награды, приказы короля. Но такіе прислужники полезны королю всего больше подъ конецъ; онъ бережетъ ихъ, какъ обезьяна за щекою первый кусокъ, чтобъ проглотить его послѣднимъ; понадобится ему всосанное вами, онъ только пожметъ васъ, и вы, губка, опять сухохоньки.

р о з. Я не понимаю васъ, принцъ.

г а м. Очень радъ; плутоватое слово спитъ въ глупомъ ухѣ.

р о з. Принцъ, вы должны сказать намъ гдѣ тѣло, и отправиться вмѣстѣ съ нами къ королю.

г а м. Тѣло при королѣ, но король не при тѣлѣ. Король есть нѣчто—

г и л. Нѣчто, принцъ?

г а м. Изъ ничего; ведите меня къ королю. Прячься ли-са, и всѣ за нею ¹⁾. (*Уходятъ*.)

СЦЕНА 3.

ДРУГАЯ КОМНАТА ТАМЪ ЖЕ.

Входитъ Король со свитою.

к о р. Я послалъ отыскать и его и трупъ. Свобода его опасна; но подвергнуть его всей строгости закона мы не можемъ; онъ такъ любимъ безмысленной толпой, которая любить глазами, не разсудкомъ; а гдѣ это такъ, видятъ только кару виновнаго—вины же никогда не видятъ. Чтобы уладить все мирно, виѣзжая эта отправка его должна казаться давно обдуманнѣмъ рѣшеніемъ; болѣзни отчаянныя излѣчиваютъ и средства только отчаянныя, или ужъ ничто.

Входитъ Розенкранцъ.

Ну что?

р о з. Куда дѣвалъ онъ трупъ, мы никакъ не могли до-биться.

к о р. Гдѣ же онъ самъ?

р о з. Въ сосѣдней комнатѣ, подъ стражей, въ ожиданіи вашихъ приказаній.

к о р. Ввести.

р о з. Гильденштернъ, введите принца.

Входятъ Гамлетъ и Гильденштернъ.

к о р. Гдѣ Полоній, Гамлетъ?

г а м. На ужинѣ.

¹⁾ Название дѣтской игры въ родѣ гулячень.

к о р. Какъ на ужинъ? Гдѣ же?

г а м. Не тамъ, гдѣ онъ ѣсть, а гдѣ его ѣдятъ; общество лакомыхъ червей ¹⁾ только что принялось за него. Червь—единственный монархъ всего съдобнаго; мы откармливаемъ всевозможныхъ животныхъ, чтобъ откормить себя, и сами откармливаемъ себя для червей. Жирный король и тощій нищій разныя только подачи, два только блюда къ одному столу; конечно это всего.

к о р. Увы!

г а м. Можно удить рыбу на червя, покушавшаго короля, и кушать рыбу, съѣвшую червя этого.

к о р. Что хочешь ты сказать этимъ?

г а м. Хочу только показать, какъ король можетъ путешествовать по кишкамъ нищаго.

к о р. Гдѣ Полоній?

г а м. На небѣ; пошлите туда справиться; не найдеть его вашъ посланный тамъ, ищите въ другомъ мѣстѣ ужъ сами. Впрочемъ, не найдете его въ теченіи этого мѣсяца—обнюхаете, всходя по ступенямъ въ сѣни.

к о р. (*Нѣкоторымъ изъ свиты.*) Пойщите его тамъ. (*Нѣкоторые изъ свиты уходятъ.*)

г а м. Не уйдетъ, дождется вашего прихода.

к о р. Гамлетъ, твое дѣло — для твоей же собственной безопасности, о которой мы столько же заботимся, сколько и скорбимъ о томъ, что ты сдѣлалъ,—требуется чтобъ ты немедленно удалился отсюда, и потому сберись. Корабль снаряженъ ужъ, вѣтеръ благопріятенъ, спутники ждутъ, готово все къ твоему отъѣзду въ Англію.

г а м. Въ Англію?

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: of *politick* worms... По Колльеру: of *palated* worms...

к о р. Да, Гамлетъ.

г а м. Хорошо.

к о р. Что хорошо, ты вполне бы убѣдился, еслибъ зналъ наши намѣренія.

г а м. Я вижу херувима, который видитъ ихъ.—Чтожъ, ѣдимъ въ Англію!—Прощайте, любезная матушка.

к о р. Твой любящій отецъ, Гамлетъ.

г а м. Матушка; отецъ и мать — вѣдь мужъ и жена, а мужъ и жена—одно тѣло, и потому—матушка. Ёдимъ въ Англію. (*Уходитъ.*)

к о р. Ступайте за нимъ слѣдомъ; постарайтесь поскорѣй завлечь на корабль; не останавливайтесь ничѣмъ—мы хотимъ чтобы онъ непремѣнно нынче же отправился. Все, что еще для этого дѣла нужно, сдѣлано и запечатано; прошу, поспѣшите. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.*) Ну, дорожишь ты, Англія, нашей дружбой—а дорожить ею, кажется, достаточно научило уже тебя наше могущество, потому что болять, красны еще рубцы, надѣланные датскими мечами и страхъ твой платить еще должную намъ дань уваженія,—ты не пренебрежешь нашимъ царскимъ, такъ ясно въ письмахъ выраженнымъ желаніемъ, чтобы Гамлетъ немедленно былъ преданъ смерти. Исполни это, Англія; какъ изнурительная горячка свирѣпствуетъ онъ въ крови нашей, и ты должна изцѣлить меня. Пока не узнаю что исполнено—ничто не можетъ меня радовать. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 4.

Равнина въ Даніи.

Входитъ Фортинбрасъ съ войскомъ.

ф о р. Ступайте, капитанъ, передайте мой привѣтъ королю Даніи и скажите ему, что, съ его позволенія, Фортин-

брасъ просить обѣщаннаго пропуска черезъ его королевство. Гдѣ найти насъ вы знаете. Угодно что отъ насъ его величеству—мы сами засвидѣтельствуемъ ему наше почтеніе. Такъ и скажите ему.

к а п. Будетъ все исполнено.

ф о р. Съ Богомъ, впередъ. (*Уходитъ съ войскомъ.*)

Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденштернъ и другіе.

г а м. Скажите, почтеннѣйшій, что это за войско?

к а п. Норвежское.

г а м. Куда же, смѣю спросить, идетъ оно?

к а п. На Польшу.

г а м. А кто предводительствуетъ имъ?

к а п. Фортиnbrасъ, племянникъ престарѣлаго короля Норвегіи.

г а м. И на самую Польшу, или только на пограничную часть ея идетъ онъ?

к а п. Сказать правду, безъ всякихъ преувеличеній, мы идемъ завоевывать клочекъ земли доходный только именемъ. И пяти, да и пяти дукатовъ не далъ бы я за наемъ его. Не принесетъ онъ больше ни Норвегіи, ни Польшѣ, еслибъ и совѣмъ его продали.

г а м. Въ такомъ случаѣ Польша и защищать его не станетъ.

к а п. Станетъ, заняла ужъ войскомъ.

г а м. И двѣ тысячи душъ и двадцать тысячъ дукатовъ не рѣшатъ этого спора о соломинкѣ; нарывъ это чрезмѣрнаго благоденствія и мира, прорывающійся внутрь, ничѣмъ наружнымъ не объясняющій отчего человѣкъ умираетъ.—Покоритѣся благодарю васъ.

к а п. Да хранить васъ Богъ. (*Уходитъ.*)

р о з. Угодно вашему высочеству продолжать путь?

г а м. Идите; я сейчасъ догоню васъ. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.*) Какъ все меня обвиняетъ и прищипываетъ мое мщеніе! Что же такое человѣкъ, если главный его блага и занятія только ѣда да сонъ? животное, не болѣе. А создавшій насъ съ такимъ широкимъ пониманіемъ, глядящими и впередъ и назадъ, даровалъ намъ эту способность и умъ богоподобный ужъ конечно не для того, чтобъ они плесневѣли въ насъ безъ всякаго употребленія. Не знаю, животная ли забывчивость, или какое-нибудь трусливо-совѣтливое раздумье объ исходѣ—раздумье, въ которомъ, разсѣвки его на четверо, окажется только доля смысла и непремѣнно три трусости, —заставляетъ меня доселѣ повторять: надо это сдѣлать, тогда какъ имѣю и поводъ, и желанье, и силы и средства сдѣлать это? Примѣры, какъ земля бросающіеся въ глаза, побуждаютъ меня; вотъ, хоть это войско, такъ многочисленное и могучее, ведомое юнымъ принцемъ: вдохновенный божественнымъ честолюбіемъ, онъ смѣется надъ невѣдомымъ исходомъ, подвергая смертное и невѣрное всевозможнымъ опасностямъ и смерти изъ за какой-нибудь яичной скорлупы. Быть истинно великимъ—невозставать, конечно, безъ достаточнаго повода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бороться за соломенку, когда задѣта честь. А я! у меня умерщвленъ отецъ, мать опозорена, столько побужденій ума и крови—и все это спитъ во мнѣ, тогда какъ, къ стыду моему, вижу неизбежную смерть двадцати тысячъ человѣкъ, изъ-за мечты, изъ-за призрака славы, спѣшавшихъ въ могилы, какъ на постели, дерущихся за клочекъ земли, на которомъ имъ всѣмъ и не умѣститься, котораго не хватитъ и на могилы убитыхъ!—О, отнынѣ всѣ мои помыслы будутъ кровавы, иль совѣмъ ничтожны!

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА 5.

Эльзиноръ. Комната во дворцѣ.

Входятъ Королева, Гораціо и Придворный.

КОРОЛЕВА. Не хочу я говорить съ ней.

ПРИД. Просить неотступно; она рѣшительно вѣтъ себя; нельзя не снизойти къ ея разстройству.

КОРОЛЕВА. Чего жъ хочетъ она?

ПРИД. Говорить много объ отцѣ, что слышала будто свѣтъ коваренъ; плачетъ, бьетъ себя въ грудь; раздражается вздохомъ; говорить вообще темно, на половину бессмысленно. Въ рѣчахъ ея нѣтъ, конечно, ничего, но самая безсвязность ихъ заставляетъ слушателей дѣлать разныя заключенія; они догадываются, толкуютъ ихъ, каждый на свой ладъ. Сопровождаемая жестами, подмигиваньемъ, киваньемъ, онѣ въ самомъ дѣлѣ мзгутъ навести на мысль, что въ нихъ есть что-то, хоть и неопредѣленное, но ужасное.

ГОР. Вамъ не худо поговорить съ ней, потому что въ людяхъ неблагонамѣренныхъ она дѣйствительно можетъ возбудить весьма дурныя предположенія.

КОРОЛЕВА. Введите ее. (*Гораціо уходитъ.*) Больной души моей—таково ужъ свойство грѣха,—всякая бездѣлица кажется прологомъ какого-нибудь страшнаго несчастія; преступленіе такъ глупо подозрительно, что, страшась измѣны, само же себѣ и измѣняетъ.

Гораціо возвращается съ Офеліей, помѣшанной.

ОФЕЛ. Гдѣ же прекрасная королева Даніи?

КОРОЛЕВА. Что съ тобой, Офелія?

ОФЕЛ. (*Поетъ*):

Друга сердца твоего
Мнѣ узнать по чѣмъ?
Пилигримомъ онъ одѣтъ,
Въ шляпѣ и съ жезломъ.

КОРОЛЕВА. Къ чему эта пѣсня, милая?

ОФЕЛ. А вотъ, послушайте. (*Поетъ*):

Умеръ, умеръ милый твой,
Умеръ и зарытъ;
Травка выросла надъ нимъ,
Камнемъ онъ прикрытъ.

О—охъ!

КОРОЛЕВА. Полно, Офелія—

ОФЕЛ. Нѣтъ, прошу, слушайте. (*Поетъ*):

Въ бѣломъ саванѣ, въ вѣнкѣ—

Входитъ Король.

КОРОЛЕВА. Посмотри, мой другъ.

ОФЕЛ. (*Продолжая пѣть*):

Легъ онъ на покой;
Длились слезы на него
Теплою росой.

ГОР. Какъ твое здоровье, милая Офелія?

ОФЕЛ. Хорошо, Господь да наградить васъ! Говорятъ, сова была дочерью хлѣбника ¹⁾. Боже, мы знаемъ, что мы такое, но не знаемъ чѣмъ можемъ быть. Да будетъ же Господь и за вашей трапезой.

ГОР. Все думы объ отцѣ.

¹⁾ Есть легенда, что Спаситель обратилъ дочь одного хлѣбника въ сову, за скупость ея.

о ф е л. Прошу не будемъ говорить объ этомъ; а спросать васъ что это значить, скажите вотъ что! (*Поетъ*)

Валентиновъ день сегодня!
Утромъ, самымъ раннимъ,
Къ твоему окну пришла я
Валентиной быть твоей.

Онъ вскочилъ, одѣлся живо,
Дверь ей быстро отворилъ,
Ввелъ ее къ себѣ дѣвицей—
Не дѣвицей отпустилъ.

к о р. Прекрасная Офелія!

о ф е л. Въ самомъ дѣлѣ, скажите! и безъ клятвъ—я до-
кончу. (*Поетъ*):

Стыдъ, не правда ль? призываю
Всѣхъ въ свидѣтели святыхъ!
Таковы, знать, всѣ мужчины—
Тѣмъ позорище для нихъ.

Ты хотѣлъ на мнѣ жениться,
Говорить ему она.
И женился бъ, еслибъ, помнишь,
Не пришла ко мнѣ сама.

к о р. Давно она въ такомъ состоянн?

о ф е л. Надѣюсь все еще уладится. Надо быть терпеливымъ;
вотъ, никакъ только не могу не плакать, когда подумаю, что
его хотятъ положить въ холодную землю. Братъ узнаетъ это,
и я благодарю васъ за добрый совѣтъ вашъ.—Подавайте жь
мою карету! Покойной ночи, прекрасныя дамы; покойной ночи,
мои добрыя, покойной, покойной ночи. (*Уходитъ*.)

к о р. (*Горацио*). Ступайте за ней слѣдомъ; охраняйте ее,
прошу, какъ можно бдительнѣй. (*Горацио уходитъ*.) Это ядъ

жестокой скорби; все это отъ смерти отца. О, Гертруда, Гер-
труда, приходять бѣды—приходятъ онѣ не одиночными шпио-
нами, а толпами. Сперва убійство ея отца, за тѣмъ отъѣздъ
твоего сына, неистоваго творца своего, вполне справедливого,
изгнанья; народъ возмущенъ, опасенъ предположеніями, тол-
ками о смерти добраго Полонія, и мы поступили страшно не-
обдуманно, схоронивъ его тайно; бѣдная Офелія отрѣшена отъ
самой себя и здраваго разсудка, безъ котораго мы просто кар-
тинки, или животныя. Наконецъ, что равняется совокупности
всего этого—ея братъ возвратился тайно изъ Франціи, откарм-
ливаетъ дивованье свое, скрывается въ тучахъ, и нѣтъ у него
недостатка въ наушникахъ, способныхъ заразить его слухъ
чумными разсказами о смерти его отца, въ которыхъ, по бѣдно-
сти матеріала, не посовѣтятся обвинять и насъ. Все это, лю-
безная Гертруда, какъ убійственная пушка, наноситъ мнѣ столь-
ко, излишнихъ даже, смертельныхъ ранъ. (*Шумъ за сценой*.)

к о р о л е в а. Боже! что это за шумъ тамъ?

к о р. Эй! гдѣ мои швейцары ¹⁾? Сказать, чтобъ охраня-
ли двери.

Входитъ поспѣшно Придворный.

Что тамъ такое?

п р и д. Спасайтесь, государь; и вздымающійся океанъ не
поглощаетъ отмѣлей такъ стремительно быстро, какъ юный
Лаертъ, во главѣ буйной толпы, преодолагаетъ вашихъ слу-
жителей. Толпа зоветъ его королемъ, и какъ будто міръ толь-
ко начался, древность забыта, невѣдомы и обычаи, эти скрѣ-
пители и опоры всякаго провозглашенія—оретъ себѣ: избира-
емъ мы; Лаертъ будетъ королемъ! и шапки, руки, языки воз-

¹⁾ Во многихъ старыхъ піесахъ тѣлохранители королей называются
Швейцарами безъ всякаго отношенія къ національности.

носить къ самому небу: Лаертъ будетъ королемъ, Лаертъ король!

королева. Какъ радостно лаютъ они по ложному слѣду. О, гадкія датскія собаки, сбились вы въ противную сторону. *(Шумъ за сценой усиливается.)*

к о р. Двери выломаны.

Вбѣгаетъ Лаертъ съ обнаженнымъ мечемъ и за нимъ Датчане.

ла е р. Гдѣ король?—Друзья, останьтесь вы за дверьми. датчане. Нѣтъ, мы съ тобой.

ла е р. Прошу, предоставьте уже мнѣ.

датчане. Хорошо, хорошо.

ла е р. Благодарю васъ, стерегите двери. *(Датчане уходятъ.)* О, гнусный король, отдай мнѣ отца моего.

королева. Успокойся, любезный Лаертъ.

ла е р. Каждая успокоившаяся капля моей крови провозгласитъ меня незаконнорожденнымъ, назоветъ отца рогоносцемъ, заклеятъ чистое, цѣломудренное чело вѣрной моей матери потаскушной.

к о р. Что побуждаетъ тебя, Лаертъ, къ такому страшному возстанію?—Оставь его, Гертруда; за насъ не бойся; король огражденъ такой божественностью, что измѣна можетъ только поглядывать на то, чего бы ей хотѣлось, не осуществляя желаемого.—Скажи, Лаертъ, что разожгло тебя такъ?—Не мѣшай ему, Гертруда.—Говори же.

ла е р. Гдѣ отецъ мой?

к о р. Умеръ.

королева. Но не отъ него.

к о р. Пусть спрашиваетъ.

ла е р. Отчего жъ умеръ онъ? Морочить я не позволю себя. Въ адъ долгъ подданнаго! клятвы къ чертѣйшему изъ дья-

воловъ! совѣсть, милосердіе въ пренеподнюю! не убоюсь и осужденія на вѣчныя муки. Дошелъ до того, что вполне равнодушенъ и къ тому и къ этому свѣту, пусть будетъ, что будетъ; только мести за отца, полнѣйшей мести жажду я.

к о р. Кто же остановитъ тебя?

ла е р. Кромѣ моей воли, ни даже вся вселенная. Что же до средствъ моихъ—буду такъ ими хозяйничать, что и немногимъ добьюсь многого.

к о р. Любезный Лаертъ, желая узнать истину о смерти отца, такъ любимого, хочешь твое мщеніе и за тѣмъ, какъ узнаешь ее, заставить платиться и друзей и враговъ, и выигравшихъ и проигравшихъ?

ла е р. Никого, кромѣ враговъ его.

к о р. Хочешь, стало, знать ихъ?

ла е р. Друзьямъ же его широко разверзну я мои объятія, и какъ нѣжный, жертвующій собою пеликанъ, насышу ихъ моею кровью.

к о р. Вотъ, теперь ты говоришь, какъ слѣдуетъ доброму сыну и истинному дворянину. Что я не виновенъ въ смерти твоего отца и сильно скорблю о ней, это будетъ тебѣ такъ же ясно, какъ день глазамъ.

датчане. *(За сценой.)* Впустите ее.

ла е р. Это что? что это за шумъ тамъ?

Входитъ Офелія, все въ помпѣзѣхъ.

О, зной, изсуши мозгъ мой! слезы, въ семь разъ солонѣйшія, выѣшьте чувства и способности глазъ!—Сумасшествіе твое, клянусь небомъ, будетъ оплачиваться на вѣсъ, пока наша чашка не наклонитъ стрѣлки. О, роза мая! дѣва-предѣль, добрая сестра моя, милая Офелія!— О, Боже! возможно ли чтобъ и умъ юной дѣвы былъ такъ же смертенъ, какъ жизнь старика? Природа удивительно нѣжна въ любви, и изъ нѣжно-

сти посылаетъ какую-нибудь драгоцѣнную часть самой себя за тѣмъ что любить.

о фел. (Поетъ):

Не закрывши лица его въ гробъ несли;
О горе, горькое горе!
И слезы въ могилу ручьями текли—

Прощай, мой голубчикъ!

лаер. И въ здоровомъ умѣ, побуждая ко мщенію, ты не возбудила бы такъ.

о фел. Вамъ надо пѣть: „Долой, такъ долой, кель зовете долой“. О, какъ идетъ къ этому припѣвъ этотъ. Вѣдь это гнусный управитель похитилъ дочь своего господина.

лаер. Этотъ вздоръ важи́те дѣла.

о фел. Вотъ розмаринъ — это для памяти; смотри же, помни, мой милый; а вотъ и аютины-глазки — это для думъ.

лаер. Поучаетъ и въ сумасшествіи; думы и память снабжены.

о фел. Вотъ укропъ для васъ, и колокольчики;—вотъ для васъ рута; вотъ и для меня немножко; мы можемъ называть ее и травкой воскресной благодати,—вашу руту вы можете носить съ отмѣткой. Вотъ маргаритка; я дала бы вамъ и фіалокъ, да онѣ всѣ, какъ только мой отецъ умеръ, завяли ¹⁾.—Говорять, онъ хорошо скончался—(Поетъ):

Вѣдь милый мой Робинъ вся радость моя...

¹⁾ На языкѣ цвѣтовъ, который во времена Шекспира былъ въ большой модѣ, розмаринъ, подаваемый Офеліей Лаерту, означалъ достоинство; крошечного, ему приписывали силу укрѣплять память; укропъ же, который она подаетъ королю—лесть и притворство, а колокольчики—благодарность. Рута была эмблемой горя и называлась, кромѣ того, травкой благодати, потому что ей придавали способность возбуждать раскаяніе и исправлять пороки. Маргаритка же означала коварство, а фіалка—вѣрность.

лаер. Грусть, скорбь, страсть и самый адъ, она обращаетъ въ благодушіе и прелесть.

о фел. (Поетъ):

Неужли жъ онъ больше не вернется?
Неужли жъ онъ больше не вернется?
Нѣтъ, нѣтъ, умеръ онъ,
Легъ на вѣчный сонъ ¹⁾,
Никогда ужъ больше не вернется.

Борода его бѣлая сивга была,
А волосы сѣды, какъ чесанный ленъ;
Умеръ, умеръ онъ,
Безполезенъ нашъ стонъ.
Сжался же, Боже, надъ его ты душой!

И надъ душами всѣхъ христіанъ! молю объ этомъ Господа.—
Да будетъ Господь и съ вами! (Уходитъ танцуя.)

лаер. Видишь ты это, о Боже!

к о р. Лаертъ, мнѣ необходимо объяснитьсь съ твоей скорбью; отказомъ ты нарушишь мое право. Поди, избери кого хочешь изъ мудрейшихъ друзей своихъ, и пусть они выслушаютъ и разсудятъ насъ. Найдутъ они меня, прямо или косвенно, виновнымъ — отдаю тебѣ, въ вознагражденіе, наше королевство, корону, жизнь и все, что мы называемъ нашимъ; не найдутъ — подари насъ терпѣніемъ, и мы, вмѣстѣ съ тобой, поищемъ полного тебѣ удовольствія.

лаер. Да будетъ такъ. Родъ его смерти, тайные похороны — ни трофеевъ, ни меча, ни доспѣховъ надъ костями его; ничего обычно почетнаго, торжественнаго, — все это вопіетъ такъ громко, что долженъ требовать отчета.

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: Go to thy death-bed... По Коальеру: Gone to his death-bed...

к о р. И дадутъ его, и пусть падаетъ роковой топоръ на виновнаго. Прошу, идемъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА 6.

Другая комната тамъ же.

Входитъ Гораціо *съ* Служителемъ.

г о р. Кто же это хочетъ говорить со мной?

служ. Какіе-то матросы; говорятъ что у нихъ есть къ вамъ письмо.

г о р. Введи ихъ. (*Служитель уходитъ.*) Не знаю изъ какихъ странъ свѣта могутъ слать мнѣ привѣтъ, если это не Гамлетъ.

Входятъ Матросы.

1 мат. Да благословить васъ Господь.

г о р. Да благословить онъ и тебя.

1 мат. И благословить, если захочетъ. Вотъ письмо—оно отъ посла, отправленнаго въ Англію,—и къ вамъ, если вы, какъ мнѣ сказали, Гораціо.

г о р. (*Читаетъ*) „Гораціо, прочтешь эти строки, доставь какъ-нибудь этимъ малымъ доступъ къ королю; у нихъ есть письма и къ нему. И двумя днями не постарѣли мы еще на морѣ, какъ на насъ напалъ отлично вооруженный пиратъ. Зная что корабль нашъ слишкомъ тяжелъ на ходу, поневолѣ пришлось положиться на нашу храбрость; во время схватки я вскочилъ на ихъ бортъ, а они въ то же самое мгновеніе отцѣпились, и я, одинъ, сдѣлался ихъ плѣнникомъ. Они обращались со мною какъ великодушные разбойники, зная впрочемъ что дѣлають; вотъ и мнѣ хочется услужить имъ. Доставятъ они королю посланныя мною письма—спѣши ко мнѣ такъ, какъ

спѣшилъ бы отъ смерти. Шепну тебѣ такія слова, отъ которыхъ ты онѣмѣешь, а они все слишкомъ еще легки для своего содержанія. Добрые эти матросы проводятъ тебя туда, гдѣ нахожусь теперь. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ путь въ Англію; есть что и о нихъ поразсказать тебѣ. Прощай; твой, какъ тебѣ извѣстно, Гамлетъ“.—Идемте, я помогу вамъ доставить ваши письма; передайте ихъ какъ можно скорѣе, чтобъ вести меня къ тому, къ кому присланы. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА 7.

Другая комната тамъ же.

Входятъ Король и Лартеръ.

к о р. Твоя совѣсть должна теперь скрѣпить мое оправданіе своей печатью и дать мнѣ мѣсто въ твоемъ сердцѣ, какъ другу; ты слышалъ, и ухомъ смысленнымъ, что убійца твоего отца замышлялъ собственно на мою жизнь.

л а е р. Это ясно. Скажите, однакожь, отчего же не преслѣдовали вы это дѣло, такъ преступное, такъ достойное казни, тогда какъ и собственная безопасность, и санъ, и благоразуміе, и все прочее такъ сильно побуждало васъ къ этому?

к о р. По двумъ весьма достаточнымъ причинамъ, которыя тебѣ покажутся, можетъ быть, ничтожными, но для меня чрезвычайно важны. Королева, мать его, только имъ и живеть, а я—добродѣтель это, или кара, что бы тамъ ни было,—я такъ съ ней связанъ душой и жизнью, что, какъ звѣзда движется только въ своей сферѣ, только ей и существую. Вторая же причина, почему я не хотѣлъ предать его суду общественному—это сильная любовь къ нему простонародья; смыкая всѣ его недостатки своимъ расположеньемъ, оно, какъ

источникъ обращающій дерево въ камень, превратитъ и самыя его цѣпи въ доблесть; тутъ мои стрѣлы, слишкомъ легкія для такого вѣтра, вмѣсто того чтобъ попасть въ цѣль, воротились бы къ луку, ихъ пустившему.

Л А Е Р. Я потерялъ, однакожь, благороднѣшаго изъ отцевъ, погублена и сестра, стоявшая, по совершенствамъ — если хвалы могутъ обращаться назадъ, — единственной на вершинѣ всей современности. Но часть мщенія придетъ таки.

К О Р. Не лишай себя изъ-за этого сна; не думай, что мы созданы изъ вещества такъ ужъ вялаго и слабаго, что позволимъ опасности теревить нашу бороду, принимая это за шутку. Скоро ты услышишь болѣе. Я любилъ твоего отца, люблю и самого себя, и это, надѣюсь, заставитъ тебя понять —

Входитъ Придворный.

Что тебѣ? что новаго?

ПРИД. Письма отъ Гамлета, государь. Это къ вашему величеству, а это къ королевѣ.

К О Р. Отъ Гамлета? кто же принесъ ихъ?

ПРИД. Говорять, какіе-то матросы; я самъ не видалъ ихъ; ихъ передалъ мнѣ Клавдій, а онъ получилъ ихъ отъ того, кто ихъ принесть.

К О Р. Лаертъ, я прочту тебѣ. *(Придворному)* Оставь насъ. *(Придворный уходитъ. Король читаетъ.)* „Великій и могущественный, да будетъ тебѣ извѣстно, что я, нагой, высаженъ на берегъ твоего королевства. Завтра я попрошу позволенія узрѣть твои царственные очи; и тутъ, вымоливъ прощенье, расскажу причину моего внезапнаго и крайне страннаго возвращенія. Гамлетъ“. — Что же это значитъ? Возвратились и всѣ прочіе? или это какой нибудь обманъ, и ничего такого не бывало?

Л А Е Р. Знаете вы его руку?

К О Р. Почеркъ Гамлета. Нагой, — и вотъ, въ припискѣ: одинъ. Можешь ты что-нибудь мнѣ присовѣтовать?

Л А Е Р. Я ничего тутъ не понимаю. Но пусть явится. Недугъ моего сердца оживляется и одной уже мыслью, что доживу до возможности сказать ему въ глаза: вотъ что ты сдѣлалъ!

К О Р. Если такъ, Лаертъ — но какъ же этому такъ быть? какъ иначе? — хочешь чтобъ я руководилъ тобой?

Л А Е Р. Хочу, государь, если только не поведете къ миру.

К О Р. Къ твоему только собственному миру. — Возвратится онъ вслѣдствіе нежеланія ѣхать и не захочетъ отправиться снова къ мѣсту своего назначенія — у меня есть для него, вполне уже обдуманная потѣха, которая непременно погубитъ его; и смерть его не подниметъ ни самонадѣянаго вѣтерка осужденія, даже сама мать оправдываетъ нашу продѣлку — назоветъ ее случайностью.

Л А Е Р. Государь, я готовъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ, и тѣмъ охотнѣе, если устроите такъ, что я же и буду орудіемъ.

К О Р. Именно ты и будешь. Во время твоего путешествія было много у насъ о тебѣ разговоръ, и при Гамлетѣ; особенно превозносили одно твое искусство, и всѣ другія твои дарованія, даже вмѣстѣ, не возбудили въ немъ такой зависти, какъ это одно, по моему самое ничтожное.

Л А Е Р. Какое же?

К О Р. Простой оно бантикъ на шапкѣ юности, однакожь нужный; потому что легкая, щеголеватая одежда такъ же прилична молодости, какъ зрѣлому возрасту — теплая, мѣховая, дающая и здоровье и важность. Мѣсяца два тому назадъ здѣсь былъ дворянинъ изъ Нормандіи. Видалъ я Французовъ, бывалъ противъ нихъ и въ походахъ — хорошіе они наѣзники; но этотъ просто чародѣй: приросши къ сѣдлу, онъ заставлялъ свою лошадь дѣлать такія чудеса, какъ будто воплотился въ

это благородное животное, составляя съ нимъ одно. Всё, какія я только могъ придумать, приемы и предѣлки, были ничто передъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ.

Л А Е Р. Нормандецъ, говорите вы?

К О Р. Нормандецъ.

Л А Е Р. Это непременно Ламордъ.

К О Р. Онъ самый.

Л А Е Р. Я знаю его; онъ дѣйствительно краса, бриліантъ всей націи.

К О Р. Рассказывая о тебѣ, онъ превозносилъ до небесъ твое искусство фехтовать, особенно шпагой; стоило бы посмотреть, говорилъ онъ, еслибъ нашлся человѣкъ, способный вступить съ тобой въ единоборство; клялся что фехтовальщики его націи, выступая противъ тебя, забывали всё приемы, теряли ловкость, глазъ даже. Хвалы его отравили Гамлета такой завистью, что онъ безпрестанно высказывалъ желаніе, просилъ о скорѣйшемъ твоёмъ возвращеніи, чтобъ съ тобой помериться. Вотъ, поэтому-то—

Л А Е Р. Что жъ поэтому, мой повелитель?

К О Р. Любишь ты своего отца, Лаертъ? или ты, какъ изображеніе скорби, лице безъ сердца?

Л А Е Р. Къ чему вы это спрашиваете?

К О Р. Нисколько не изъ предположенія что ты не любишь отца своего, а потому что знаю, что любовь рождается временемъ и вижу на дѣлѣ, что время же и ослабляетъ пылъ и пламень ея. Въ самомъ пламени любви есть родъ свѣтильни или нагара, который уменьшаетъ его; и ничто не бываетъ постоянно одинаково хорошимъ, потому что и хорошее, дѣлаясь черезъ-чуръ ужъ полнокровнымъ, мретъ отъ своего же избытка. То, что намъ хотѣлось бы сдѣлать, надо дѣлать какъ только захотѣлось, потому что это хотѣлось бы измѣнчиво, и у него столько же послабленій и отсрочекъ, сколько языковъ,

рукъ, случайностей; за тѣмъ и это надо—вдохъ расточителя, тѣмъ и вредный что облегчаетъ. Коснемся же снова больного нашего мѣста. Гамлетъ возвращается; что предпримешь ты, чтобъ доказать что ты сынъ твоего отца не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ?

Л А Е Р. Перехвачу ему горло и въ церкви.

К О Р. Никакое мѣсто не должно, конечно, защищать убійцу; нѣтъ для мщенія предѣловъ. Но для этого ты, любезный Лаертъ, сиди покойно въ своей комнатѣ. Гамлетъ, возвратившись, узнаетъ и о твоёмъ возвращеніи; мы пустимъ въ ходъ хвалы твоему искусству, придадимъ двойной лоскъ славы, распространенной о тебѣ Французомъ; устроимъ наконецъ между вами состязаніе и будемъ держать закладъ, кто за него, кто за тебя. Беспечный, великодушный, чуждый всякаго лукавства, онъ не станетъ осматривать шпагъ; тебѣ будетъ легко выбрать шпагу съ концемъ не притупленнымъ и отплатить ему за твоего отца однимъ ловкимъ ударомъ.

Л А Е Р. И отплатчу; для этого удостою мою шпагу даже помазанія. Я какъ-то купилъ у одного странствующаго врача мазь, такъ смертоносную, что, погрузи только въ нее остріе, и при самомалѣйшей, сдѣланной имъ ранкѣ, царапкѣ даже, никакая припарка, хотя бы она была составлена изъ всѣхъ цѣлительныхъ снадобій цѣлаго міра, не спасетъ уже отъ смерти. Намажу ею конецъ моей шпаги, чтобъ и въ случаѣ, если слегка только оцарапаю его—и царапина была смертью.

К О Р. Обдумаемъ же все хорошенько; обсудимъ какъ время и средства могутъ намъ благоприятствовать. Не удастся это, проглянетъ наша цѣль сквозь дурное выполненіе—лучше и не прибѣгать бы къ нему; необходимо, поэтому подкрѣпить его другимъ, способнымъ выручить, если это измѣнить. Поймай!—дай сообразить,—мы держимъ торжественный закладъ о вашей ловкости,—нашелъ. Когда задоръ состязанья, разго-

рячивъ вась, возбудить жажду — а для этого ты долженъ нападать какъ можно сильнѣй, — и онъ попросить пить, у меня будетъ готовъ кубокъ, изъ котораго, прихлебни онъ только, и нашъ замыселъ — хотя бы онъ и спасся какъ нибудь отъ твоего отравленнаго желѣза, — удался. Но тише! что это за шумъ?

Входитъ Королева.

Что скажешь, королева?

королева. За горемъ горе по пятамъ; такъ быстро слѣдуютъ они другъ за другомъ. — Лаертъ, твоя сестра утонула.

лаер. Утонула? Гдѣ?

королева. Тамъ есть ива, такъ нависшая надъ потокомъ, что съдавая листья ея отражается его зеркальными струями; къ этой-то ивѣ пришла она съ фантастическими вѣтками изъ дикаго хѣна, крапивы, маргаритокъ и ятрышника, который грубые пастухи называютъ такъ неприлично ¹⁾, а скромныя дѣвы — перстами мертваго. И тутъ, взбираясь на нее, чтобъ развѣсить по склонившимся вѣтвямъ странные вѣтки свои, она стала на коварный сукъ, вдругъ переломившійся, и вѣтки, и она сама, все упало въ плачущій потокъ. Широко вздувшееся платье держало ее, точно сирену, нѣсколько мгновеній поверхъ воды, и все это время она пѣла отрывки старыхъ пѣсень, какъ несчастная, не понимающая бѣды своей, или какъ созданіе, родившееся въ этой стихіи и опять въ нее возвратившееся. Но долго это не могло продолжаться; одежда намочила, отяжелѣвъ, потянула бѣдную отъ мелодическихъ ея пѣсней къ мутной смерти.

лаер. И она утонула?

¹⁾ Orchis morio mas — растение это имѣетъ нѣсколько довольно неприличныхъ названій.

королева. Утонула, утонула.

лаер. Слишкомъ много и такъ воды надъ тобой, бѣдная Офелія, и потому не дамъ воли слезамъ; а все таки — природа беретъ свое, что бы тамъ ни говорилъ стыдъ; выплачусь — исчезнетъ и все, что есть во мнѣ женственнаго. Прощайте, государь; было у меня много словъ огненныхъ, и вспыхнули бѣ они, не затопи ихъ эта глупость. (*Уходитъ.*)

к о р. Пойдемъ за нимъ, Гертруда. Трудно было мнѣ укротить его бѣшенство; а теперь, боюсь, его возбудить это снова; идемъ, идемъ за нимъ. (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА 1.

Кладбище.

Входятъ два Могильщика съ лопатами.

1 мог. Да развѣ того, кто умышленно искалъ спасенія, можно хоронить по христіански?

2 мог. Сказано — можно, такъ живо и копай ей могилу; слѣдователь осматривалъ ее и присудилъ ей христіанское погребеніе.

1 мог. Да вѣдь это можно только въ случаѣ, если она утопилась для собственной своей защиты.

2 мог. Такъ и нашли.

1 мог. Непремѣнно *se offendendo* ¹⁾; никакъ не иначе. Дѣло тутъ въ томъ: топлюсь я умышленно — это составляетъ

¹⁾ Оскорбляя себя, вмѣсто *se defendendo* — защищая себя.

дѣяніе, а дѣяніе состоитъ изъ трехъ частей: дѣйствованія, дѣланія и совершенія; эрга ¹⁾ — утопилась она умышленно.

2 мог. Послушай однакожь —

1 мог. Нѣтъ, позволь. Здѣсь вотъ вода — хорошо; здѣсь человекъ — хорошо; идетъ этотъ человекъ къ этой водѣ и топится, значить — хочетъ, не хочетъ, а идетъ-то онъ, замѣть это; если же вода идетъ къ нему и топить его — онъ не топится; эрга — тотъ, кто неповиненъ въ своей собственной смерти, не сокращаетъ своей собственной жизни ²⁾.

2 мог. И это такъ по закону?

1 мог. По закону; по слѣдственному закону.

2 мог. А по моему дѣло-то вотъ какъ: не будь она дворянка — ее и не похоронили бы по христіански.

1 мог. Оно, пожалуй и такъ; тѣмъ вотъ и обиднѣй, что

¹⁾ Вмѣсто ergo — слѣдовательно, итакъ.

²⁾ Шекспиръ осмѣиваетъ здѣсь тонкости современной ему юридической логики. Полагаютъ что онъ воспользовался для этого процессомъ вдовы утопившагося сэръ Джемса Гэльсъ. Судья Вэльшъ разсуждаетъ въ этомъ процессѣ такъ: «Дѣяніе состоитъ изъ трехъ частей: первая — это замышленіе, которое есть не что иное какъ обдумываніе и обсужденіе ума: слѣдуетъ или не слѣдуетъ уничтожать себя и какиимъ способомъ можно это сдѣлать; вторая часть — рѣшеніе, которое есть опредѣленіе ума уничтожить себя и именно тѣмъ или другимъ способомъ; третья часть — совершеніе, которое есть исполненіе того, что умъ рѣшилъ сдѣлать. Совершеніе же состоитъ изъ двухъ частей — начала и конца; начало есть приведеніе въ исполненіе дѣянія, причиняющаго смерть, а конецъ — смерть, которая только слѣдствіе дѣянія и т. д.». Другіе судьи (въ томъ же процессѣ) нисколько не уступаютъ ни Вэльшу, ни даже могильщику. «Сэръ Джемсъ Гэльсъ», говорятъ они, «умеръ; какиимъ же образомъ? можно отвѣтить — чрезъ утопленіе. Кто жь утопилъ его? Сэръ Джемсъ Гэльсъ. Когда жь утопилъ онъ его? Когда былъ живъ еще. Такиимъ образомъ, бывши еще живымъ, сэръ Джемсъ Гэльсъ умертвилъ сэръ Джемса Гэльсъ, и дѣйствіе живаго было смертію усопшаго. Здравый смыслъ требуетъ слѣдовательно наказанія за это преступленіе живаго, совершившаго его, а не мертваго» и т. д.

знатнымъ и топиться-то, или вѣшаться въ этомъ мірѣ сподручнѣй, чѣмъ намъ, такиимъ же христіанамъ. — Давай-ка, одна-кожь, лопату. Нѣтъ дворянина древнѣе садовника, землекопа и могильщика; они продолжаютъ ремесло Адама.

2 мог. Да развѣ дворянинъ онъ былъ?

1 мог. Первѣйшей еще руки.

2 мог. Ну, ужь руки-то у него никакой и не бывало ¹⁾.

1 мог. Что жь ты, язычникъ что ли? Не понимаешь стало Писанія? Писаніе говоритъ: Адамъ копалъ; какъ же безъ руки-то копалъ бы онъ? Я вотъ задамъ тебѣ другой вопросъ; не отвѣтишь какъ слѣдуетъ, признайся —

2 мог. Задавай.

1 мог. Кто строить прочнѣе всякаго каменщика, корабельщика или плотника?

2 мог. Да тотъ, кто строить висѣлицы; его постройка перживается вѣдь тысячи жильцовъ.

1 мог. Вотъ это мнѣ нравится; висѣлица дѣлаетъ добро, но кому дѣлаетъ она добро? она дѣлаетъ добро тѣмъ, кто дѣлаетъ зло; и ты дѣлаешь вѣдь не доброе, говоря что висѣлица прочнѣе церкви; эрга — висѣлица и тебѣ должна сдѣлать добро. — Нѣтъ, давай другой отвѣтъ.

2 мог. Кто строить прочнѣе каменщика, корабельщика или плотника?

1 мог. Да, скажи-ка, и гуляй себѣ.

2 мог. А вотъ, скажу теперь.

1 мог. Ну!

Входятъ Гамлетъ и Горацио и останавливаются въ отдаленіи.

2 мог. Нѣтъ, не знаю.

¹⁾ Тутъ непереводимая игра значеніями слова arms — гербъ, оружіе, руки.

1 мог. Такъ и не ломай же надъ этимъ головы своей; лѣнивый оселъ, сколько ни бей его, не прибавитъ шагу, а спросить тебя оцпть объ этомъ, скажи: могильщикъ; его дома простоятъ вѣдь до страшнаго суда.—Сходика лучше въ корчму, да принеси кварту водки. (*Второй могильщикъ уходитъ, а первый, копая могилу поетъ*):

Какъ былъ я молодъ и любилъ, любилъ,
Казалось сладостнѣй всего
Такъ тратить время да избытокъ силъ—
Не зналъ умиль и ничего.

г а м. Неужли же негодяй этотъ не понимаетъ что онъ дѣлаетъ—поетъ, копая могилу?

г о р. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ этому занятію.

г а м. Да, въ рукѣ мало работающей чувство, разумѣется, тоньше.

1 мог. (*Поетъ*):

А какъ старость воровски подкралась,
Какъ попалъ я въ лапы къ ней—
Съязъ и на мель, и со мной осталась
Только память прежнихъ дней.

(*Выбрасываетъ черепъ.*)

г а м. Въ этомъ черепѣ былъ языкъ, и онъ могъ нѣкогда пѣть; какъ швырнулъ его бездѣльникъ, какъ будто это челюсть Каина, перваго убійцы! Можетъ быть, оселъ помыкаетъ это головой политика, мечтавшаго провести и самого Господа—вѣдь это возможно?

г о р. Очень возможно.

г а м. Или придворнаго, восклицавшаго: здравствуйте, мой почтеннѣйшій! какъ поживаете, мой любезнѣйшій?—или господина такого-то, превозносившаго лошадь господина такого-то, задумавъ выпросить ее—вѣдь и это можетъ быть?

г о р. Весьма.

г а м. И теперь она собственность господина червя, обглодана, и бьетъ ее по скуламъ заступъ могильщика. Какое чудное превращеніе—еслибъ только могли подсмотрѣть его. Неужели, по своему образованію, кости эти годны только на игру въ шары? ноютъ отъ этого и мои кости.

1 мог. (*Поетъ*):

Аль кирки желѣзной, да лопаты,
Да савана простова,
Да ямы, вырытой изъ платы,
Для гостя нѣтъ такого?

(*Выбрасываетъ еще черепъ.*)

г а м. Еще; почему же этотъ не можетъ быть черепомъ законника? Гдѣ же теперь его тонкости, его крючки, придирки, иски? Зачѣмъ же позволяетъ онъ теперь этому мужлану бить себя по башкѣ грязной лопатой, не грозитъ привлеченіемъ къ суду? Можетъ быть, въ свое время онъ былъ и большимъ пріобрѣтателемъ земель по записямъ, крѣпостямъ, закладнымъ, долговымъ обязательствамъ; неужли же, въ концѣ концовъ, всѣ его закладныя и записи не упрочили за нимъ ничего, кромѣ грязи, набившейся въ хитрый его черепъ? неужли же и всѣ его крѣпости не могли закрѣпить за нимъ болѣе клочка, и въ длину и въ ширину, не большаго двухъ какихъ нибудь договорныхъ грамотъ? Даже акты, укрѣплявшіе за нимъ земли его, едва ли умѣстятся въ этомъ ящикѣ, и не прибавится ничего самому владѣльцу ихъ?

г о р. Ни вершка.

г а м. Пергаментъ готовятъ изъ бараньей вѣдь кожи?

г о р. И изъ телячьей.

г а м. Бараны же и телята всѣ, ищущіе въ немъ обезпеченія. Заговорю съ нимъ.—Чья это могила, любезный?

1 мог. Моя. (Поетъ):

Да ямы, вырытой изъ платы,
Для гостя нѣтъ такова?

г а м. Ужь не потому ли, что забрался въ нее?

1 мог. Вы вотъ не забрались въ нее—ну, она и не ваша;
а я и не забрался въ ней, а она все таки моя.

г а м. Ты заврался въ ней, утверждая что твоя она; вѣдь она для мертваго, а не для живаго, стало—чистѣйшее вранье это.

1 мог. И преживое; вѣдь какъ разъ вотъ къ вамъ опять и перескочить ¹⁾.

г а м. Какому жъ это мужу роешь ты ее?

1 мог. Никакому.

г а м. Такъ какой же женщинѣ?

1 мог. Никакой.

г а м. Кому жъ наконецъ?

1 мог. А тому что было женщиной, да и умерло—упокой ея душу Господи.

г а м. Какъ этотъ бездѣльникъ придиричь; съ нимъ надо говорить очень опредѣленно, а то замучить двусмысленностями. Въ эти три года, Горацио, все такъ изострилось, что и носокъ мужика до того придвинулся къ пяткѣ придворнаго, что берeditъ ея расѣдины ²⁾. Давно ты могильщикомъ?

1 мог. Да изъ всѣхъ дней года съ того, въ который покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

г а м. Сколько же этому лѣтъ?

¹⁾ Тутъ непереводаемая игра значеніями слова lie—находиться, лежать, лгать, ложь.

²⁾ Мода на башмаки съ длинными, заостренными носками дошла, съ 1482 г., въ Англію до того, что по невозможности, отъ чрезмѣрной длины, держаться, носокъ прикрѣплялся серебряной или золотой цѣпочкой къ колѣнѣ.

1 мог. Не знаете? да каждый дуракъ скажетъ вамъ сколько. Это было въ тотъ самый день, въ который родился молодой Гамлетъ, тотъ самый, что сошелъ вотъ съ ума и отосланъ въ Англію.

г а м. Зачѣмъ же отослали его въ Англію?

1 мог. Зачѣмъ? затѣмъ что съ ума сошелъ; тамъ онъ об-разумится, а если и не образумится—тамъ это ничего.

г а м. Отчего же?

1 мог. Оттого что тамъ не будетъ это замѣтно; тамъ вѣдь всѣ такіе же, какъ онъ, сумасшедшіе.

г а м. Какъ же сошелъ онъ съ ума?

1 мог. Престранно, говорятъ.

г а м. Какъ же странно?

1 мог. Такъ, взялъ да и свихнулся.

г а м. На чемъ же свихнулся онъ?

1 мог. Да на своей, на датской землѣ. Тридцать вотъ ужъ лѣтъ что я здѣсь могильщикомъ; былъ имъ мальчишкой еще.

г а м. А какъ долго можетъ человѣкъ пролежать въ землѣ, прежде чѣмъ сгніетъ?

1 мог. Если не сгнилъ еще передъ смертью—какъ это частенько теперь доказывается любострастными трупами, едва-едва дотягивающими до погребенья, — пролежить лѣтъ восемь, девять; кожевникъ непремѣнно девять.

г а м. Отчего жъ онъ дольше другаго?

1 мог. Оттого что онъ такъ продубилъ свою кожу ремесломъ своимъ, что вода долго не беретъ ее; а вода, надо вамъ сказать, злѣйшій сокрушитель гадкихъ вашихъ труповъ. Вотъ этотъ черепъ—этотъ черепъ пролежалъ ужъ въ землѣ цѣ-лыхъ двадцать три года.

г а м. Чей же это?

1 мог. Безпутѣйшаго бездѣльника; какъ бы вы думали, чей?

г а м. Не знаю.

1 м о г. Проклятый—провалился онъ,—вылилъ разъ цѣлую бутылку рейнского на мою голову. Этотъ черепъ, этотъ самый черепъ былъ черепомъ Юрика, шута королевскаго.

г а м. Этотъ?

1 м о г. Этотъ самый.

г а м. Покажи. (*Взявъ черепъ*) Увы, бѣдный Юрикъ!—Я зналъ его, Гораціо; это былъ человѣкъ чрезвычайно остроумный, изумительно потѣшливый; тысячу разъ носилъ онъ меня на спинѣ своей; а теперь—какъ отвратителенъ! мутитъ душу. Тутъ были губы, которыя я цѣловалъ незнаю какъ часто. Гдѣ же теперь остроты твои? твои прыжки? пѣсни? потѣшныя выходки, заставлявшія всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ помирать со смѣху? Не осталось ни одной, чтобъ насмѣяться надъ своимъ собственнымъ скаленьемъ? все утратилось. Ступай же теперь въ уборную красавицы, скажи ей, что, наклadyвай она румяны хоть на палецъ толщиною—лице ея все-таки будетъ такимъ же, и заставь ее этимъ разсмѣяться.—Скажи мнѣ одно, Гораціо.

г о р. Что, принцъ?

г а м. Неужли и Александръ въ могилѣ былъ такимъ же?

г о р. Точнехонько такимъ же.

г а м. И такъ же вонялъ? пфу! (*Бросаетъ черепъ.*)

г о р. Точно такъ же.

г а м. На какія жъ низкія употребленія могутъ нами воспользоваться, Гораціо! Почему же воображенію, выслѣживая благородный прахъ Александра, не найти его наконецъ замывающимъ втулочное отверстіе какой-нибудь бочки?

г о р. Такое выслѣживаніе было бы черезъ-чуръ ужъ странно.

г а м. Нисколько; до этого такъ легко дойти безъ всякихъ натяжекъ, путемъ вѣроятностей, напримѣръ такъ: Александръ

умеръ, Александръ похороненъ, Александръ превратился въ прахъ, прахъ—въ землю, въ глину; почему же этой глиной, въ которую онъ обратился, не могли замазать и пивную бочку?

И грозный Цезарь, обратившись въ прахъ,

Теперь замаска дыръ въ стѣнахъ.

И тотъ, кто міръ собою устрашалъ,

Защитою отъ вѣтровъ сталъ!

Но вотъ — отойдемъ въ сторону, — сюда идутъ король, королева, придворные. Кого это провожаютъ они, и такъ скромно? Это знакъ, что провожаемый, кто-нибудь изъ знатныхъ, самъ отчаянной рукой лишилъ себя жизни. Отойдемъ въ сторону, посмотримъ. (*Отходятъ.*)

Входитъ погребальная процессія: впереди Священники и другіе, потомъ носильщики съ тѣломъ Офеліи; за ними Лаэртъ и траурная свита, а за нею Король съ Королевой и ихъ свита.

л а е р. Что же будетъ еще?

г а м. Это Лаэртъ, благороднѣйшій юноша.

л а е р. Что же еще?

1 с в. Похоронный обрядъ, на сколько намъ дозволено, совершенъ. Смерть ея сомнительна, и безъ высшаго, переслѣдоваго уставъ, повелѣнія лежать бы ей до страшнаго суда въ землѣ неосвященной, и черепки и камни проводили бы ее, вмѣсто молитвъ, въ могилу; а она удостоена и вѣнковъ дѣвичьихъ, и осыпанія дѣвственными цвѣтами и выноса съ погребальнымъ звономъ.

л а е р. И ничего больше?

1 с в. Ничего. Мы унизили бы обрядъ погребенія, еслибъ и для нея стали пѣть грустный requiemъ и другія заукойныя молитвы, подобающія душамъ отошедшихъ съ миромъ.

л а е р. Опускайте жъ ее въ землю, и да вырастутъ изъ ея

прекраснаго, дѣвственнаго тѣла благоухающія фіалки!—А тебѣ, жестокосердый попъ, вотъ что скажу я: благодатнымъ будетъ сестра моя ангеломъ, тогда какъ ты будешь ревѣть въ преисподней.

г а м. Какъ! прекрасная Офелія?

королева. (*Бросая цветы въ могилу*). Прекрасное прекрасной. Прощай. Я надѣялась видѣть тебя женой моего Гамлета, думала осыпать ими не могилу, а брачное твое ложе, прекрасная дѣва.

лаер. О, тройное горе десять разъ трижды да отяготѣетъ надъ проклятой головой того, чье гнусное дѣло лишило тебя свѣтлаго ума твоего!—Погодите засыпать; дайте еще разъ обнять ее. (*Соскакиваетъ въ могилу*) Валите теперь землю на живаго и на мертвую, пока не сдѣлаете изъ этой плоскости гору, высшую маститаго Пеліона, или, касающейся небесъ, лазурной вершины Олимпа.

г а м. (*Подходя къ могилу*). Кто высказываетъ тутъ такъ страшно горе свое? закликаетъ скорбной рѣчью блуждающія звѣзды и заставляетъ ихъ останавливаться, какъ пораженныхъ изумленіемъ слушателей? это я, Гамлетъ датскій. (*Соскакиваетъ въ могилу*).

лаер. (*Бросаясь на него*) Да возьметъ же сатана твою душу!

г а м. Плохая это молитва. Прошу, отними твои пальцы отъ моей шеи; хоть я и не золъ, не пылокъ—есть однакожъ во мнѣ что-то опасное, чего должно страшиться твое благоуміе. Прочь руки. (*Они борются*.)

к о р. Разнимите ихъ.

королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

в с ѣ. Господа!

г о р. Успокойтесь, добрый принцъ. (*Ихъ разнимаютъ и они выскакиваютъ изъ могилы*.)

г а м. Нѣтъ, не перестану состязаться съ нимъ въ этомъ, пока не перестанутъ мои вѣки двигаться.

королева. Въ чемъ же сынъ мой?

г а м. Я любилъ Офелію; и любовь сорока тысячъ братьевъ, всѣхъ вмѣстѣ, не сравняется съ моею.—Что хочешь ты для нея сдѣлать?

к о р. Онъ помѣшанъ, Лаертъ.

королева. Ради самого Бога, пощади его.

г а м. Говори, что хочешь ты дѣлать? Хочешь плакать? хочешь биться? хочешь бѣсноваться ¹⁾? хочешь терзать себя, пить оцетъ, ѣсть крокодиловъ? И я сдѣлаю, сдѣлаю тоже ²⁾.—Пришелъ сюда выть? думаешь превзойти меня тѣмъ, что соскочилъ въ могилу, взывая чтобъ живаго зарыли съ нею?—и я готовъ на то же. Хвастаешь горами—пусть валятся на насъ миллионы акровъ, пока громада эта не спалитъ вершины своей въ жгучемъ поясѣ и самая Осса не покажется передъ ней бо-родавкой! Вздумалъ величаться—не уступлю и въ этомъ.

к о р. Припадокъ это сумасшествія—онъ скоро у него проходить.

королева. И за тѣмъ онъ такъ тихъ и терпѣливъ, какъ голубка, согрѣвающая только что вылупившихся золотистыхъ птенцовъ своихъ.

г а м. Скажи, что заставляетъ тебя такъ обращаться со мной? Я всегда любилъ тебя; но не въ томъ дѣло; пусть самъ Геркулесъ дѣлаетъ что можетъ—кошка все-таки будетъ мяукать, дождется и песъ своей очереди. (*Уходитъ*.)

к о р. Добрый Гораціо, ступай, прошу тебя, за нимъ. (*Гораціо уходитъ. Лаерту*) Усиль свое терпѣніе послѣднимъ нашимъ разговоромъ; мы свяжемъ наше дѣло съ этой схват-

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: would't fast?... По Коальеру: would't storm?...

²⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: I'll do't... По Коальеру: I'll do't; I'll do't...

кой.—Любезная Гертруда, учреди какой-нибудь надзоръ за своимъ сыномъ.—Живымъ украсится эта могила памятникомъ; настанетъ за тѣмъ и для насъ успокоенія часъ, а до того—терпѣнье. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА 2.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

Г а м. Объ этомъ довольно; перехожу къ другому.—Помнишь все, что было?

Г о р. Помню ли, принцъ?

Г а м. Въ душѣ моей происходила какая-то борьба, не дававшая мнѣ заснуть; казалось, лежу я хуже, чѣмъ прикованные къ желѣзному пруту возмущившіеся матросы. — Быстро—и благословеніе быстротѣ этой,—надо сознаться, что опрометчивость иногда полезна и самыхъ обдуманныхъ плановъ, и это доказываетъ, что есть божество, которое обдѣлываетъ наши предначертанія, какъ бы мы грубо ни обтесали ихъ.

Г о р. Нѣтъ сомнѣнія.

Г а м. Быстро вскочилъ я съ койки, накинулъ плащъ и въ темнотѣ, ошупью отправился ихъ отыскивать; отыскавъ, взявъ порученное имъ письмо и возвратился въ свою каюту. Тутъ мои опасенія сдѣлали меня такъ смѣлымъ, что я, забывъ всякое приличіе, вскрылъ его, и нашелъ въ немъ, Гораціо,—о, царственное бездѣльничество!—прошпигованное разными, касающимися безопасности какъ Даніи, такъ и Англіи, доводами, представленіями меня какимъ-то злымъ духомъ, страшнымъ,—положительное требованіе тотчасъ же, не давая даже времени наточить топоръ, свести мнѣ голову.

Г о р. Возможно ли?

Г а м. (*Подавая ему письмо.*) Вотъ оно; можешь прочесть его на досугѣ.—Разсказывать что сдѣлалъ я за тѣмъ?

Г о р. Прошу.

Г а м. Осѣненный такимъ образомъ бездѣльниками, я началъ пиесу, прежде чѣмъ успѣлъ составить какой-нибудь къ ней прологъ: присѣлъ къ столу, сочинилъ другое письмо и отлично переписалъ его. До этого писать хорошимъ почеркомъ и я, какъ вся наша знать, считалъ унижительнымъ, старался всячески разучиться; но тутъ онъ оказалъ мнѣ существенную услугу. Хочешь знать, что написалъ я?

Г о р. Скажите.

Г а м. Убѣдительноѣйшую просьбу короля—если Англія дѣйствительно вѣрная его данница, если желаетъ, чтобы дружба между ними процвѣтала, какъ пальма, если хочетъ, чтобы миръ постоянно украшался вѣнкомъ изъ арѣлыхъ колосьевъ, стоялъ запятой межъ ихъ пріязней, и много еще подобныхъ полновѣсныхъ если,—тотчасъ же, по полученіи и прочтеніи этого письма, предать подателей его смерти безъ всякаго предварительнаго обсужденія, не давъ даже имъ покаяться.

Г о р. Чѣмъ же запечатали вы его?

Г а м. И въ этомъ помогло мнѣ небо. Въ кошелькѣ моемъ оказалась печать моего отца, по которой вырѣзана государственная Даніи. Сложивъ это письмо точно такъ, какъ было сложено настоящее, я запечаталъ его, сдѣлавъ на немъ надпись, снесъ на мѣсто, и подлогъ остался незамѣченнымъ. На другой день произошла схватка съ пиратомъ; что же было за тѣмъ ты ужъ знаешь.

Г о р. И Гильденштернъ и Розенкранцъ отправились прямо на смерть.

Г а м. Чтожъ, вѣдь они такъ добивались этого посольства. Не ляжетъ это на мою совѣсть; ихъ гибель—слѣдствіе

ихъ же собственнаго вмѣшательства. Бѣда слабымъ, когда падаютъ межъ безпощадно яростныхъ мечей могучихъ противниковъ.

г о р. Каковъ же король-то!

г а м. Какъ ты думаешь? не время ли и не справедливо ли отплатить наконецъ, по заслугамъ ¹⁾, убійцѣ моего отца, развратителю моей матери, втершемуся между избраніемъ и моими надеждами, закинувшему уду даже на самую жизнь мою, и такъ еще вѣроломно? и не грѣхъ ли допускать, чтобы этотъ ракъ нашей жизни продолжалъ разъѣдать ее?

г о р. Его не замедлятъ извѣстить изъ Англіи, какъ исполнено его требованіе.

г а м. Не замедлятъ; но промежутокъ мой, а покончить жизнь человека можно такъ же скоро, какъ и промолвить слово: разъ. Во всякомъ случаѣ, добрый Горацио, мнѣ крайне досадно, что въ отношеніи къ Лаерту я такъ забылся, потому что въ картинѣ моего дѣла вижу снимокъ съ его; я вполнѣ цѣню его достоинства; только хвастливость его печали возбѣсила меня.

г о р. Тихе, принцъ. Кто-то идетъ сюда.

Входитъ Осрикъ.

о с р. Привѣтствую, принцъ, возвратъ вашего высочества въ Данію.

г а м. Покорѣйше благодарю васъ.—Знаешь ты водяную эту блоху?

г о р. Нѣтъ.

г а м. Тѣмъ для тебя лучше, потому что ужъ и знать его—порокъ. У него много земель, и плодородныхъ; сдѣлай скота

владыкой скотовъ, и если его придвинутся къ столу королевскому. Это сорока, но, какъ я сказалъ, обладающая большимъ пространствомъ грязи.

о с р. Дражайшій принцъ, еслибъ ваше высочество могли удосужиться — я сообщилъ бы вамъ кое-что отъ его величества.

г а м. Готовъ васъ выслушать съ полнѣйшимъ вниманіемъ. Да употребите же вашу шапку на то, для чего она сдѣлана; вѣдь для головы она.

о с р. Премного благодаренъ — здѣсь такъ жарко.

г а м. Что вы? очень, напротивъ, холодно; вѣтеръ съ сѣвера.

о с р. Оно дѣйствительно холодновато, принцъ.

г а м. И все таки слишкомъ, кажется, душно, и жарко для моего сложенія.

о с р. Чрезвычайно, принцъ; такъ душно, какъ будто—не знаю, право, какъ и выразить. — Его величество, многоуважаемый принцъ, поручили мнѣ извѣстить васъ, что они держатъ за ваше высочество большой закладъ. Дѣло, изволите видѣть, вотъ въ чемъ—

г а м. (*Побуждая его надѣть шляпу*). Прошу не забывайте—

о с р. Нѣтъ, право; такъ, право, мнѣ удобнѣй. Въ недавнемъ, ваше высочество, времени возвратился ко двору Лаертъ, дворянинъ, смѣю васъ увѣрить, совершеннѣйшій, преисполненный наипрекраснѣйшихъ дарованій, необычайно обходительный и представительный; отдавая ему должное, клянусь, нельзя не сказать что онъ образецъ, календарь свѣтскости; ваше высочество сами изволите увидать, что онъ совмѣщеніе всѣхъ, почитающихся дворянину, доблестей.

г а м. Описаніе его, достолюбезнѣйшій, ничего не утрачиваетъ въ устахъ вашихъ, хотя и знаю, что перечень всѣхъ его

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: To quit him with *this arm*?... По Кольтеру: To quit him with *his own*?...

доблестей привелъ бы въ тушкѣ ариометику памяти; во всякомъ случаѣ, принимая въ соображеніе высоту его полета, оно только поверхностное. Безъ всякаго хвалебнаго преувеличенія, я почитаю его душой громаднаго значенія, а то, чѣмъ онъ преисполненъ, такъ дороговизиннымъ, такъ рѣдкимъ, что, по истинѣ, равнаго ему можно найти только въ его зеркалѣ; всякій же, кто вздумаетъ подражать ему, будетъ только тѣнью его, никакъ не больше.

о с р. Ваше высочество, выразились о немъ изумительно вѣрно.

г а м. А побужденіе, почтеннѣйшій? къ чему облачаемъ мы этого дворянина въ наше, далеко грубѣйшее дыханіе?

о с р. Принцъ?

г о р. Не поймете ли на другомъ языкѣ? Поймете непременно.

г а м. Чего ради понадобилось имя этого дворянина?

о с р. Лаерта?

г о р. Кошелекъ его пусть уже; всѣ золотыя слова истрачены.

г а м. Да, его.

о с р. Я знаю, вы имѣете достаточныя уже свѣдѣнія—

г а м. Желалъ бы, чтобъ вы знали это, хотя, правду сказать, ваше знаніе этого нисколько не возвеличило бъ меня.— Далѣе, любезнѣйшій.

о с р. Вы имѣете достаточныя уже свѣдѣнія какъ совершенъ Лаертъ—

г а м. Не дерзаю признаться въ этомъ, изъ боязни что это будетъ равнаніемъ себя съ нимъ; вѣдь знать хорошо чело-вѣка — знать самого себя.

о с р. Я разумѣю, принцъ, въ искусствѣ владѣть оружіемъ; по тому, что о немъ повѣствуютъ—нѣтъ ему въ этомъ искусствѣ подобнаго.

г а м. Какимъ же это оружіемъ?

о с р. Шпагой и кинжаломъ.

г а м. Не однимъ стало; далѣе.

о с р. Король, принцъ, держитъ шесть варварійскихъ коней; онъ же отвѣтствуетъ, какъ я слышалъ, шестью французскими шпагами и кинжалами со всѣми ихъ принадлежностями, какъ-то: перевѣзьями, прищѣпками и прочимъ. Три снаряда, клянусь, очаровательны, удивительно соотвѣтствуютъ рукояткамъ; неподобнѣйшіе снаряды, чрезвычайно изящнаго устройства.

г а м. Что же называете вы снарядями?

г о р. Я зналъ, что вамъ придется еще, прежде чѣмъ съ нимъ кончите, поучиться у него.

о с р. Снаряды, принцъ, пристежки португеси ¹⁾.

г а м. Названіе это шло бы еще, еслибъ, вмѣсто шпагъ, мы носили съ боку пушки ²⁾; останемся пока при старомъ. Но къ дѣлу; шесть варварійскихъ коней, противъ шести французскихъ мечей, ихъ принадлежностей и трехъ изящнаго устройства снарядовъ — рѣшительно французскій закладъ противъ датскаго. Изъ чего же это отвѣтствованіе, какъ вы выразились?

о с р. Король утверждаетъ, что изъ двѣнадцати ударовъ онъ не нанесетъ вашему высочеству болѣе трехъ; онъ же стоитъ на томъ, что изъ двѣнадцати нанесетъ непременно девять, и споръ этотъ былъ бы рѣшенъ тотчасъ же, еслибъ ваше высочество соблагородили отвѣтить.

г а м. А что, если я отвѣчу — нѣтъ?

о с р. Я разумѣю, принцъ, отвѣтить противопоставленіемъ ему вашей собственной особы.

¹⁾ Hangers — ремни, идущіе отъ португеси спереди и сзади къ той части, въ которую всовывается шпага.

²⁾ Тутъ игра значеніями слова carriage — держало, лафетъ.

г а м. Я буду здѣсь; угодно королю — это именно часть моего отдыха, — распорядитесь чтобъ принесли сюда шпаги, и если Лаертъ согласенъ, а король не перемѣнилъ своего желанія — я выиграю для него закладъ, если смогу; не смогу — выиграю для себя стыдъ и лишніе удары.

о с р. Такъ и доложить?

г а м. Въ этомъ именно смыслѣ, съ какими вамъ угодно прикрасами.

о с р. Поручаю себя, принцъ, вашей милости.

г а м. Вашъ, вашъ. (*Осрикъ уходитъ.*) Хорошо что поручаетъ себя самъ; никто другой не сдѣлалъ бы этого.

г о р. Полетѣла пигаица съ скорлупой на головѣ¹⁾.

г а м. Онъ и грудь матери непремѣнно привѣтствовалъ прежде, чѣмъ началъ сосать ее. Онъ, и многіе еще, того же помета, которыми, я знаю, бредить дрянной вѣкъ нашъ, приобѣли лишь лоскъ времени, лишь вѣнныя приемы обращенія — родъ пѣнистой смѣси, озадачивающей не однихъ глупыхъ, но и умныхъ; а дунь только, для провѣрки ихъ, и пузыри полопались.

Входитъ Придворный.

при д. Его величество, узнавъ отъ юнаго Осрика, что вы, принцъ, ожидаете его въ этой залѣ, поручилъ мнѣ спросить — угодно вашему высочеству сразиться съ Лаертомъ теперь же, или какъ-нибудь въ другое время?

г а м. Я всегда вѣренъ моимъ рѣшеніямъ; они сообразуются съ желаніемъ его величества; угодно ему — я готовъ тотчасъ же, или и въ другое время, разумѣется, если буду расположенъ такъ же, какъ теперь.

¹⁾ Намекъ на колпакъ шутовъ и на повѣрье, что у пигаицы, когда она вылущится изъ яйца, на головѣ остается еще часть скорлупы.

при д. Король, королева и весь дворъ будутъ здѣсь сейчасъ же.

г а м. Милости просимъ.

при д. Королева желаетъ, чтобъ вы, принцъ, сказали нѣсколько дружескихъ словъ Лаерту прежде, чѣмъ сразитесь съ нимъ.

г а м. Совѣтъ хорошій. (*Придворный уходитъ.*)

г о р. Проиграете вы, принцъ, закладъ.

г а м. Не думаю; во время его бытности во Франціи я постоянно упражнялся; выиграю, благодаря этому, непремѣнно. Но ты не можешь себѣ представить, какъ тяжело у меня въ то же время на сердцѣ; да это ничего.

г о р. Однакожъ, принцъ —

г а м. Глупость; родъ предчувствія, способнаго встревожить развѣ женщину.

г о р. Противно что-нибудь душѣ вашей — послушайтесь ея; я предупрежу ихъ приходъ, скажу что вы нерасположены —

г а м. Ни подъ какимъ видомъ; смѣюсь я надъ предчувствіями; безъ особой воли провидѣнія и воробей не гибнетъ. Теперь, такъ не въ грядущемъ; не въ грядущемъ, такъ теперь; не теперь, такъ въ грядущемъ — все дѣло въ готовности. Никто не знаетъ вѣдь съ чѣмъ онъ разстанется, что же за важность разстаться и заблаговременно.

Входятъ Король, Королева, Лаертъ, Свита и Служители съ рапирами.

к о р. Ну, Гамлетъ, подожди же, возьми эту руку изъ нашихъ рукъ. (*Соединяетъ его руку съ рукой Лаерта.*)

г а м. Прости мнѣ, любезный Лаертъ; я оскорбилъ тебя; но ты прости, какъ дворянинъ. Всему этому собранію извѣстно, да и ты, навѣрное, слышалъ, что я наказанъ тяжкимъ

умственнымъ разстройствомъ. Все, что я сдѣлалъ, что такъ жестоко должно было возмутить тебя, твою честь, исключительность твоего положенія — я объявляю во всеуслышаніе безуміемъ. Гамлетъ ли оскорбилъ Лаерта? Никакъ не Гамлетъ. Если Гамлетъ, отрѣшенный отъ себя, не бывъ самимъ собою, оскорбляетъ Лаерта — это дѣлаетъ не Гамлетъ. Гамлетъ отрицаетъ это. Такъ кто же? Его безуміе. А если такъ, то и самъ Гамлетъ оскорбленъ не менѣе; вѣдь его безуміе врагъ бѣднаго Гамлета. Позволь же надѣяться, что мое полнѣйшее, въ присутствіи всѣхъ, отрицаніе всякой преднамѣренности убѣдитъ благородное твое сердце, что я столько же тутъ виновенъ, сколько былъ бы, еслибъ, пустивъ стрѣлу черезъ домъ, поранилъ брата.

ЛАЕР. По душѣ, которая въ настоящемъ случаѣ наиболѣе должна бы побуждать меня къ мщенью, я удовлетворенъ вполне; но по законамъ чести — далека еще отъ этого, и не примирюсь, пока слово испытанныхъ судей чести ¹⁾ не рѣшитъ, что миромъ нисколько не запятнаю моего имени. Принимаю, однакожъ, и до того предлагаемую вами любовь, какъ любовь; не оскорблю ее.

ГАМ. Доволенъ и этимъ; теперь свободно могу я приступить къ братскому состязанію. — Давайте рапиры; приступимъ.

ЛАЕР. Приступимъ; давайте и мнѣ.

ГАМ. Твоей фольгой ²⁾ буду я, Лаертъ; на моей неумѣлости твое искусство заблеститъ ярко, какъ звѣзда въ темнѣйшую ночь.

¹⁾ По Ставенсу это намекъ на четырехъ фехтмейстеровъ, которые, во времена Елисаветы были въ Лондонѣ рѣшителями всѣхъ дѣлъ, касавшихся чести.

²⁾ Рапирой и фольгой. Тутъ непереводаемая игра значеніями слова foil — рапира и фольга.

ЛАЕР. Вы смѣтаетесь надо мною, принцъ.

ГАМ. Нисколько; клянусь этой рукой.

КОР. Подай имъ, любезный Осрикъ, рапиры. — Знаешь, Гамлетъ, въ чемъ закладъ?

ГАМ. Знаю, государь; ваше величество держите за слабѣйшаго.

КОР. Не боюсь я этого; видѣлъ я васъ обоихъ; если онъ и искуснѣй — на нашей сторонѣ перевѣсъ ударовъ.

ЛАЕР. Эта слишкомъ тяжела; покажите другую.

ГАМ. Эта по мнѣ. А длины онъ вѣдь одной?

ОСР. Одной, принцъ.

КОР. Поставьте сосуды съ виномъ на этотъ столъ. Нанесетъ Гамлетъ первый, или второй ударъ, или отвѣтитъ на третій третьимъ — грянуть пушки всѣхъ бойницъ, выпьетъ король здоровье Гамлета, броситъ въ его кубокъ перлъ, драгоценнѣйшій украшавшаго корону четырехъ предшествовавшихъ королей Даніи. Подайте же мнѣ кубки, и да возвѣстятъ литавры трубамъ, трубы пушкарямъ, пушки небесамъ, а небеса землѣ, что король пьетъ Гамлета зореве! — Ну, начинайте; — а вы, судьи, смотрите зорко.

ГАМ. Начнемъ.

ЛАЕР. Начнемте, принцъ. (*Бьются.*)

ГАМ. Разъ.

ЛАЕР. Нѣтъ.

ГАМ. Рѣшайте.

ОСР. Ударъ, ударъ очевиднѣйшій.

ЛАЕР. Хорошо, — продолжаемъ.

КОР. Постойте; дайте мнѣ выпить. Гамлетъ этотъ перлъ твой; пью твое здоровье. — Подайте ему кубокъ. (*Трубы, за сценой пушечные выстрѣлы.*)

ГАМ. (*Продолжалъ биться.*) Позвольте прежде кончить; пусть постоитъ пока. — Ну. — Ударъ еще; что скажешь?

ла е р . Ударъ, ударъ, сознаюсь.

к о р . Сынъ нашъ выиграетъ.

королева. Онъ тучень, одышливъ.—Вотъ платокъ, оботри имъ лице, сынъ мой ¹⁾. Королева пьетъ за твой успѣхъ, Гамлетъ.

г а м . Добрая королева.—

к о р . Не пей, Гертруда.

королева. Выпью, вы извините, государь. (*Пьетъ.*)

к о р . (*Про себя.*) Это отравленный кубокъ!—поздно.

г а м . Не могу еще отвѣтить—сейчасъ.

королева. Подойди, дай обтереть лице твое.

ла е р . Теперь, государь, я нанесу ему ударъ непременно.

к о р . Не думаю.

ла е р . (*Про себя.*) Какъ ни противно это моей совѣсти.

г а м . Ну же, третій, Лаертъ. Ты какъ-будто шутишь; прошу, употреби все свое искусство. Боюсь, ты потѣшаешь себя надо мной.

ла е р . Вы думаете, смотрите жъ.

о с р . Ни тотъ, ни другой.

ла е р . Такъ вотъ же. (*Онъ ранитъ Гамлета; за тѣмъ въ пылу схватки, они мнѣются рапирами и Гамлетъ, въ свою очередь, ранитъ Лаерта.*)

к о р . Разнимите ихъ! они слишкомъ ужъ разгорячились.

г а м . Нѣтъ, продолжай. (*Королева падаетъ.*)

о с р . Посмотрите, посмотрите, королева!

г о р . Они оба въ крови.—Что съ вами, принцъ?

о с р . Что съ вами, Лаертъ?

ла е р . Попался, Осрикъ, какъ глухой куликъ, въ свои соб-

ственные сѣти; убить достойно своимъ собственнымъ коварствомъ.

г а м . Что съ королевой?

к о р . Дурнота отъ вида крови.

королева. Нѣтъ, нѣтъ, кубокъ, кубокъ.—О, мой милый Гамлетъ!—Кубокъ, кубокъ; отравлена. (*Умираетъ.*)

г а м . О, гнусность! — Эй! закройте двери! Измѣна! ищите гдѣ.

ла е р . Здѣсь, Гамлетъ. Гамлетъ, ты убить; и никакое лѣкарство не поможетъ тебѣ; нѣтъ въ тебѣ и на полчаса жизни; измѣническое орудіе у тебя въ рукѣ—не притупленное и отравленное. Гнусная продѣлка обратилась на меня самого; смотри, я лежу, и не встать уже мнѣ. Твоя мать отравлена; не могу болѣе. Король, король всему виной.

г а м . Остріе отравлено!—Къ дѣлу же, отравы! (*Ранитъ короля.*)

в с ъ . Измѣна! измѣна!

к о р . О, защитите меня, друзья мои; я только пораненъ.

г а м . Такъ допей же, гнусный, проклятый кровосмѣситель, это пойло; такъ вотъ твой перлъ-то? Ступай за моей матерью. (*Король умираетъ.*)

ла е р . Угощенъ достойно; отраву эту онъ приготовилъ самъ. — Обмѣняемся же прощеньемъ, благородный Гамлетъ. И моя, и моего отца смерть да не падетъ на тебя, да не падетъ и твоя на меня! (*Умираетъ.*)

г а м . Да простить тебѣ ее небо; я слѣдую за тобой. — Умираю, Гораціо. — Прощай, несчастная королева. — А вамъ, блѣдные, дрожащіе, нѣмые свидѣтели свершившагося — имѣй я только время, не будь неумолимая смерть такъ строго исполнительной,—о, я могъ бы сказать вамъ—но такъ и быть.—Гораціо, я умру, ты останешься въ живыхъ—ты расскажешь недовольнымъ, оправдаешь меня и мое дѣло.

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: Here, Hamlet, take my napkin, rub thy brows... По Кольеру: Here is a napkin; rub thy brows, my son...

г о р. Нѣтъ, не жить и мнѣ. Болѣе я древній Римлянинъ, чѣмъ Датчанинъ; (*Схватывая кубокъ*) въ кубкѣ есть еще.

г а м. Если ты мужъ—отдай мнѣ кубокъ; отдай; клянусь, онъ будетъ у меня. (*Отнимаетъ у него кубокъ*) О, добрый Гораціо, скроется такимъ образомъ сущность дѣла — въ какомъ же позорѣ будетъ жить по мнѣ мое имя! Если ты когда-нибудь любилъ меня—откажись на время отъ блаженства, подыши еще въ этомъ гадкомъ мірѣ, чтобъ рассказать правдивую обо мнѣ повѣсть. (*За сценой раздаются звуки отдаленнаго марша и выстрѣлы.*) Это что за воинственные звуки?

о с р. Это юный Фортиnbrасъ, возвращающійся съ побѣдой изъ Польши, привѣтствуетъ пословъ Англіи.

г а м. Умираю, Гораціо; мощный ядъ пересиливаетъ уже духъ мой. Не доживу до вѣстей изъ Англіи, но предрекаю избранье Фортиnbrаса; ему и мой умирающій голосъ; скажи ему это, и все, что болѣе или менѣе вызывало,—остальное—молчаніе. (*Умираетъ.*)

г о р. Разорвалось благородное сердце.—Прощай же, будь благословенъ ¹⁾, и сонмы ангеловъ да напоютъ тебѣ успокоеніе.—Зачѣмъ близятся сюда звуки барабановъ?

Входятъ Фортиnbrасъ, Англійскіе посланники и другіе.

ф о р. Гдѣ, гдѣ?

г о р. Чего ищешь ты? Горя, дивъ? — прекрати свои поиски.

ф о р. Безпощадная бойня!—Какой же это пиръ готовишь

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: *Good night, sweet prince*;... По Коальеру: *Good night, be blest*,...

ты, гордая смерть, въ вѣчной своей трущобѣ, что разомъ сразила столько царственностей?

1 пос. Страшное зрѣлище, и не успѣли мы съ нашимъ дѣломъ изъ Англіи; безчувственны уши того, кто долженъ былъ узнать отъ насъ что требованіе его исполнено, что Розенкранцъ и Гильденштернъ мертвы. Кто же поблагодарить насъ?

г о р. Не онъ, если бы и имѣлъ еще жизненную способность благодарить васъ. Никогда не требовалъ онъ ихъ смерти. Но если ужъ вы явились такъ скоро за этимъ кровавымъ дѣломъ, вы—изъ Польши, они—изъ Англіи, велите вынести эти трупы на высокій помостъ и позвольте мнѣ рассказать всему, ничего не вѣдающему міру, какъ все это случилось; и вы услышите дѣла срамныя, кровавыя, чудовищныя, рѣшенія случайныя, убійства нечаянныя, казни коварно задуманныя и вынужденныя обстоятельствами, и въ заключеніе, какъ неудавшіеся замыслы обратились на главы самихъ злоумышленниковъ. О всемъ этомъ передамъ я вамъ сущую правду.

ф о р. Поспѣшимъ же все это выслушать; созовемъ для этого благороднѣйшихъ сановниковъ. Что касается до меня—съ грустію встрѣчаю я мое счастье; есть старыя у меня права на это королевство, и не могу я не заявить ихъ теперь.

г о р. И объ этомъ придется мнѣ сообщить нѣсколько словъ изъ устъ того, чей голосъ дастъ вамъ много другихъ. Приступимъ же къ этому ¹⁾ немедленно, чтобы коварство или невѣдѣніе, пользуясь волненіемъ умовъ, не породило еще больше бѣдъ.

ф о р. Гамлета, какъ война, потому что, взойди онъ на престолъ — онъ оказался бы вполне царственнымъ, нести на

¹⁾ Въ прежнихъ изданіяхъ: *But let this same*... По Коальеру: *But let this scene*.

помощь четыремъ капитанамъ съ громкой музыкой и со всѣми обычными воинскими почестями. — Берите же трупы. — Хороши они еще на полѣ битвы—никакъ не здѣсь. — Сказать, чтобъ начинали пальбу. (*Похоронный маршъ; всѣ уходятъ съ трупами и за тѣмъ, за сценой раздаются залпы изъ пушекъ.*)